

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ворникова Екатерина Дмитриевна

**Правовое регулирование внешней торговли услугами
в цифровой экономике**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Вайпан Виктор Алексеевич

Москва – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Элементы предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами	16
§ 1. Объекты предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами	16
§ 2. Субъекты предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами	45
§ 3. Содержание предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами	63
Глава 2. Особенности правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами	86
§ 1. Основные принципы правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами	86
§ 2. Государственное регулирование предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами	106
§ 3. Негосударственное регулирование предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами	127
Глава 3. Договоры оказания услуг в сфере внешней торговли в условиях развития цифровой экономики	144
§ 1. Договорные конструкции при использовании цифровых платформ в сфере внешней торговли услугами	144
§ 2. Виды договоров оказания цифровых услуг	166
§ 3. Заключение и исполнение договоров в сфере внешней торговли услугами с использованием цифровых технологий	181
Заключение	200
Библиография	205

Введение

Актуальность темы исследования

Сфера услуг охватывает свыше 60% экономически активного населения и является одной из наиболее быстрорастущих отраслей экономики в мире¹. Актуальность темы исследования связана со структурными изменениями, произошедшими в российской экономике в течение последних лет. Данные в цифровой форме стали ключевым фактором производства, появились новые технологии, что привело к значительному изменению существующих общественных отношений.

Цифровой бизнес – это новая экономическая модель, существующая в глобальном масштабе за счет использования интернета и новых цифровых технологий, поэтому целесообразно исследовать именно внешнеэкономическую деятельность, основанную на цифровом взаимодействии значительного числа субъектов предпринимательской деятельности. Создание цифровой экономики вывело правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере оказания услуг на надгосударственный уровень, обеспечивающий синхронизацию экономических связей хозяйствующих субъектов различных стран. Важнейшей задачей права стала разработка моделей правового регулирования, позволяющих соблюсти баланс между сохранением фундаментальных общественных ценностей, принципов права и беспрепятственным развитием новых технологий и их использованием во внешнеэкономических связях. Новые технологии ведут к появлению новых субъектов, правовой статус которых не определен, и к совершенствованию инфраструктуры, что также требует внесения изменений в существующее правовое регулирование. Кроме того, возникает проблема адаптации гражданско-правовых институтов к условиям всемирной цифровой экономики, проблема автоматизации заключения и исполнения договоров, и алгоритмизации таких оценочных понятий, как добросовестность, справедливость, качество услуг.

---

¹Ануфриева Л.П. Право ВТО: теория и практика применения: монография / Л.П. Ануфриева и др.; под ред. Л.П. Ануфриевой. М: Норма, 2016. С. 140.

Цифровые внешнеэкономические отношения являются не только объектом правового регулирования, но и источником права в материальном смысле (то есть возникают раньше норм права, а затем влияют на формирование государственной воли). Трансформация услуг как объекта правоотношений и изменение субъектного состава правоотношений в цифровой экономике требует адекватного правового регулирования. Происходит переосмысление традиционных правовых моделей, появляются новые принципы правового регулирования, меняются методы правового воздействия.

Степень научной разработанности

Существуют научные работы, посвященные отдельным цифровым технологиям (искусственному интеллекту, блокчейну, большим данным, беспилотному транспорту, робототехнике), однако в них не исследованы многие вопросы теории и практики правоотношений, складывающихся при трансграничном оказании услуг в цифровой экономике; не отражены проблемы правового регулирования специфических механизмов заключения и исполнения договоров в цифровой внешнеэкономической среде; не выявлены проблемы установления иностранного элемента внешнеэкономических сделок; не исследованы общие принципы правового регулирования трансграничных цифровых экономических отношений.

Так, ряд исследований затрагивает либо общие вопросы правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровизации экономики (Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, В.С. Белых, В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин, М.А. Егорова, В.А. Лаптев, Д.В. Лоренц, В.Ф. Попондопуло), либо отдельные аспекты регулирования общественных отношений в цифровой экономике (В.К. Андреев, В.А. Вайпан, О.А. Городов, Л.Г. Ефимова, А.А. Карцхия, Н.Г. Кузнецова, М.В. Мажорина, А.В. Минбалеев, П.М. Морхат, М.А. Рожкова, А.И. Савельев, Т.Я. Хабриева, Ю.С. Харитоновна, Н.В. Щербак), либо специальные вопросы правового регулирования внешнеэкономической деятельности (А.В. Асосков, Г.К. Дмитриева, С.Г. Заливако, А.А. Иванов, Д.С. Лебедев, С.В.

Третьяков), либо только вопросы оказания услуг (Л.В. Санникова).

В работах перечисленных авторов исследованы отдельные правовые институты, тогда как комплексные научные исследования, которые бы затрагивали в целом правовой режим внешней торговли услугами в ее предпринимательском ракурсе в условиях развития цифровой экономики, отсутствуют. Не изучены особенности услуг как объекта трансграничных правоотношений в цифровой экономике и особенности правового статуса субъектов таких отношений, не предложены новые правовые средства.

Таким образом, степень научной разработанности темы представляется недостаточной.

Объектом диссертационного исследования являются правовые отношения, складывающиеся при осуществлении внешней торговли услугами в условиях развития цифровой экономики.

Предмет диссертационного исследования составляют структура и элементы правоотношений в области внешней торговли услугами в условиях развития цифровой экономики; правовые нормы, регулирующие правоотношения в указанной сфере; российская и зарубежная доктрина; судебная практика.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении, постановке и предложении путей разрешения выявленных проблем правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами в условиях цифровой экономики.

В процессе достижения названной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

- 1) Выявить и охарактеризовать объекты предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами.
- 2) Рассмотреть правовой статус субъектов предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами.
- 3) Рассмотреть содержание предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами и выявить их взаимосвязь в условиях

цифровой экономики.

- 4) Выявить принципы правового регулирования предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике.
- 5) Проанализировать теоретическую и практическую основу правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами.
- 6) Определить роль государственного регулирования общественных отношений в сфере внешней торговли услугами.
- 7) Исследовать правовую природу и значение неформальных регуляторов общественных отношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике.
- 8) Исследовать правовой режим деятельности цифровых платформ.
- 9) Проанализировать правовую природу договоров, опосредующих отношения в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике.
- 10) Проанализировать порядок и способы заключения договоров, опосредующих предпринимательскую деятельность в области внешней торговли услугами, а также особенности исполнения таких договоров.

Теоретической основой исследования являются научные труды современных и дореволюционных ученых в сфере гражданского и предпринимательского права. Это следующие ученые: А.Г. Быков, В.А. Вайпан, В.В. Витрянский, Е.П. Губин, И.А. Зенин, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, И.А. Покровский, В.Ф. Попондопуло, Б.И. Пугинский, Л.В. Санникова, Е.А. Суханов, В.С. Толстой, Ю.С. Харитонова, Г.Ф. Шершеневич и другие.

Кроме того, теоретическую основу исследования составили работы зарубежных авторов, посвященные цифровизации права и экономики: М. Бурри, С. Вунш-Винсент, О. Лобель, Ю. Кохен и другие.

Нормативной базой диссертационного исследования являются нормативные правовые акты, в частности Гражданский кодекс Российской

Федерации и Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»; законодательство ряда зарубежных стран и международные договоры.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляют материалы судебной практики, а также статистические и аналитические исследования, проведенные в России и за рубежом.

Методологической основой диссертационного исследования является совокупность общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-юридических (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой) методов научного познания.

Научная новизна исследования заключается в том, что работа является первым комплексным исследованием правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике. В диссертации выявлены проблемы правового регулирования внешней торговли услугами в цифровой экономике и предложены пути их решения. В частности, выявлены свойства цифровых услуг как объекта правоотношений, обоснована взаимосвязанность договоров в цифровой среде, определен правовой институт трансграничного оказания цифровых услуг, предложена систематизация новых правовых принципов, проанализирована правовая природа неформальных регуляторов, определен предмет договоров, опосредующих отношения в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике, а также выявлены особенности надлежащего исполнения договорных обязательств в исследуемой сфере. На основе результатов исследования сформулированы положения на защиту и предложения по изменению действующего законодательства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обосновано, что в цифровой экономике процесс оказания ряда услуг становится автоматизированным, а результат оказания услуг существует в объективированной форме и может сохраняться посредством записи

программного кода и применения иных цифровых технологий. Указанное позволяет провести различие между «традиционными» услугами (например, образовательные, юридические, бухгалтерские услуги) и «цифровыми» услугами (услуги допуска к сетевой инфраструктуре, доступа к цифровому контенту, облачные сервисы и другие новые услуги, появившиеся в цифровой экономике). Заключение и исполнение договора, предметом которого являются «традиционные» услуги, с помощью электронных либо иных технических средств не преобразует эти услуги в цифровые. Критерием отличия «цифровых» услуг от «традиционных» услуг является цифровое содержание, то есть необходимость применения цифровых технологий для их оказания вне зависимости от формы заключения и исполнения договора. Правовое значение выделения категории «цифровых» услуг заключается в возможности определения специального предмета договора между пользователями и оператором цифровой платформы, а в ряде случаев – предмета договора, который заключают пользователи платформы между собой. Кроме того, данная категория позволяет выявить наличие иностранного элемента в цифровых правоотношениях.

2. Обоснована необходимость разделения правоотношений, складывающихся при использовании цифровых платформ, на две группы в зависимости от сторон договора и содержания обязательств: (1) правоотношения между заказчиком и исполнителем, возникающие на основании договоров оказания цифровых услуг – основных договоров, (2) вспомогательные правоотношения, возникающие на основании договоров между оператором цифровой платформы и каждым её пользователем – организационных договоров, необходимость заключения которых обусловлена применением цифровых технологий для исполнения основных договоров. Установлено, что по общему правилу операторы платформ как цифровые посредники не являются участниками основных договоров, заключаемых посредством платформы между заказчиками и исполнителями услуг, и действуют на основании договоров о предоставлении допуска к инфраструктуре, заключаемых с каждой из сторон основного договора

(с пользователями платформы). Права и обязанности субъектов основного обязательства и цифровых посредников в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике возникают на основании самостоятельных договоров, которые фактически носят характер взаимосвязанных, потому что не имеют самостоятельной экономической ценности вне цифровой экосистемы.

3. Доказано, что трансграничное оказание услуг в цифровой экономике с точки зрения системного подхода может быть признано новой комплексной межотраслевой сферой общественных отношений. Предлагается выделить правовой институт трансграничного оказания цифровых услуг в качестве совокупности норм права, регулирующих внешнюю торговлю услугами с использованием цифровых технологий. Применимое частное право в отношениях между субъектами предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами определяется по месту нахождения исполнителя, которое в цифровой экономике устанавливается по критерию направленности его деятельности на субъектов, находящихся на территории конкретного государства. Применимое публичное право определяется по месту нахождения исполнителя при учете двух обстоятельств: как направленности его деятельности на субъектов, находящихся на территории конкретного государства, так и физического расположения оборудования и серверов, используемых для оказания услуг.

4. Обоснована систематизация новых правовых принципов, свойственных цифровым экономическим отношениям в сфере внешней торговли услугами:

1) принципы, относящиеся к использованию цифровой инфраструктуры и технологической составляющей работы цифровых платформ, в том числе: принцип стабильности и непрерывности функционирования цифровой экосистемы, принцип технологической нейтральности;

2) принципы взаимодействия заказчиков и исполнителей при заключении и исполнении договоров в цифровой среде, в том числе: принцип доверия, принцип недопустимости включения в состав цифрового продукта дополнительных платных работ (услуг);

3) принципы взаимодействия государства и субъектов предпринимательской деятельности при оказании услуг с использованием цифровых технологий, в том числе: принцип цифрового легалитета (признания законом прав на цифровые объекты), принцип определения места нахождения исполнителя по критерию направленности предпринимательской деятельности на потребителей конкретного государства.

5. Выявлено новое юридически значимое средство негосударственного регулирования отношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике. «Право платформ» как трансграничный правовой институт представляет собой совокупность правил поведения, разработанных операторами платформ и обязательных для пользователей. В отличие от *lex mercatoria*, который основан на последовательном и длительном применении одних и тех же правил, «право платформ» состоит из конкретных случаев одностороннего определения правил пользования платформами, в основе которых не обязательно лежит опыт длительного применения таких правил. В отличие от актов *soft law*, которые носят рекомендательный характер и разрабатываются авторитетными организациями в определенной сфере, «право платформ» разрабатывается операторами платформ, которые являются одной из сторон пользовательского соглашения. При этом и «право платформ», и акты *soft law* приобретают обязательный характер только в том случае, если стороны договора выражают на это свое согласие в установленной форме. Установлено, что в правовой природе всех негосударственных регуляторов присутствует властный публично-правовой элемент в виде признания со стороны государства (для обычая), в виде делегирования (для актов саморегулирования) либо в виде обеспечения силой государственного принуждения при помощи любых способов защиты права, предусмотренных гражданским законодательством (для «права платформ» и актов *soft law*).

6. Обоснована необходимость обязательного депонирования (фиксации) пользовательских соглашений и иных значимых документов, относящихся к

функционалу цифровой платформы и способных повлиять на права и обязанности пользователей. В российской правовой системе полномочиями на депонирование (фиксацию) таких документов могут быть наделены Центральный банк, ФАС России или нотариусы. Реестр подлежащих фиксации документов должен иметь электронную форму, быть открытым и общедоступным. При этом публично-правовую обязанность по депонированию (фиксации) пользовательских соглашений необходимо возлагать не только на российских операторов цифровых платформ, но и на иностранных операторов с учетом направленности их предпринимательской деятельности на потребителей, находящихся на территории Российской Федерации.

7. Обосновано, что пользовательские соглашения, договоры о предоставлении облачных сервисов и договоры о предоставлении доступа к цифровому контенту по своей правовой природе являются договорами возмездного оказания услуг. Исполнитель обязуется оказать поименованные в договоре цифровые услуги, а заказчик обязуется оплатить их. При этом исполнение обязательств по оплате услуг производится специфически – действиями исполнителя, а не заказчика. Например, оператор цифровой платформы получает встречное предоставление по договору оказания цифровых услуг (пользовательскому соглашению) при исполнении иных договоров, которые связаны с ним. Во-первых, оператор платформы может получать комиссию от каждой совершенной на платформе сделки. Во-вторых, оператор платформы может монетизировать пользовательские данные через распространение рекламы с применением технологий обработки данных по договорам возмездного оказания услуг с третьими лицами и/или через предоставление третьим лицам пользовательских данных за плату.

8. Инфраструктура внешней торговли услугами в цифровой экономике не укладывается в традиционное определение рыночной инфраструктуры как системы субъектов, обеспечивающих свободное движение товаров и услуг на рынке, сложившееся в рамках наук предпринимательского и коммерческого права.

Инфраструктура внешней торговли услугами в цифровой экономике подразделяется на две части: (1) организационная инфраструктура – совокупность операторов платформ и других субъектов, способствующих осуществлению внешней торговли услугами; (2) цифровая технологическая инфраструктура – совокупность цифровых платформ, технологий и коммуникаций, обеспечивающих возможность заключения и исполнения договоров в трансграничной цифровой среде. Цифровые платформы как ключевой элемент цифровой технологической инфраструктуры и как основа цифровых экосистем должны быть открытыми для пользователей. Частноправовым средством обеспечения открытости цифровых платформ представляется конструкция публичного договора.

9. В цифровой экономике надлежащее исполнение обязательств по договорам возмездного оказания цифровых услуг заключается в совершении исполнителем активных действий. Во-первых, автоматизированный режим работы цифровой платформы или иной технологии, в результате использования которой заказчик получает полезный эффект, должен рассматриваться в качестве действий самого исполнителя. Во-вторых, исполнение обязательств перед заказчиком по договору оказания цифровых услуг не исчерпывается лишь пассивным предоставлением доступа к цифровой платформе, цифровому контенту либо иному объекту. Признак активных действий исполнителя услуг может быть выявлен при помощи принципов разумности и добросовестности. Действуя разумно и добросовестно, оператор платформы не только разрешает доступ пользователя на платформу, но и совершает ряд дополнительных действий по обеспечению работоспособности платформы, которые охватываются понятием надлежащего исполнения договора оказания цифровых услуг.

Предложения о внесении изменений в действующее законодательство:

1. Представляется необходимым закрепить в нормах части первой ГК РФ систему признаков цифровых посредников для последующего урегулирования договорных моделей взаимодействия между цифровыми посредниками и пользователями цифровых платформ, а также общие подходы к ответственности

цифровых посредников.

Автор выделяет следующие признаки цифровых посредников: (1) наличие статуса индивидуального предпринимателя или организационно-правовой формы коммерческой организации, (2) наличие договорных отношений, в том числе по оказанию услуг, с каждой из сторон основного обязательства, (3) технологический характер услуг цифрового посредника, направленный на инфраструктурное обеспечение деятельности сторон основного договора. Указанные признаки позволяют исключить цифровых посредников из правоотношений, складывающихся между сторонами основного договора, и, как следствие, разграничить ответственность исполнителя по основному договору и ответственность цифрового посредника перед потребителем.

Предлагается дополнить пункт 1 статьи 2 ГК РФ абзацем 4 следующего содержания: «Гражданское законодательство регулирует отношения с участием цифровых посредников, исходя из того, что цифровыми посредниками являются индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, которые оказывают услуги, направленные на инфраструктурное обеспечение деятельности участников гражданского оборота в цифровой среде. Цифровые посредники обязаны обеспечить депонирование пользовательских соглашений и иных актов, регулирующих инфраструктурное обеспечение деятельности участников гражданского оборота, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

2. Во избежание фактов злоупотребления операторами цифровых платформ своим доминирующим положением на рынке оказания цифровых услуг, необходимы правовые средства обеспечения равного для всех доступа к цифровой технологической инфраструктуре. Частноправовым средством обеспечения открытости цифровых платформ представляется конструкция публичного договора.

Предлагается внесение изменений в пункт 1 статьи 426 ГК РФ в виде дополнения: «1. Публичным договором признается договор, заключенный лицом,

осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание, *допуск к сетевой инфраструктуре и иным цифровым технологиям* и т.п.).

Теоретическая значимость исследования определяется, в частности, выявлением свойств цифровых услуг как объекта правоотношений, что способствует правильному определению предмета договоров в исследуемой сфере и выявлению иностранного элемента в правоотношениях. Определен правовой институт трансграничного оказания цифровых услуг и предложена систематизация новых правовых принципов. Кроме того, по результатам анализа субъектного состава и содержания правоотношений в сфере внешней торговли услугами сформулированы признаки цифровых посредников и обоснована взаимосвязанность договоров в цифровой среде, что позволяет конкретизировать обязательства заказчика и исполнителя по договорам оказания цифровых услуг и определить критерии их надлежащего исполнения.

Содержащиеся в работе выводы могут быть применены для дальнейшего научного развития указанной проблематики и разработки основ правового регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами в условиях развития цифровой экономики.

Результаты исследования могут использоваться в учебном процессе для разработки и проведения лекционных и практических занятий по курсам «Гражданское право», «Предпринимательское право», «Международное частное право», «Правовая информатика».

Практическая значимость исследования определяется тем, что в нем выявлены трансграничные средства правового регулирования предпринимательской деятельности и проведен анализ правоприменительной

практики в части квалификации договоров, опосредующих трансграничное оказание услуг в цифровой экономике.

Выводы настоящего исследования могут быть интересны как законодателю, так и практикующим юристам.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность выводов основана на детальном анализе научной литературы, нормативных правовых актов и материалов судебной практики.

Основные положения и результаты исследования опубликованы автором в шести научных статьях в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации по специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», а также отражены в публичных выступлениях автора на международных и всероссийских научных конференциях.

Структура работы включает введение, три главы, объединяющие девять параграфов, заключение и библиографический список.

Глава 1. Элементы предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами

§ 1. Объекты предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами

Категория объекта является ключевой в структуре правоотношения, так как определяет его фактическое содержание. В зависимости от объекта субъективные права могут быть абсолютные или относительные². Вещные, обязательственные, корпоративные, интеллектуальные, личные неимущественные права определяются объектом правоотношения.

Е.А. Суханов отмечает, что различные виды имущественных прав связаны с установлением для отдельных объектов особого гражданско-правового режима, который в действительности устанавливается не для объектов, а для лиц, совершающих с ними юридически значимые действия³.

Л.В. Санникова указывает, что правила поведения в отношении конкретного блага устанавливаются исходя из свойств самого блага, которым придается правовое значение⁴.

Соответственно, позитивное право формируется в зависимости от физических, экономических и иных свойств объектов правоотношений.

Объект правоотношения

Вопрос об объекте правоотношения является дискуссионным. Нет единого мнения о том, что обозначает эта категория. Некоторые авторы считают объект элементом правоотношения, другие — его предпосылкой⁵.

Отсутствие общепринятого понятия объекта позволяет сторонникам плюралистических теорий подводить под понятие объекта всё то, по поводу чего

---

² Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 206.

³ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 45.

⁴ Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 99.

⁵ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 48; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 201.

возникает правоотношение. Именно так определяли объект правоотношения О.А. Красавчиков и К.К. Яичков⁶.

О.С. Иоффе указывал, что содержание правоотношения составляют права и обязанности, т.е. возможное поведение, а объект – это реально совершаемые действия, т.е. действительное поведение⁷. Данная точка зрения принадлежит к монистической концепции объекта правоотношения. Эта концепция, по мнению М.В. Гордона, дает слишком общий ответ на вопрос об объекте правоотношения, в связи с чем сохраняется необходимость поиска за «первичным» объектом более конкретного «вторичного» объекта⁸.

В.В. Лазарев среди объектов правоотношений упоминает услуги в качестве нематериального блага, при этом подчеркивает особое место действий (поведения людей), которые могут быть как связанными с другими объектами, так и «самостоятельными» объектами. Автор утверждает, что действия (акты поведения) являются объектом всех без исключения правоотношений, потому что субъективное право и юридическая обязанность всегда предполагают осуществление возможного или должного поведения сторон соответственно. Критикуя сторонников монистической концепции, В.В. Лазарев заключает, что это и привело к тому, что ряд ученых считают объектом всех правоотношений только действия⁹.

Современные авторы также отмечают, что объектом правоотношений в действительности является деятельность (поведение) субъектов, но в обязательственном праве таковым признается и предмет этой деятельности¹⁰. Иными словами, объектами обязательственных правоотношений могут быть явления, перечисленные в ст. 128 ГК РФ. Указанная позиция относится к

---

⁶ Красавчиков О.А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве: Автореферат дис. ... канд. юрид. Наук. Свердловск, 1950. С. 4; Яичков К.К. К учению о гражданском правоотношении // Вестник МГУ. Серия экономики, философии и права. 1956. № 1. С. 129 - 140.

⁷ Иоффе О.С. Выступление по докладу Ю.К. Толстого «О философских проблемах общей теории правоотношения» // Правоведение. 1958. № 2. С. 160.

⁸ Гордон М.В. Советское авторское право. М., 1955. С. 57.

⁹ Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. С. 152.

¹⁰ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. С.120.

плюралистической концепции, которую поддерживают большинство ученых. Объекты гражданских прав, перечисленные в ст. 128 ГК РФ, – это и есть «вторичные» объекты в терминологии М.В. Гордона.

Здесь возникает проблема соотношения понятий «объект права» и «объект правоотношения». Большинство ученых данные понятия отождествляют, исходя из логики, что субъективное право — это всегда элемент правоотношения, а потому понятия «объект права» и «объект правоотношения» совпадают¹¹.

При этом к определению объекта права в сфере имущественных отношений существуют объективный и субъективный подходы. В объективном понимании объект права – это общественные отношения имущественного характера, основанные на равенстве сторон, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, которые представляют собой предмет регулирования, а в субъективном – различные виды имущества, работы, услуги и иные блага¹².

Следовательно, понятия «объект права» и «объект правоотношения» могут совпадать в случае применения субъективного подхода к определению объекта права и плюралистического подхода к определению объекта правоотношения.

Автор разделяет плюралистический подход к определению объекта правоотношения, имея в виду, что объектом является как поведение (деятельность) участников правоотношения, так и предмет такой деятельности, который применительно к теме исследования определен как трансграничные услуги в цифровой экономике.

Объект предпринимательских правоотношений

В литературе в качестве объектов предпринимательских правоотношений перечислены вещи и иное имущество, работы и услуги, действия обязанных

---

¹¹ Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / Ответственный редактор М.А. Рожкова. М., 2007. С. 6 - 77; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 211.

¹² Свирков С.А. К вопросу об объектах гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 102 - 116.

субъектов, собственная деятельность субъекта права и неимущественные блага¹³. Приведенный перечень в целом коррелирует с традиционным перечнем «вторичных» объектов правоотношений в парадигме плюралистического подхода.

Специфика объекта предпринимательских правоотношений как поведения (деятельности) определяется сущностными характеристиками предпринимательской деятельности.

Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Соответственно, объектом предпринимательских правоотношений в исследуемой сфере является поведение (деятельность) участников правоотношений, направленное на систематическое получение прибыли от оказания услуг, а также сами эти услуги.

Автор исследует правоотношения, в которых одной из сторон является субъект предпринимательской деятельности. В предмет исследования входят как правоотношения между самими субъектами предпринимательской деятельности, так и правоотношения между субъектами предпринимательской деятельности и потребителями. При этом под потребителями в зависимости от контекста понимаются как лица, приобретающие услуги для личных и семейных нужд (потребители в узком смысле), так и заказчики по договорам оказания услуг, имеющие правовой статус субъектов предпринимательской деятельности (потребители в широком смысле) или не имеющие формального статуса субъекта предпринимательской деятельности, но де-факто осуществляющие такую деятельность (например, «самозанятые» граждане) или иностранные лица, от которых личный закон не требует формализации статуса субъекта предпринимательской деятельности. Примечательно, что потребители в широком смысле также могут быть признаны слабой стороной в правоотношениях¹⁴.

---

¹³ Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. С. 27.

¹⁴ Варламова А.Н. Защита экономически слабого субъекта как принцип конкурентного права // Конкурентное

Включение в предмет исследования обеих групп указанных правоотношений обусловлено тем, что опосредующие их договоры охватываются понятием «предпринимательского договора». Кроме того, система публично-правовой регламентации отношений между органами государственной власти и всеми участниками внешнеэкономической деятельности (а не только предпринимателями) является единой, то есть комплексной¹⁵, а исследование особенностей частного правового регулирования предпринимательских отношений с участием потребителей позволяет конкретизировать правовую природу договоров и рассмотреть процесс их заключения в главе 3 настоящей диссертации.

Услуга как объект правоотношений

Услуга как объект правоотношений может быть исследована в монистической или плюралистической концепции объекта, в объективном и субъективном смысле в зависимости от определения услуги как таковой.

Относительно услуг как объекта правоотношений исторически сформировалось две позиции: одни ученые рассматривали услугу как деятельность, специфическую форму труда, а другие под услугой понимали результат, полезный эффект деятельности¹⁶. Данные позиции корреспондируют вышеприведенным подходам к определению объекта правоотношения (монистический и плюралистический).

О.С. Иоффе как сторонник монистической концепции утверждал, что в договоре оказания услуг идёт речь о деятельности, которая не получает или не обязательно должна получить воплощение в материализованном, а тем более в о вещественном результате¹⁷. Соответственно, объектом правоотношения является деятельность по оказанию и потреблению услуг – поведение заказчика и исполнителя.

С.С. Алексеев, напротив, отмечал, что услуги – это не сама по себе

право. 2021. № 1. С. 12 - 16.

¹⁵ Гицу М.А., Гицу В.Д. Модернизация понятия внешнеэкономической сделки // Государство и право. 2020. № 1. С. 123 - 138.

¹⁶ Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. М., 2006. С. 5.

¹⁷ Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 419.

деятельность, а определенный результат¹⁸. В таком случае объектом правоотношения является материальное благо (полезный эффект) в виде результата оказания услуги. При этом вопрос о наличии овеществленного результата сам по себе является дискуссионным в контексте разграничения услуг и работ¹⁹.

В современной науке предлагается рассматривать услугу как совокупность деятельности и результата, потому что результату предшествует совершение действий, не имеющих материального воплощения и составляющих вместе с ним единое целое²⁰. Данная позиция коррелирует с плюралистическим подходом: первичным объектом правоотношений является поведение (деятельность) по оказанию услуг, а вторичным – её результат. Указанная концепция предполагается наиболее подходящей как в целом для исследования правоотношений в сфере оказания услуг, так и в частности для анализа правоотношений в сфере внешней торговли услугами в период цифровизации.

Обязательства по оказанию услуг усложняются включением в их состав кроме самих услуг также и объекта их приложения, без достижения соглашения о котором соответствующий договор нельзя считать заключенным²¹.

Таким образом, услуга как объект правоотношений включает в себя и деятельность по оказанию услуг (поведение исполнителя), и её результат. Услуги являются объектом обязательственных правоотношений, которые опосредуются различными видами договоров.

Объект правоотношений в сфере внешней торговли услугами

Предпринимательские правоотношения *в сфере внешней торговли услугами*²² предполагают наличие иностранного элемента.

---

¹⁸ Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 297.

¹⁹ Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд. М.: Статут, 2018. Т. 2. С. 294.

²⁰ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садиков. М., 1998. С. 344.

²¹ Кулаков В.В. Сложные обязательства в гражданском праве: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 2011. С. 13.

²² С точки зрения системного подхода внешняя торговля услугами является разновидностью внешнеторговой деятельности, которая в свою очередь представляет собой вид внешнеэкономической деятельности. Для целей исследования термины «внешнеэкономическая деятельность» и «внешнеторговая деятельность» используются как равнозначные.

Практическое значение наличия иностранного элемента состоит, во-первых, в возможности применения к отношениям сторон норм иностранного права, международных договоров и международных торговых обычаев, и, во-вторых, в возможности передачи спора на разрешение иностранных судов и международных коммерческих арбитражей.

Учитывая многообразие критериев выявления иностранного элемента, а также факт оказания большинства услуг посредством сети Интернет, то есть виртуально и вне территориальных границ конкретного государства, в отношениях на цифровой платформе иностранный элемент может быть выявлен в любой момент. В связи с выявлением иностранного элемента технологические аспекты оказания услуг не меняются, а меняется их правовое регулирование. У субъектов исследуемых отношений появляется возможность применения механизмов международного частного права, а публично-правовое регулирование осуществляется с применением особых правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности. В связи с изложенным автор диссертации не проводит строгого различия между отношениями с иностранным элементом и «внутренними» отношениями без иностранного элемента. Отношения на цифровой платформе редко формируются без иностранного элемента.

Исчерпывающий перечень иностранных элементов в нормах действующего законодательства и разъяснениях высших судов отсутствует. А.В. Асосков указывает, что «триада "иностраный субъект - иностранный объект - иностранный юридический факт" не способна охватить собой всего многообразия иностранных элементов в МЧП». Например, автор указывает, что возможны ситуации, когда в правоотношении отсутствует иностранный элемент из указанной триады, однако договор все равно имеет международный характер, поскольку коммерческое предприятие одной из сторон находится в другом государстве²³.

В советское время в качестве иностранного элемента использовался

---

²³ Асосков А.В. Международное частное право в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020). М.: Статут, 2020. С. 382 - 392.

критерий различной государственной принадлежности сторон сделки^{24,25}. Далее был предложен признак фактического нахождения коммерческих предприятий (центров деловой активности) сторон сделки на территории разных государств²⁶. В настоящее время упоминается критерий передачи объектов через границу²⁷, хотя он не является универсальным. Так, международная торговля услугами не предполагает обязательного физического пересечения государственных границ одного государства, чтобы соответствующие услуги могли быть потреблены заказчиком другого государства²⁸.

К иностранным элементам относят также использование иностранной валюты, специфический круг источников правового регулирования, особенности рассмотрения споров²⁹. Однако эти аспекты по существу являются правовыми последствиями отнесения сделки к категории внешнеэкономических, а не квалифицирующими признаками.

Отсутствие в нормах действующего законодательства исчерпывающего перечня иностранных элементов затрудняет установление внешнеэкономического характера сделки.

Генеральное соглашение по торговле услугами (заключено в г. Марракеше 15.04.1994; далее – ГАТС) предусматривает четыре способа (варианта) оказания услуг³⁰, однако также не содержит системы признаков, которым должна отвечать внешнеторговая сделка, чтобы попадать в предмет его регулирования³¹. Согласно п. 2 ст. 1 ГАТС способы оказания услуг следующие: (1) с территории одного государства на территорию другого; (2) на территории одного государства

---

²⁴ Стригунова Д.П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров: монография. В 2 т. Т. 1. М.: Юстицинформ, 2017. С. 26.

²⁵ Термины «национальность» и «государственная принадлежность» в работе используются как равнозначные.

²⁶ Асосков А.В. Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 23 - 24; Международное частное право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. М.: Проспект, 2017. С. 288 - 289.

²⁷ Саркисян А.С. Правовая природа и понятие внешнеэкономической сделки // Гражданское право. 2017. № 4. С. 35 - 37.

²⁸ Xu Y. The Destination Principle in International Trade in Services: The Chinese Experience. 2021. P. 19. // URL: <https://ssrn.com/abstract=4085904> (дата обращения 30.01.2023).

²⁹ Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. М.: Международные отношения, 2016. С. 21.

³⁰ О терминологии ГАТС см. пояснения далее по тексту работы.

³¹ Shekhar S. Definition of Trade in Services: A Critical Analysis: National Law University. 2013. 15 p.

потребителю услуг другого государства; (3) поставщиком услуг одного государства путем коммерческого присутствия на территории другого государства; (4) поставщиком услуг одного государства путем присутствия физических лиц на территории другого государства.

Необходимо отметить, что терминология ГАТС не адаптирована к российской правовой системе и требуют пояснений. В частности, термины «потребитель услуг другого государства», «поставщик услуг одного государства» и аналогичные им понятия относятся к государственной принадлежности субъектов, а не к их физическому нахождению в границах какого-то государства.

В ст. 33 Федерального закона № 164-ФЗ перечислены аналогичные способы трансграничного оказания услуг с градацией на российских и иностранных исполнителей услуг:

- 1) с территории РФ на территорию иностранного государства;
- 2) с территории иностранного государства на территорию РФ;
- 3) на территории РФ иностранному заказчику;
- 4) на территории иностранного государства российскому заказчику;
- 5) российским исполнителем, не имеющим коммерческого присутствия на территории иностранного государства, путем присутствия его или уполномоченных действовать от его имени лиц на территории иностранного государства;
- 6) иностранным исполнителем, не имеющим коммерческого присутствия на территории РФ, путем присутствия его или уполномоченных действовать от его имени иностранных лиц на территории РФ;
- 7) российским исполнителем путем коммерческого присутствия на территории иностранного государства;
- 8) иностранным исполнителем путем коммерческого присутствия на территории РФ.

С учетом доктринальных позиций и норм действующего законодательства, объектом предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли

услугами следует считать деятельность субъектов, направленную на систематическое получение прибыли от оказания услуг при условии разной государственной принадлежности сторон сделки, нахождения их коммерческих предприятий на территории разных государств или расположения места исполнения значительной части обязательств за границей.

В зарубежной литературе отмечается, что оказание услуг через сеть Интернет соответствует способу № 1 по ГАТС – трансграничная «поставка» (оказание) услуг с территории одного государства на территорию другого³². Следуя данной логике, в классификации по Закону № 164-ФЗ оказание услуг через сеть Интернет соответствует способам № 1 и 2 – с территории РФ на территорию иностранного государства либо с территории иностранного государства на территорию РФ. Вместе с тем, в цифровой экономике установить признак экстерриториальности достаточно сложно, учитывая нематериальный характер услуг и технологические особенности передачи данных. Кроме того, услуга фактически может оказываться вне территории какого-либо государства в виртуальном пространстве.

Так, коммерческое присутствие может быть установлено через направленность деятельности предпринимателя на граждан какого-либо государства. Например, в п. 1 и 2 ст. 4 Федерального закона от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» используется фикция – осуществление деятельности в сети Интернет на территории РФ определяется через местоположение пользователей, язык сайта, направленность на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории РФ. Например, с учетом заданного критерия к отношениям по поводу оказания услуг сайта Avito (администрируемого шведской компанией Avito Holding AB) в силу пп. 1 и 2 ст. 1212 ГК РФ подлежит применению российское право, потому что деятельность сайта направлена на российского потребителя и территорию Российской

---

³² Wu T. The World Trade Law of Internet Filtering. 2006 // URL: <https://ssrn.com/abstract=882459> (дата обращения 30.01.2023).

Федерации, используется российский домен, информация на сайте размещена на русском языке, а деятельность агрегатора обеспечена возможностью осуществления расчетов в российских рублях³³.

Однако в таком случае одни и те же услуги могут подпадать под разные способы. Например, оказание гражданам РФ, находящимся на территории РФ, услуг по предоставлению доступа к цифровой платформе, оператором которой является юридическое лицо, зарегистрированное и расположенное в США, может быть квалифицировано и как «поставка» (оказание) услуг с территории США на территорию РФ, и как коммерческое присутствие иностранного лица на территории РФ. Соответственно, в цифровой экономике способы внешней торговли услугами могут пересекаться друг с другом, что требует (1) разграничения традиционных и цифровых услуг, (2) формулирования отдельных способов внешней торговли услугами, применимых к цифровым услугам, (3) учета особенностей правового регулирования цифровых услуг в сфере внешней торговли.

Отдельного внимания заслуживает терминология, используемая применительно к обозначению процесса оказания услуг в международных договорах и российском законодательстве.

Как указано выше, в наименовании ГАТС содержится формулировка «trade in services», что на русский язык в официальных документах переводится как «торговля услугами», а по тексту соглашения используется формулировка «the supply of services», что переводится как «поставка услуг»³⁴.

В Типовом законе ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» используется аналогичное понятие. Так, согласно примечанию к п. 7 ст. 17 данного Закона, торговая деятельность охватывает любые торговые сделки, такие, как поставка товаров; обмен товарами или услугами; дистрибьюторские соглашения; коммерческое представительство и агентские отношения и др.³⁵

---

³³ Василевская Л.Ю., Рожкова М.А. Оказание электронных услуг онлайн-классифайдами: проблемы правовой регламентации // Хозяйство и право. 2020. № 11(526). С. 41 - 51.

³⁴ URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats_01_e.htm (дата обращения: 15.01.2023).

³⁵ Типовой закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» (принят в г. Нью-Йорке 28.05.1996 - 14.06.1996 на 29-й

Российское законодательство, следуя данной логике, также использует термин «торговля услугами» в Законе № 164-ФЗ.

Термины «поставка услуг» и «торговля услугами» представляются некорректными с юридической точки зрения. Они не соответствуют пониманию термина «услуга», сложившемуся в российском праве. Услуга может быть оказана или предоставлена, но не продана или поставлена.

Использование терминов «поставка услуг» и «торговля услугами» можно объяснить тем, что услуги являются объектом оборота и обладают имущественной ценностью, то есть имеют экономическую форму товара. Так, согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» товар – это объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот.

К. Маркс упоминает: «когда деньги непосредственно обмениваются на непродуцируемый труд, этот труд покупается как услуга. Это выражение означает вообще особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому товару; но особая потребительная стоимость этого труда получила специфическое название «услуги» потому, что труд оказывает услуги не в качестве вещи, а в качестве деятельности... Известного рода услуги, иными словами: потребительные стоимости, представляющие собой результат известных видов деятельности или труда, воплощаются в товарах, другие же услуги, напротив, не оставляют осязательных результатов, существующих отдельно от исполнителей этих услуг... Но от этого несколько не меняется их экономический характер»³⁶.

Таким образом, специфическая терминология в исследуемой сфере, включающая оказание услуг в состав торговой деятельности, не влияет на содержание правоотношений и правовую природу договоров. В настоящей работе термины «поставка услуг», «торговля услугами» и «оказание услуг» используются как равнозначные.

сессии ЮНСИТРАЛ) // Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1996 год. Т. XXVII. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1998. С. 319 - 323.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т.26. С. 413 - 414.

Свойства услуг как объекта правоотношений в цифровой экономике

Оказание многих услуг сегодня основывается на современных цифровых технологиях и осуществляется преимущественно с помощью сети Интернет. Более 50% оказываемых в мире услуг уже оцифрованы³⁷. Цифровые технологии способствовали появлению новых сервисов и технологических платформ, что повлекло возникновение новых общественных отношений, качественно отличающихся от традиционных моделей по структуре и содержанию.

Соответственно, и деятельность по оказанию современных услуг как процесс, и результат оказания услуг как материальное благо в цифровой экономике имеют свои особенности, влияющие на структуру и содержание правоотношений. Внедрение цифровых технологий привело к обогащению содержания традиционных гражданско-правовых институтов³⁸.

В литературе отмечается формирование цифровых правоотношений как предмета цифрового права, в основе которых лежат цифровые технологии и технологические системы, такие как искусственный интеллект, робототехника, технологии виртуальной и дополненной реальности, нейротехнологии, технологии на принципах распределенного реестра, глобальные базы данных, облачные компьютерные сервисы, интернет-торговля и др.³⁹

А.В. Минбалеев цифровые правоотношения рассматривает как урегулированные правом отношения по использованию данных в цифровом виде, а также результатов анализа данных и результатов обработки и использования таких данных в различных сферах общественной жизни с использованием цифровых технологий⁴⁰.

А.А. Карцхия в качестве особой сферы в цифровом гражданском обороте выделяет правоотношения по правовому регулированию цифровых услуг

---

³⁷ Burri M. Trade in services regulation in the data-driven economy // Trade, Law and Development. 2020. № 12. P. 208 - 240.

³⁸ Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58 - 68.

³⁹ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 9, 28.

⁴⁰ Минбалеев А.В. Цифровые правоотношения: понятие, виды, структура, объекты // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020. С. 67.

(сервисов)⁴¹. Рассматривая особенности такого оборота, автор выделяет его существование в виртуальном пространстве (виртуальной реальности), нематериальный характер самого оборота, субъектов и объектов такого оборота в отличие от традиционного оборота объектов физического мира.

При этом услуги как объект предпринимательских правоотношений в условиях цифровой экономики доктринально не определены, не классифицированы и не подвергались фундаментальным исследованиям, что затрудняет формирование правового регулирования предпринимательской деятельности. Необходимо выявить юридически значимые свойства услуг и провести классификацию услуг в цифровой экономике.

Во-первых, услуга как объект гражданских прав или объект правоотношений коррелирует с экономическим понятием объекта оборота, что установлено в предыдущем разделе. Оказание услуг предполагает достижение полезного эффекта для заказчика. При этом оборот услуг имеет «квази-товарно-денежную форму». Данная характеристика предложена И.А. Зениным для оборота исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, который так же, как и оборот услуг, не предполагает классического механизма производства и обмена товаров как вещей⁴².

Ю.С. Харитоновна отмечает, что понятие имущества как символа некой экономической ценности не должно сужаться. Требуется во всех случаях обеспечить возможность защиты имущества, гарантируемую статьями 35, 45 и 46 Конституции РФ, включая и те цифровые объекты, которые не легализованы, но оборот которых допускается в силу общего правила статьи 129 ГК РФ⁴³.

Появление цифровых технологий вводит в заблуждение относительно предмета договоров и, как следствие, применяемых норм права. В цифровом пространстве трудно однозначно квалифицировать объект как товар, услугу или

---

⁴¹ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 16, 325.

⁴² Право интеллектуальной собственности: учебник для студентов высших учебных заведений / И.А. Зенин. М., 2011. С. 20, 32 - 33.

⁴³ Харитоновна Ю.С. Основные тенденции судебной практики к определению природы цифровых активов с частнопровых позиций // Гражданское право. 2019. № 3. С. 21 - 24.

результат интеллектуальной деятельности, определить предмет договора по реализации цифрового продукта, по предоставлению допуска к цифровой инфраструктуре или доступа к цифровому контенту.

Легальное определение цифрового продукта отсутствует, при этом смежные понятия демонстрируют схожесть товаров и услуг в цифровой экономике. Так, согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» цифровые инновации – это новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новый метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях...

Нет единого мнения о том, являются ли цифровые продукты, продаваемые в электронном виде, товарами, регулируемыми в международном обороте Генеральным соглашением по тарифам и торговле (ГАТТ), услугами, регулируемыми ГАТС, или категорией *sui generis*, заслуживающей собственного регулирования⁴⁴. Если признать, что отношения регулируются ГАТС, то возникает отдельный вопрос о том, в какой из способов и секторов услуг они попадают⁴⁵.

Новые бизнес-модели и технические характеристики цифровых продуктов размывают границы между товаром и услугой⁴⁶. Часто услуги являются «побочным» продуктом, приобретение которого связано с приобретением товара⁴⁷. Например, компания Apple, контролируя операционную систему iOS и магазин приложений App Store, практикует предварительную автоматическую установку сервисов на реализуемые мобильные устройства либо наоборот допускает использование ряда сервисов только на устройствах своего бренда. Аналогично работает и компания Samsung через операционную систему Android и магазин

---

⁴⁴ Wunsch-Vincent S., Hold A. Towards Coherent Rules for Digital Trade: Building on Efforts in Multilateral versus Preferential Trade Negotiations. Cambridge, 2012. P. 179 - 221.

⁴⁵ Burri M. Towards a New Treaty on Digital Trade // Journal of World Trade. 2021. № 55. P. 77 - 100.

⁴⁶ Маркевич Д.С. Экономическая природа объектов в цифровой экономике и ее отражение в праве // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 2(18). С. 136 - 146.

⁴⁷ Shekhar S. Definition of Trade in Services: A Critical Analysis: National Law University. 2013. P.14.

приложений Google Play.

В России приняты Федеральный закон от 02.12.2019 № 425-ФЗ «О внесении изменения в статью 4 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1867 «О перечне отдельных видов технически сложных товаров...», которые регулируют предустановку поисковых систем и программ российских разработчиков на технически сложные товары.

Процесс добавления услуг к товарам именуется обслуживанием. Данная бизнес-модель опосредуется пакетными предложениями и связанными (bundling, tying) товарами и услугами⁴⁸. Договоры, оформляющие пакетные предложения, по правовой природе могут быть квалифицированы как смешанные – с элементами купли-продажи и оказания услуг. Технологические особенности создания объектов цифровой инфраструктуры, возможное установление интеллектуальных прав на цифровой контент, в свою очередь, порождают дискуссионные вопросы о наличии элементов аренды, агентирования, лицензионных соглашений и т.д. С точки зрения теории данный вопрос исследуется в главе 3 настоящей диссертации.

В практической плоскости отсутствие однозначной квалификации объектов и правоотношений приводит к неопределенности. Например, ГК РФ содержит разные коллизионные привязки для лицензионных соглашений и договоров оказания услуг. А с точки зрения публичного права неопределенность возникает, например, в вопросах применения таможенных пошлин. Так, в рамках Всемирной торговой организации (далее – ВТО) действует мораторий на обложение электронной передачи данных таможенными пошлинами, тогда как в некоторых правовых порядках электронная передача данных (цифровой контент) может квалифицироваться как товар, для таможенных пошлин при реализации которого мораторий не предусмотрен. Применение положений ГАТТ к торговле цифровыми продуктами характерно для американского подхода, тогда как в европейских

---

⁴⁸ Casalini F., Gonzalez J.L., Moise E. Approaches to market openness in the digital age // OECD Trade Policy Papers. 2019. № 219. P. 5.

правопорядках эти отношения регулируются как оказание услуг по ГАТС⁴⁹.

Таким образом, в цифровой экономике услуги (их оказание), безусловно, являются объектом гражданских прав, объектом оборота. При этом оказание услуг опосредуется появлением таких явлений, как цифровой продукт, цифровая платформа и цифровой контент, что порождает сложности в квалификации правоотношений.

Во-вторых, общеизвестным является тот факт, что традиционные услуги физически не пересекают таможенную границу. Исследование данного свойства услуг особенно актуально для цифровой экономики.

В экономической литературе отмечается, что цифровая трансформация стирает грани между трансграничными и внутренними операциями в глобальной цифровой среде и что цифровая торговля существует вне юрисдикций⁵⁰. Аналогичные позиции существуют и в юридической науке: цифровизация не имеет национальности⁵¹. Данные утверждения подчеркивают актуальность и сложность установления иностранного элемента внешнеэкономической сделки в цифровой экономике.

Очевидно, что в цифровой экономике отсутствие или наличие факта пересечения границы не может выступать критерием экспорта услуги и не может свидетельствовать о наличии или отсутствии иностранного элемента. Способ оказания услуг с территории одного государства на территорию другого (способ № 1 по ГАТС) не применяется. Оказание услуг на территории одного государства потребителю услуг другого государства (способ № 2 по ГАТС) также становится невозможным в силу наднационального характера сети Интернет и расположения серверов и данных на территории разных государств. Присутствия физических лиц на территории государства заказчика услуг (способ № 4 по ГАТС) не требуется, так как для цифровой экономики характерен формат удаленного дистанционного взаимодействия. М.В. Мажорина отмечает, что распространение

---

⁴⁹ Заливако С.Г., Филиппова А.В. Переговоры по электронной коммерции в рамках ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 7. С. 43 - 61.

⁵⁰ Спартак А.Н. Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 5. С. 7 - 23.

⁵¹ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 60.

Интернета привело к эволюции от физического присутствия субъекта в сторону так называемого «виртуального» присутствия⁵².

Соответственно, только коммерческое присутствие иностранного исполнителя на территории государства заказчика услуг (способ № 3 по ГАТС) является пригодным для оказания цифровых услуг. С теоретических позиций это означает, что иностранный элемент для цифровых услуг может быть установлен только по критерию национальности (государственной принадлежности) сторон сделки.

Отсутствие факта пересечения границы влияет и на применимые методы правового регулирования. Если применительно к товарам нормами Закона № 164-ФЗ предусмотрены таможенно-тарифное регулирование и система мониторинга для отслеживания перемещения, то для оказания цифровых услуг в сфере внешней торговли такие методы неприменимы.

Следовательно, в цифровой экономике для цифровых услуг не применяется большинство легальных (предусмотренных законом) способов внешней торговли и методов правового регулирования, а также большинство доктринальных критериев выявления иностранного элемента. Указанное обусловлено технологическими особенностями осуществления предпринимательской деятельности в цифровой среде.

В-третьих, услуги традиционно потребляются в момент их оказания.

М.И. Брагинский указывает, что результат оказания услуг хотя и имеет товарную форму, но не существует отдельно от исполнителя, а сама услуга по сути потребляется заказчиком одновременно с ее оказанием исполнителем. Такое положение исключает возможность возникновения для заказчика каких-либо вещных прав на результат услуги и тем самым препятствует распространению на данные отношения действия большинства норм о подрядном договоре⁵³.

В цифровой экономике виртуальные и цифровые объекты проходят

---

⁵² Мажорина М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 230 - 253.

⁵³ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. Кн. 3. С. 312.

символическую объективацию посредством программного кода⁵⁴. Данные в цифровой форме, как правило, длительное время хранятся на соответствующих носителях, а процесс оказания услуг может быть задокументирован в цифровой форме.

Возможность сохранения результата оказания услуг в цифровой форме снова приводит к дискуссии о правовой природе договоров, опосредующих отношения в цифровой среде.

При этом целью оказания цифровых услуг продолжает оставаться удовлетворение потребности заказчика, а не создание цифрового продукта как потенциально охраняемого результата интеллектуальной деятельности. В подтверждение данного тезиса можно привести определение внешней торговли услугами из Федерального закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 13.10.1995 № № 157-ФЗ, ныне утратившего силу. Под внешней торговлей услугами в ст. 2 указанного нормативного акта понималась «предпринимательская деятельность, направленная на удовлетворение потребностей других лиц, за исключением деятельности, осуществляемой на основе трудовых правоотношений».

Основное отличие услуг от иных объектов гражданских прав заключается в их производности от обязательственного права. Результат оказания услуг (в данном случае, например, программный код) существует в соответствующих обязательствах по оказанию услуг с целью удовлетворения потребности заказчика.

Таким образом, «традиционные» услуги потребляются по мере их оказания и не имеют овеществленного результата. Например, пользователь потребляет образовательные услуги в режиме реального времени при взаимодействии с исполнителем, и надлежащее исполнение обязательств по оказанию услуг может фиксироваться в соответствующем акте. При этом в цифровой экономике результат оказания услуг существует в объективированной форме и может сохраняться посредством записи программного кода и применения иных

---

⁵⁴ Маркевич Д.С. Экономическая природа объектов в цифровой экономике и ее отражение в праве // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 2(18). С. 136 - 146.

технологий. Под сохранением результата в объективированной форме понимаются «цифровые следы» оказания услуг, подтверждающие факты входа в информационную систему, ввода поисковых запросов, ознакомления с контентом и др. Вместе с тем, результат оказания «цифровых» услуг (полезный эффект, который пользователь извлекает, используя платформу), по-прежнему неотделим от процесса оказания услуг. Например, цифровые сервисы доступны пользователю до тех пор, пока исполнитель продолжает оказание услуг и обеспечивает доступ на платформу.

Наличие результата в объективированной форме порождает вопрос о соотношении цифровых услуг и результата работ по договору подряда. Здесь необходимо отметить, что оказание услуг носит дящийся характер. При оказании услуг продается «не сам результат, а действие к нему»⁵⁵. Примечательно и то, что удовлетворение потребностей разных заказчиков в сфере цифровых услуг происходит, как правило, через использование одних и тех же вычислительных мощностей (серверов, компьютеров и иных технологий).

В-четвертых, традиционно отмечается, что услуги эксклюзивны, поскольку неотделимы от конкретного субъекта (исполнителя)⁵⁶. Иными словами, услуги тесно связаны с личностью исполнителя и качество услуг зависит от квалификации исполнителя и его профессиональных качеств.

В эпоху цифровых технологий и автоматизации данное свойство услуг следует воспринимать критически. Использование больших данных позволяет предоставлять потребителям качественные и зачастую бесплатные услуги⁵⁷. Бизнес-агрегаторы используют универсальный, стандартный механизм (компьютерную программу) для подключения к нему максимального количества потребителей и производителей⁵⁸. В большинстве случаев оказание услуг происходит при помощи типовых цифровых продуктов, программных кодов и

---

⁵⁵ Романец Ю.В. Договор возмездного оказания услуг // Закон. 1999. № 10. С. 110.

⁵⁶ Жарова А.К., Демьянец М.В., Елин В.М. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2014. С. 17.

⁵⁷ Sokol D., Comerford R. Does Antitrust Have a Role to Play in Regulating Big Data? // Cambridge University Press. 2016. 22 p.

⁵⁸ Иванов А.А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5. С. 145 - 156.

алгоритмов. Информационно-цифровые блага являются воспроизводимыми и заменяемыми, их легко копировать. Цифровые услуги поддаются визуализации, фиксации и хранению в программном обеспечении электронно-вычислительных машин.

Л.Ю. Василевская и М.А. Рожкова приходят к выводу о том, что оказание услуг в автоматическом режиме (без вмешательства человека) является одним из квалифицирующих признаков электронных услуг⁵⁹. Действительно, услуги в цифровой экономике менее привязаны к личности исполнителя и его квалификации. Для автоматического оказания услуг используются специальные технические средства. В главе 3 настоящего исследования показано, что отсутствие необходимости активных действий исполнителя является одним из аргументов в дискуссии о правовой природе договоров в цифровой среде.

Таким образом, в цифровой экономике традиционно отмечаемые свойства услуг (их оказания) как объекта правоотношения должны быть дополнены с учетом специфики цифровой формы правоотношений, которая предполагает стандартизацию и автоматизацию процесса оказания услуг, а также сохранение результата оказания услуг в виде программного кода при помощи цифровых технологий. Перечисленные свойства услуг позволяют раскрыть сущность услуг как объекта правоотношений в цифровой экономике, чтобы в дальнейшем разграничить традиционные и цифровые услуги и определить правовую природу договоров, опосредующих отношения в цифровой среде.

Виды услуг в цифровой экономике

Исходя из трансформации услуг как объекта правоотношения, в цифровом пространстве необходимо разграничить «традиционные» услуги и новые виды услуг, появившиеся в цифровой экономике (цифровые услуги допуска в информационную систему, облачные сервисы и др.), а также отличить цифровые услуги от электронной формы других отношений сторон во избежание терминологических ошибок.

---

⁵⁹ Василевская Л.Ю., Рожкова М.А. Оказание электронных услуг онлайн-классифайдами: проблемы правовой регламентации // Хозяйство и право. 2020. № 11(526). С. 41 - 51.

Практическое значение выделения категории цифровых услуг состоит в правильном определении способа внешней торговли услугами по ГАТС и правильном установлении критерия иностранного элемента. Правовое значение выделения категории «цифровых услуг» заключается в возможности определения специального предмета договора между пользователями и оператором цифровой платформы, а в ряде случаев – предмета договора, который заключают пользователи платформы между собой.

Часто отношения цифрового характера подменяют введением электронной формы документа⁶⁰. С.В. Петровский вводит термин «интернет-услуга», который касается электронных сделок, электронной торговли, услуг электронной почты, хостинга и т.д. Квалифицирующим признаком таких услуг является выполнение действий по передаче данных через сеть Интернет⁶¹. Очевидно, что по признаку передачи данных в электронном виде цифровые услуги не могут быть обособлены от иных видов услуг.

В.А. Вайпан верно отмечает, что в определении цифровой экономики акцент делается не на использовании программного обеспечения, а на товарах, услугах и сервисах, реализуемых посредством электронного бизнеса, электронной коммерции⁶². Иными словами, акцент делается на содержании цифровых продуктов, а не на форме заключения и исполнения договора.

Следует согласиться и с тем, что ряд объектов в цифровой экономике, таких как токены, криптовалюты и технология блокчейн, не являются качественно новыми явлениями, а представляют собой способ оформления прав требования или относятся к изменению механики контроля за исполнением договоров подобно тому, как смарт-контракты представляют собой альтернативный способ заключения договоров и контроля за исполнением договорных обязательств⁶³.

---

⁶⁰ Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. С. 15.

⁶¹ Петровский С.В. Интернет-услуги в российском праве / С.В. Петровский. М.: Издательский Сервис, 2003. С. 104, 180.

⁶² Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики: история, теория, практика // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 5.

⁶³ Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03, 2021. С. 74 - 75.

В науке предложены дефиниции цифровой формы правоотношения и собственно цифровых правоотношений. Цифровые формы правоотношений – это предусмотренные законом способы выражения, закрепления субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений по поводу различных объектов с использованием цифровых средств на основе применения электронно-вычислительной аппаратуры для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой, т.е. цифровых технологий. В свою очередь, цифровые правоотношения – это разновидность общественных отношений, урегулированных правом и имеющих не только цифровую форму выражения, но и цифровое содержание, когда взаимные субъективные права и юридические обязанности участников правоотношений возникают, существуют и прекращаются с использованием цифровых средств в рамках информационных систем, признаваемых законодательством⁶⁴.

С приведенной точкой зрения можно согласиться в части необходимости разделять цифровую форму правоотношений, опосредуемых договорами оказания традиционных услуг, и цифровые правоотношения, опосредуемые договорами оказания цифровых услуг, классификации которых изложены ниже. При этом описание цифрового содержания через закрепление субъективных прав и обязанностей в рамках информационных систем с использованием цифровых средств представляется неверным, поскольку в сущности относится к форме, а не содержанию субъективных прав и обязанностей. Цифровое содержание правоотношений опосредуется не формой заключения и исполнения сделки, а особенностями объекта, который без цифровых технологий не может существовать.

Цифровизация предполагает использование передовых цифровых технологий. Переход же к электронному формату взаимодействия не требует принципиально новых технологических решений, основанных на цифровых

---

⁶⁴ Головкин Р.Б. Цифровая форма правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 129 - 134.

технологиях⁶⁵. При этом и цифровая форма, и цифровое содержание правоотношений в сфере внешней торговли услугами приводят к переосмыслению юридически значимых свойств услуг как объекта, о чем сказано выше.

Здесь уместно привести позицию Е.Г. Шабловой, которая в основу своей классификации услуг поместила критерий использования ЭВМ и четко разграничила форму и предмет договора. В секторе услуг, оказываемых с использованием ЭВМ в сети Интернет, автор различает обязательства по передаче информации и обязательства по оказанию информационных услуг. В обязательствах по передаче информации последняя выступает как «орис» (результат). В то же время информационные услуги определены шире – как способ удовлетворения потребностей заказчика, который предполагает не просто передачу информации клиенту, а осуществление координируемой с заказчиком деятельности, например, по сбору, поиску, переработке и т.д.⁶⁶

Традиционные услуги, оформляемые через платформы (доставка товаров, аренда недвижимости и пр.) не могут быть рассмотрены как цифровые услуги или услуги информационного общества. Так, Европейский Суд (The European Court of Justice) постановил, что услуга Uber, заключающаяся в соединении посредством приложения водителя с лицом, желающим использовать его автомобиль, должна рассматриваться как транспортная услуга, а не услуга информационного общества⁶⁷. Именно такой подход заложен в Директиве об услугах (Директива 2006/123/ЕС) и Директиве об электронной торговле (Директива 2000/31/ЕС) Европейского союза. Особая форма заключения договора, например, между пассажиром и перевозчиком, не меняет его предмета. При этом услуги, предоставляемые платформой пользователям, являются цифровыми, оказываемыми на основании договора, предметом которого является допуск к сетевой инфраструктуре.

---

⁶⁵ Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. С. 13.

⁶⁶ Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 6, 21.

⁶⁷ Court of Justice of the European Union Press Release 136/17, case C-434/15.

URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-12/cp170136en.pdf> (дата обращения 30.01.2023).

Таким образом, критерием разграничения традиционных услуг, оказываемых в электронной форме, и новых цифровых услуг является цифровое содержание услуг, то есть необходимость применения цифровых технологий для их оказания вне зависимости от способа и формы заключения договора.

Например, договор оказания услуг может быть заключен посредством цифровой платформы, которая используется лишь как средство рекламы, коммуникации и организации продаж, а исполнен без использования цифровых технологий «за пределами» Интернета. Таковыми являются услуги уборки (клининга) на платформах Яндекс.услуги, Профи.ру, или, например, образовательные, консультационные услуги во внешнеэкономической сфере. Иная ситуация имеет место в случаях, когда и заключение, и исполнение договора осуществляется в цифровой среде. Например, по данной модели осуществляются распространение цифрового контента, предоставление услуг облачных вычислений и т.д.

Таким образом, критерием разграничения традиционных услуг, оказываемых в электронной форме, и новых цифровых услуг является цифровое содержание услуг, то есть необходимость применения цифровых технологий для их оказания при исполнении договора. На практике такие договоры заключаются в электронной форме, но в данном случае порядок заключения сделки не имеет значения.

Далее рассмотрим потенциальные **критерии выявления цифрового содержания услуг** на основе международных договоров, национального законодательства и научных классификаций.

Отраслевая классификация услуг по секторам, сформулированная в рамках ВТО в 1991 г., не позволяет надлежащим образом обозначить цифровые отрасли и подотрасли экономики, так как была создана без учета новых научных и технологических достижений.

Интересна классификация услуг, которая содержится в Системе национальных счетов (System of National Accounts), применяемой Россией с 1991

г. Действующая редакция Системы введена в действие с 2008 г. Услуги подразделяются на (1) change-effecting services или transformation services и (2) margin services. Первый вид – услуги, вызывающие изменения состояния потребительских товаров либо изменения в физическом или интеллектуальном состоянии лиц. Второй вид – услуги, связанные с операциями по обмену, когда посредник содействует передаче права на товары, продукты, услуги или финансовые активы от одного лица к другому. В данном случае к новым видам услуг, характерным для цифровой экономики, относятся только change-effecting services (услуги, направленные на изменение состояния товаров либо изменение состояния лиц). Margin services (посреднические услуги) могут быть квалифицированы по-разному: если посредническая услуга лишь опосредует электронную форму заключения договора либо представляет собой промежуточное звено в цепочке поставок, речь идет о традиционном обороте, а если посредническая (с экономической точки зрения) услуга оказывается на основании договора, предметом которого является допуск к сетевой инфраструктуре, то услуга является цифровой.

Руководство по статистике международной торговли услугами (Manual on statistics of international trade in services, 2010) в секторах услуг выделяет телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги. Телекоммуникационные услуги определены как трансляция или передача звука, изображений, данных или другой информации по телефону, телексу, телеграмме, радио- и телеканалу, спутниковому радио и телевидению, электронной почте, факсу и т.д. Компьютерные услуги – это услуги, связанные с аппаратным и программным обеспечением, а также услуги по обработке данных. Информационные услуги делятся на услуги информационных агентств и другие информационные услуги (такие как хранение и распространение данных). С учетом отсутствия явного критерия в основе данной классификации её применение для целей разграничения традиционного оборота и цифровых услуг затруднительно.

В Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2019/70 от 20.05.2019 г. «О некоторых аспектах, касающихся контрактов на поставку цифрового контента и цифровых услуг» цифровая услуга обозначает (1) услугу, которая позволяет потребителю создавать, обрабатывать, хранить данные в цифровой форме, или предоставляет доступ к ним; или (2) услугу, которая позволяет осуществлять обмен данными или какое-либо другое взаимодействие с данными в цифровой форме, скачанными или созданными потребителем. Под товарами с цифровыми элементами в Директиве понимаются любые материальные движимые предметы, которые включают цифровой контент или цифровую услугу или взаимосвязаны с ними таким образом, что отсутствие цифрового контента или цифровой услуги не позволит использовать функции товаров по назначению.

Зарубежные авторы выделяют четыре сферы услуг в цифровой экономике: (1) цифровые продукты и услуги, то есть поставляемые при помощи цифровых технологий и в цифровом виде, (2) смешанные цифровые продукты и услуги (розничная продажа реальных товаров), (3) услуги или товары, зависящие от ИТ (например, бухгалтерские услуги или сложные технические проекты), (4) сегмент ИТ-индустрии, который обслуживает три ранее указанных (производство оборудования и ИТ-консалтинг)⁶⁸. С учетом приведенных выше аргументов и позиций, к цифровым услугам следует относить первую и вторую составляющие, которые предполагают цифровое содержание объекта правоотношений, тогда как в случае оказания «традиционных» услуг с использованием новых технологий речь идет только о цифровой форме.

В российской правовой системе в качестве ориентира для определения цифрового содержания правоотношений можно использовать Перечень технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций (утв. Постановлением Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750). Среди цифровых инноваций упомянуты нейротехнологии и

---

⁶⁸ Kling R., Lamb R. IT and organizational change in digital economies: A sociotechnical approach // Understanding the Digital Economy. Data, Tools, and Research. Cambridge, 2000. P. 324.

технологии искусственного интеллекта, технологии работы с большими данными, технологии робототехники и сенсорики, технологии систем распределенного реестра, технологии беспроводной связи и др. Именно эти технологии определяют особенности объекта правоотношения.

С учетом изложенного к цифровым услугам, появившимся в цифровой экономике, могут быть отнесены, например, услуги допуска к цифровой инфраструктуре, а также сервисы для учета или использования цифрового контента – облачные сервисы и услуги доступа к цифровому контенту.

Важно отметить, что применительно к поставленным проблемам технические и экономические термины приобретают правовое значение. Применимые технологии и экономические модели влияют на все элементы правоотношений и на структуру договорных связей. Без описания цифровых технологий и экономических моделей цифрового бизнеса нельзя решить поставленные в работе правовые проблемы. В научной литературе среди способов появления юридических терминов отмечаются в том числе терминологизация (наделение общеупотребительного слова правовым значением) и транстерминологизация (термина из одной терминологической системы в другую)⁶⁹.

Таким образом, **объектом предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике** следует считать деятельность субъектов, направленную на систематическое получение прибыли и удовлетворение потребностей заказчика от оказания услуг при условии разной государственной принадлежности сторон сделки, то есть при условии различия государств регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и/или гражданства физических лиц. При этом понятие услуг включает в себя как услуги, свойственные традиционному имущественному обороту, относительно которых цифровые технологии могут применяться лишь для заключения договора, так и новые цифровые услуги, для оказания которых применение цифровых

---

⁶⁹ Юридическая техника: курс лекций / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2015. С. 201.

технологий является обязательным вне зависимости от формы сделки.

«Традиционные» услуги являются нематериальными, не имеют овеществлённого результата, тесно связаны с личностью исполнителя⁷⁰. «Цифровые» услуги оказываются в автоматическом режиме при помощи цифровых технологий, находящихся под управлением исполнителя, и имеют результат в объективированной форме программного кода. Использование глобальной сети Интернет для оказания цифровых услуг обуславливает возможность применения к внешней торговле цифровыми услугами только одного способа – коммерческого присутствия иностранного исполнителя на территории государства заказчика услуг (способ № 3 по ГАТС), и только одного доктринального критерия иностранного элемента – национальности (государственной принадлежности) сторон сделки. Специфику цифровых услуг необходимо учитывать для эффективного правового регулирования.

---

⁷⁰ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 637.

§ 2. Субъекты предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами

Субъект правоотношения

Правосубъектность – важнейшая теоретическая категория в праве, которая традиционно охватывает правоспособность (способность обладать субъективными правами и юридическими обязанностями), дееспособность (способность самостоятельной реализации прав и обязанностей) и деликтоспособность (способность самостоятельно нести юридическую ответственность за неблагоприятные последствия своего поведения)⁷¹. Указанные составляющие обеспечивают участие субъектов в конкретных правоотношениях⁷².

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что субъект права – это искусственный продукт творчества объективного права⁷³. В такой парадигме объективное право присваивает участнику отношений субъективные права вне зависимости от физических, организационных и иных свойств и качеств такого участника, то есть предпосылкой правосубъектности в любом случае является норма позитивного права. Противоположная точка зрения заключается в том, что для получения правосубъектности физическому или юридическому лицу необходимо обладать определенными качествами⁷⁴. С данной позицией коррелирует мнение С.С. Алексеева о том, что социальной предпосылкой правосубъектности служит свобода воли как неотъемлемое качество человека⁷⁵.

Большинство ученых (А.В. Венедиктов, С.Ф. Кечекьян, В.В. Лаптев, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов и др.) отождествляют или считают синонимами понятия «субъект права» и «субъект правоотношения»⁷⁶.

---

⁷¹ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: учебное пособие. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Свердловск, 1964. С. 57.

⁷² Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2. С. 96 - 113.

⁷³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. Вып. 2 - 4. М.: Юридический колледж МГУ, 1995. С.173.

⁷⁴ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. С. 16.

⁷⁵ Алексеев С.С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. С. 379.

⁷⁶ Венедиктов А.В. О субъектах социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 17 - 28; Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. М., 1958. С. 84; Лаптев В.В. Субъекты хозяйственного права // Советское государство и право. 1975. № 4. С. 80 - 88; Марченко М.Н. Проблемы теории

Среди немногочисленных представителей иной точки зрения можно привести Ю.К. Толстого, который отмечал, что отождествление субъекта права и субъекта правоотношения возможно только при условии нахождения субъекта в состоянии устойчивого и постоянного участия в правовом отношении⁷⁷. Таковыми являются, например, абсолютные правоотношения. Аналогичную позицию занимал В.Я. Бойцов, который соотносил категории субъекта права и субъекта правоотношения как общее и частное, возможное и действительное⁷⁸. То есть субъект права – это потенциальный участник правоотношений, а субъект правоотношения – это действительный участник, находящийся в стадии реализации своей правосубъектности. В этой связи В.С. Нерсесянц отмечает, что субъекты (участники) правоотношения – это субъекты права, обладающие предусмотренными реализуемой нормой права правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью⁷⁹. То есть автор связывает понятие субъекта правоотношения с конкретной нормой, регулирующей конкретные общественные отношения.

Н.В. Козлова называет относительные правоотношения конкретными в противовес абстрактным (абсолютным) правоотношениям. Аналогично автор трактует понятия субъекта права и правоспособности⁸⁰.

На основе описанных доктринальных подходов можно сделать вывод о том, что субъекты права становятся субъектами правоотношений в сфере внешней торговли услугами, если в их деятельности будет установлен иностранный элемент. В цифровой экономике, как указано выше, иностранный элемент определяется по критерию разной национальности (государственной принадлежности) сторон сделки, то есть по критерию различия государств регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и/или гражданства физических лиц.

государства и права. М., 2006. С. 645; Матузов Н.И. Теория государства и права. М., 2001. С. 517.

⁷⁷ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 74.

⁷⁸ Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972. С. 10.

⁷⁹ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2001. С. 509.

⁸⁰ Козлова Н.В. Абстрактное и конкретное понимание субъекта, правоспособности и гражданского правоотношения // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сб. науч. ст. к юбилею д. ю. н., профессора Е.А. Суханова. М.: Статут, 2018. С. 306 - 323.

Идентификация субъектов в цифровой экономике

Идентификация в цифровой среде позволяет определить субъектов правоотношения и далее установить их национальность (государственную принадлежность).

Посредством применения современных цифровых технологий субъект может скрывать свои персональные данные в сети Интернет⁸¹, используя цифровой профиль. В литературе отмечается обезличенность субъектного состава значительной части цифровых правоотношений⁸². Представляется, что данное утверждение верно в отношении всех хозяйствующих субъектов, включая юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. От имени юридических лиц, по общему правилу, действуют физические лица, входящие в состав органов управления⁸³ или иным образом уполномоченные лица, имеющие соответствующие аккаунты в цифровой среде. Индивидуальные предприниматели действуют, как правило, также через свои личные аккаунты либо аккаунты представителей.

В России проблема идентификации пользователей в цифровой среде рассматривается в рамках цифровой среды доверия, которая охватывает, в том числе, субъектов предпринимательской деятельности. Отмечается, что формирование такой среды требует существенных изменений законодательства в сфере идентификации субъектов правоотношений⁸⁴.

Понятие цифровой среды доверия впервые было закреплено в программе «Цифровая экономика РФ» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р), где было констатировано, что существует проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде, и ставилась задача создать правовые условия

---

⁸¹ Майоров С.М. Цифровые объекты и субъекты в российском праве // Youth for science 2021: сборник статей Международного учебно-исследовательского конкурса. Петрозаводск: Новая Наука, 2021. С. 162 - 165.

⁸² Дерюгина С.Р. Каршеринг и райдшеринг: к проблеме правовой природы договоров // Гражданское право. 2019. № 4. С. 20 - 23.

⁸³ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. С. 192.

⁸⁴ Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5 - 18; Нурмухаметов Р.К., Торин С.С. Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Известия Тульского государственного университета: экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 32 - 39.

для формирования единой цифровой среды доверия. Предполагалось обеспечить участников цифровой экономики средствами доверенных цифровых дистанционных коммуникаций, внедрить удаленное подтверждение личности для совершения юридически значимых действий, закрепить равный статус различных способов *идентификации и аутентификации* участников цифровой экономики...

Далее программа была отменена. Протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 г. № 7 был утверждён паспорт одноименного национального проекта, в котором поставлена цель сформировать правовые условия для формирования единой цифровой среды доверия в части уточнения правового статуса удостоверяющих центров, установления унифицированных требований к универсальной (единой) усиленной квалифицированной электронной подписи, расширения возможностей и способов *идентификации*.

Из буквального толкования приведенных правовых актов следует, что в России цель идентификации пользователей и формирования цифровой среды доверия состоит в придании юридической силы действиям, совершенным в электронной форме.

С одной стороны, идентификация пользователей в рамках цифровой среды доверия позволяет установить личность субъекта предпринимательской деятельности и/или его представителя, а также личность контрагента. С другой стороны, цифровая среда доверия является неотъемлемой характеристикой инфраструктуры внешней торговли услугами, о которой подробно сказано в следующем параграфе. Иными словами, высокий уровень доверия в цифровой среде является необходимой предпосылкой для развития внешнеэкономической деятельности в цифровой экономике.

Среди технически возможных способов идентификации субъектов отмечаются электронная подпись, биометрические данные, абонентский номер клиента⁸⁵.

---

⁸⁵ Вайпан В.А. Создание новой правовой среды для цифрового развития транспорта// Право и экономика. 2021. № 9. С. 5 - 11.

В трансграничных отношениях идентификация предназначена в том числе и для определения национальности (государственной принадлежности) пользователя, что в дальнейшем позволяет определить его привязку к правопорядку определенного государства и личный закон, регулирующий, в частности, его правосубъектность. Кроме того, определение национальности субъектов предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами необходимо для установления признаков внешнеэкономической сделки, о которых сказано в первом параграфе настоящей главы.

В субъектный состав внешнеэкономической сделки входят российские юридические и физические лица, апатриды, иностранные физические и юридические лица, а также организации в иной организационно-правовой форме.

При определении национальности юридического лица принято выделять четыре базовых теории: инкорпорации (закон места регистрации), оседлости (закон места нахождения органов управления), центра эксплуатации (закон места осуществления хозяйственной деятельности) и контроля (закон национальности владельцев бизнеса)⁸⁶. В российской правовой системе применяется критерий инкорпорации. Так, согласно п. 1 ст. 1202 ГК РФ личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо.

Национальность физического лица определяется по его гражданству и также имеет юридическое значение применительно к внешней торговле услугами, потому что в отношениях с участием потребителя коллизионная привязка согласно нормам ст. 1212 ГК РФ предполагает применение права страны потребителя.

В целом, определив национальность сторон сделки, можно установить наличие иностранного элемента и внешнеэкономический характер отношений сторон, что, в свою очередь, приведет к проблеме выбора применимого права, решение которой также связано с идентификацией пользователей.

Кроме того, идентификация позволяет установить место нахождения пользователей, от которого зависит выбор права, применимого к форме сделки (ст.

---

⁸⁶ Международное частное право: учебник / отв. ред. Н.И. Марышева. М.: Контракт, 2018. С. 130 - 170.

1209 ГК РФ), и выбор права, регулирующего непосредственно отношения сторон по общему правилу (ст. ст. 1211 и 1212 ГК РФ). Так, если речь идет об отношениях между субъектами предпринимательской деятельности, то к отношениям сторон по оказанию услуг, исходя из норм ст. 1211 ГК РФ, применяется материальное право места деятельности исполнителя как стороны, которая осуществляет решающее исполнение. Если же речь идет об отношениях с участием потребителя, то исходя из норм ст. 1212 ГК РФ, выбор права, подлежащего применению к договору, не может повлечь за собой лишение потребителя защиты его прав, предоставляемой императивными нормами права страны его места жительства, если профессиональная сторона осуществляет свою деятельность в стране места жительства потребителя либо любыми способами направляет свою деятельность на территорию этой страны...

В теории критерий направленности получил наименование «таргетинг-тест» (targeting test), который сводится к определению целенаправленности деятельности субъекта в той или иной юрисдикции⁸⁷. Указанное представляет собой правовое средство расширения перечня иностранных элементов в публично-правовых целях.

Примечательно, что в литературе не ставится вопрос о соотношении понятия коммерческого присутствия и критерия направленности. Не ставится вопрос и о том, можно ли коммерческое присутствие в отношениях между субъектами предпринимательской деятельности определить через критерий направленности. По мнению автора, в цифровой экономике применительно к цифровым услугам коммерческое присутствие и должно устанавливаться только по критерию направленности деятельности исполнителя на заказчиков, принадлежащих к какой-либо юрисдикции.

Физические места расположения серверов, цифровых платформ и хранилищ данных, во-первых, не всегда могут быть достоверно установлены в географических границах государств, а, во-вторых, не имеют юридического

---

⁸⁷ Мажорина М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 230 - 253.

значения для целей определения места нахождения сторон сделки либо места исполнения обязательств. В частности, потребление услуг в любом случае происходит в месте нахождения потребителя. Оказание услуг носит длящийся характер.

По этой причине к цифровым услугам для потребителей не применяется пп. 2 п. 3 ст. 1212 ГК РФ, который допускает лишение потребителя средств защиты, предусмотренных императивными нормами права его страны, если услуги должны быть оказаны исключительно в иной стране, чем страна места жительства потребителя.

Таким образом, идентификация пользователей (субъектов) в цифровой среде позволяет определить их национальность и место нахождения, а также позволяет придать их действиям юридическое значение и разрешить коллизионный вопрос.

Субъекты основного обязательства⁸⁸

Отношения по оказанию услуг являются относительными, предполагают наличие не менее двух субъектов – должника и кредитора.

В каждом гражданском правоотношении различают две стороны – управомоченную и обязанную⁸⁹. В легальном определении обязательства, сформулированном в ст. 307 ГК РФ, названы два участника любого обязательства: кредитор и должник. Это общее наименование сторон обязательства. Кредитор является активной стороной, обладает правом требовать от должника определенного поведения – совершения определенных действий либо воздержания от них. Должник является пассивным участником, обязанным совершить определенное действие для кредитора либо воздержаться от его совершения.

Традиционно субъектами предпринимательских правоотношений вообще и

---

⁸⁸ В диссертации термины «основное обязательство» и «основной договор» употребляются для обозначения отношений, формирующихся между сторонами договора оказания «цифровых» услуг и договора оказания «традиционных» услуг, который заключается при помощи цифровых технологий. Данные термины в диссертации не используются в контексте соотношения основного и акцессорного обязательств и договоров.

⁸⁹ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. С. 111.

отношений в сфере внешней торговли услугами в частности являются физические и юридические лица. На стороне исполнителя услуги выступает индивидуальный предприниматель или коммерческая организация (субъекты предпринимательской деятельности)⁹⁰, а на стороне заказчика может выступать как потребитель, так предприниматель.

При этом для правоотношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике характерна более сложная структура и наличие посредников. Основным экономическим инструментом осуществления предпринимательской деятельности, включая оказание услуг, в эпоху цифровизации выступает глобальная компьютерная сеть Интернет. Субъектами интернет-отношений являются, во-первых, как непосредственные участники сделок (вышеупомянутые должник и кредитор как стороны основного обязательства), так и лица, выполняющие посреднические функции (организующие функционирование электронных площадок и поддерживающие техническое обеспечение систем электронного взаимодействия).

Цифровые посредники

Цифровые посредники — это лица, которые оказывают информационные и иные услуги на основании специальных договоров в отношении цифровых данных, прав и технологий (операторы связи, операторы цифровых технологий, провайдеры), обеспечивая права и законные интересы их обладателей и

---

⁹⁰ Перечень исполнителей услуг не ограничивается индивидуальными предпринимателями и коммерческими организациями. В частности, в теории предпринимательского права деятельность некоммерческих организаций, приносящая доход, по своим признакам соответствует сущностным характеристикам предпринимательской деятельности (См. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. С. 376 - 384; автор главы И.С. Шиткина). Следовательно, на стороне исполнителя услуг может выступать и некоммерческая организация, однако это является исключением из целевой правоспособности некоммерческой организации. Аналогично на стороне исполнителя услуг могут выступать физические лица, не зарегистрированные в качестве ИП (например, «самозанятые» граждане) или иностранные лица, от которых личный закон не требует формализации статуса субъекта предпринимательской деятельности.

В диссертации исследуется наиболее распространенная модель оказания услуг индивидуальными предпринимателями и коммерческими организациями, отнесение которых к субъектам предпринимательской деятельности не вызывает дискуссий. При этом в силу п. 4 ст. 23 ГК РФ и п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 выводы применимы в том числе и к отношениям с участием на стороне исполнителя услуг некоммерческих организаций, физических лиц, не зарегистрированных в качестве исполнителей услуг, и иных субъектов.

пользователей⁹¹. Данные услуги цифровые посредники оказывают субъектам основного обязательства. Цифровыми посредниками выступают, например, владельцы агрегаторов, операторы цифровых платформ, операторы информационных систем, действующие на основании договоров о допуске к сетевой инфраструктуре, об оказании услуг по предоставлению информации с участниками информационной системы и др.⁹²

Указанные лица всегда являются посредниками в экономическом и технологическом смысле, сопровождают отношения от первоначального волеизъявления одной из сторон до окончания исполнения уже заключенного договора, при этом юридически отношения могут быть оформлены по-разному.

В теории владелец платформы может выступать а) стороной договора оказания услуг, б) посредником на основании договоров оказания услуг или лицензионного соглашения с пользователем и с поставщиком услуг, а также в) одним из лиц на стороне поставщика услуг⁹³. То есть владелец платформы может быть стороной договора, представителем одной или обеих сторон договора оказания услуг либо вообще не участвовать в заключении основного договора, являясь посредником лишь экономически и имея договоры о предоставлении допуска к инфраструктуре с каждой из сторон основного договора. Если агрегатор оказывает пользователю услугу по подбору исполнителя и/или заказчика услуг, то отношения могут быть построены по нескольким моделям: представительство по договору поручения, посредничество по договору комиссии, смешанная модель, модель *sui generis*... Например, исполнитель может заключить договор поручения или агентский договор с бизнес-агрегатором или оператором, а последний заключает основной договор с заказчиком от имени исполнителя или от своего имени.

---

⁹¹ Минбалеев А.В. Цифровые правоотношения: понятие, виды, структура, объекты // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажева, М. А. Егоровой. М., 2020. С. 70.

⁹² Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58 - 68; Подузова Е.Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. 2021. №2. С. 55 - 60; Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29 - 36.

⁹³ Кузнецова Н.Г. Правовое положение агрегатора информации о товарах (услугах, работах, цифровом контенте) и его преддоговорные обязанности // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 1 - 15.

Если агрегатор только предоставляет доступ к электронной площадке, то он не является участником основного договора, заключаемого через платформу между заказчиком и исполнителем услуг. Так, пользовательское соглашение «Яндекса» предусматривает, что ничто в соглашении не может пониматься как установление между пользователем и «Яндексом» агентских отношений, отношений товарищества, отношений по совместной деятельности, отношений личного найма⁹⁴. В данном случае с экономической и технологической точки зрения владелец агрегатора продолжает быть посредником, однако юридически отношения представительства здесь отсутствуют.

От юридической модели оформления отношений зависит содержание правоотношений (конкретные права и обязанности) и возможность привлечения посредника к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение основного договора. Рассмотрим правовой статус различных категорий цифровых посредников.

Легальное определение владельца агрегатора содержится в преамбуле Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». Под ним понимается организация либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для ЭВМ и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет и которые предоставляют потребителю возможность ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) и заключить с ним договор, а также произвести предоплату.

Указанное определение подтверждает гипотезу о том, что в российской правовой системе владелец агрегатора – это посредник, а не сторона договора оказания услуг, для продажи которых используется платформа. Именно поэтому, по общему правилу, владелец агрегатора не несет ответственности перед потребителем в случае неисполнения и (или) ненадлежащего исполнения договора со стороны исполнителя по основному договору.

Доктринальным основанием возложения на агрегатора ответственности в случае неисполнения и (или) ненадлежащего исполнения основного договора

---

⁹⁴ URL: <https://yandex.ru/legal/rules/> (дата обращения: 04.10.2020).

может выступать немецкая концепция ответственности за вызванное доверие (Vetrauenschaftung)⁹⁵. Альтернативным теоретическим основанием возложения на агрегатора ответственности может являться знакомая российскому праву теория связанных договоров, о которой сказано далее в главе 3 настоящей диссертации.

В российском правовом поле существуют также оператор инвестиционной платформы и оператор финансовой платформы, которые выступают самостоятельными субъектами правоотношений. Договоры инвестирования по своей правовой природе отличаются от оказания услуг, но данный пример приводится с точки зрения функциональной составляющей оператора платформы, поскольку именно в данной сфере отношения оператора и участников основной сделки представляются наиболее урегулированными.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ) **оператор инвестиционной платформы** – это хозяйственное общество, осуществляющее деятельность по организации привлечения инвестиций... Указанная деятельность определена как оказание услуг по содействию в инвестировании и услуг по привлечению инвестиций с использованием инвестиционной платформы.

По существу оператор должен лишь обеспечить функционирование инфраструктуры, на базе которой осуществляется инвестиционный процесс⁹⁶. Оператор предоставляет инвестору и лицу, привлекающему инвестиции, доступ к инвестиционной платформе для заключения между ними договора инвестирования и не отвечает перед инвесторами по обязательствам лиц, привлекающих инвестиции.

В литературе отмечается, что основной функцией оператора платформы является организационно-посредническая, а среди вспомогательных упоминается

---

⁹⁵ Актуальные вопросы регулирования экосистем. Доклад Центра стратегических разработок. С. 13 // URL: http://www.lccp.econ.msu.ru/sadm_files (дата обращения: 11.12.2022).

⁹⁶ Габов А.В., Хаванова И.А. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 1. С. 28 - 44.

контрольная, удостоверяющая, техническая, информационная и учетная⁹⁷. Указанный функционал значительно более широкий, чем у агрегатора.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» **оператор финансовой платформы** – это юридическое лицо, оказывающее услуги, связанные с обеспечением возможности совершения финансовых сделок между финансовыми организациями или эмитентами и потребителями финансовых услуг с использованием финансовой платформы... Оператор финансовой платформы не является стороной финансовых сделок, совершаемых с использованием финансовой платформы.

Правовой статус оператора финансовой платформы является схожим со статусом оператора инвестиционной платформы. Операторы платформ по мысли законодателя являются посредниками не только экономически, но и юридически. Деятельность операторов носит организационный характер, что дополнительно подтверждается отсутствием у них платежной функции и необходимостью включения в публичные реестры.

Наличие особого субъекта, организующего функционирование цифровой платформы и формирующего условия ее использования, является сущностной характеристикой цифровой платформы⁹⁸. Примечательно, что в законодательстве не указано, на каком основании (титуле) оператор должен владеть цифровой платформой. Соответственно, ключевым признаком являются его организационно-посреднические функции, а не само по себе обладание технологической инфраструктурой.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» **оператор информационной системы** – это гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том

---

⁹⁷ Кванина В.В., Спиридонова А.В. Публично-правовое и частноправовое регулирование деятельности оператора инвестиционной платформы // Право и цифровая экономика. 2020. № 4. С. 25 - 31.

⁹⁸ Краснова С.А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 67 - 82; № 2. С. 76 - 86.

числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных.

По существу оператор информационной системы также относится к категории лиц, выполняющих организационные, посреднические функции.

Приведенными понятиями не исчерпывается круг посредников, опосредующих предпринимательскую деятельность в сети Интернет. Так, в п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ содержится термин «**информационный посредник**», который включает три категории субъектов: (1) лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет, (2) лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, (3) лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети.

Множество специальных субъектов выделены в нормах Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Например, **владелец сайта** – это лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети Интернет, в том числе порядок размещения информации на таком сайте; **провайдер хостинга** – это лицо, оказывающее услуги по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети Интернет.

Указанные определения не содержат отличительных характеристик каждой категории субъектов, не позволяют соотнести, например, провайдера хостинга с иными субъектами – оператором связи, информационным посредником и др.⁹⁹, тогда как квалификация провайдера хостинга в качестве информационного посредника не вызывает сомнений, поскольку он очевидно создает технические условия для размещения информации в сети Интернет.

С учетом отсутствия в законодательстве устойчивой системы признаков цифровых посредников и их классификации обратимся к доктринальным

---

⁹⁹ Терещенко Л.К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 101 - 108.

подходам.

В целом правовая природа посредничества в информационно-телекоммуникационной сети проявляется в техническом, инфраструктурном обеспечении деятельности третьих лиц. Например, согласно п. 2 Пользовательского соглашения сервиса eBay, eBay – это торговая площадка, которая позволяет пользователям предлагать, продавать и покупать товары и услуги в различных географических точках, используя различные форматы ценообразования. eBay не является стороной контрактов на продажу между сторонними продавцами и покупателями, а также не является традиционным аукционистом¹⁰⁰.

При этом вспомогательная функция цифровых посредников понимается широко и включает в себя, например, сопровождение расчетов. Так, в США существует специальный сервис условного депонирования. Покупая товары или услуги, пользователь перечисляет денежные средства агрегатору, а продавец (исполнитель) получает их только после выполнения своих обязательств перед пользователем¹⁰¹. В российском законодательстве нет специальных коллизионных привязок для регулирования расчетных отношений¹⁰². Представляется, что с точки зрения коллизионной привязки расчетные отношения регулируются нормами права, применимого к договору о допуске к цифровой инфраструктуре.

Д.Ф. Лоренц приходит к выводу, что посредническая деятельность должна квалифицироваться по следующим признакам: (1) технический характер услуги провайдера; (2) нейтральность и пассивность услуги по отношению к контенту; (3) технологическая способность препятствовать правонарушениям со стороны третьих лиц или пресекать их путем удаления нелегального контента и (или) прекращения доступа к нему¹⁰³.

А.И. Савельев классифицирует посредников в сети Интернет по

---

¹⁰⁰ URL: <https://www.ebay.com/pages/help/policies/user-agreement.html#2> (дата обращения: 04.12.2022).

¹⁰¹ Clarkson K.W., Miller R.L. Business Law: Text and Cases. The USA: Cengage Learning. 2021. P. 557.

¹⁰² Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. М.: Международные отношения, 2019. С. 147 - 148.

¹⁰³ Лоренц Д.В. Информационные посредники (провайдеры) в России и зарубежных странах: природа, сущность и типология // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 5. С. 136 - 163.

функциональному критерию, выделяя: (1) посредников по передаче информации, инициированной иными лицами, – например, социальные сети (2) посредников, обеспечивающих возможность размещения информации, – например, провайдер хостинга, (3) посредников, предоставляющих возможность доступа к информации, – например, поисковые сервисы и сервисы контекстной рекламы¹⁰⁴.

Л.К. Терещенко и О.И. Тиунов дифференцируют информационных посредников на три группы, разделяя: (1) операторов связи и операторов информационной системы, (2) владельцев сайтов, регистраторов и администраторов доменного имени, (3) провайдеров хостинга¹⁰⁵. Можно предположить, что в основе данной классификации также лежит функциональный критерий.

По критерию отношения к контенту информационные посредники классифицируются на следующие группы: (1) провайдеры содержания, которые генерируют контент, (2) хост-провайдеры, которые предоставляют доступа к контенту третьих лиц, (3) провайдеры доступа, которые только технологически обеспечивает связь, коммутацию разных лиц¹⁰⁶. Вместе с тем отнесение лиц, генерирующих контент, к категории посредников, вызывает сомнения.

В зарубежной литературе отмечается, что современный потребитель (заказчик) – это опосредованный потребитель, то есть взаимодействие с исполнителем происходит через платформу¹⁰⁷. Указанное верно для большинства цифровых услуг.

В Германии под платформами понимаются все интернет-компании, предоставляющие «посреднические услуги, позволяющие осуществлять прямое взаимодействие между двумя или более разными группами пользователей,

---

¹⁰⁴ Савельев А.И. Критерии наличия действительного и предполагаемого знания как условия привлечения к ответственности информационного посредника // Закон. 2015. № 11. С. 48 - 60.

¹⁰⁵ Терещенко Л.К., Тиунов О.И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 46 - 51.

¹⁰⁶ Жарова А.К., Демьянец М.В., Елин В.М. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2014. С. 204.

¹⁰⁷ Calo R., Rosenblat A. The Taking Economy: Uber, Information, and Power // University of Washington School of Law Research Paper. 2017. № 8. P. 1623 - 1690.

которые связаны косвенными сетевыми эффектами»¹⁰⁸. В соответствии с проектом Директивы Европейского союза «Об онлайн платформах-посредниках» (Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms) цифровой платформой является любая услуга информационного общества, доступная через Интернет или с помощью аналогичных цифровых средств, которая позволяет клиентам заключать договоры с поставщиками товаров, услуг или цифрового контента¹⁰⁹. В праве ОЭСР платформы по определению представляют собой онлайн-сервисы, которые являются посредниками между различными группами для покупки, продажи и обмена различными товарами и услугами, обычно собирая и используя огромные объемы данных для предоставления своих услуг¹¹⁰.

Цифровой посредник на базе цифровой платформы вовлекает в комплексные правоотношения различных субъектов: 1) потребители (заказчики услуг); 2) разработчики ПО; 3) поставщики (исполнители услуг); 4) владельцы платформы¹¹¹.

Автор исходит из того, что по общему правилу операторы цифровых платформ формально не являются участниками основного договора, заключаемого через платформу между заказчиком и исполнителем услуг, а действуют на основании договоров о предоставлении допуска к инфраструктуре (пользовательского соглашения) с каждой из сторон основного договора. Правовая природа посредничества в информационно-телекоммуникационной сети обусловлена функцией технического, инфраструктурного обеспечения деятельности третьих лиц. При этом пользовательское соглашение может включать дополнительные услуги, например, по проведению расчетов между пользователями.

---

¹⁰⁸ The Market Power of Platforms and Networks. 2016 // URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/EN/Berichte/Think-Tank-Bericht-Zusammenfassung.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 04.12.2022).

¹⁰⁹ Busch Ch, Dannemann G., Schulte-Nölke H., Wiewiórowska A. Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms // Journal of European Consumer and Market Law. 2016. № 5 P. 164 - 169.

¹¹⁰ Model Reporting Rules for Digital Platforms: International Exchange Framework and Optional Module for Sale of Goods. OECD // URL: <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/model-reporting-rules-for-digital-platforms-international-exchange-framework-and-optional-module-for-sale-of-goods.pdf> (дата обращения: 16.04.2022).

¹¹¹ Zachariadis M., Ozcan P. The API Economy and Digital Transformation in Financial Services: The Case of Open Banking // URL: <https://ssrn.com/abstract=2975199> (дата обращения: 16.04.2022).

Исходя из проведенного исследования, представляется необходимым закрепить в нормах ГК РФ систему признаков цифровых посредников для последующего урегулирования договорных моделей взаимодействия между цифровыми посредниками и пользователями цифровых платформ, а также общие подходы к ответственности цифровых посредников. Автор выделяет следующие признаки цифровых посредников: (1) наличие статуса индивидуального предпринимателя или организационно-правовой формы коммерческой организации, (2) наличие договорных отношений, в том числе по оказанию услуг, с каждой из сторон основного обязательства, (3) технологический характер услуг цифрового посредника, направленный на инфраструктурное обеспечение деятельности сторон основного договора. Указанные признаки позволят исключить цифровых посредников из правоотношений, складывающихся между сторонами основного договора, и, как следствие, разграничить ответственность исполнителя по основному договору и ответственность цифрового посредника перед потребителем.

Предлагается дополнить пункт 1 статьи 2 ГК РФ абзацем 4 следующего содержания: «Гражданское законодательство регулирует отношения с участием цифровых посредников, исходя из того, что цифровыми посредниками являются индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, которые оказывают услуги, направленные на инфраструктурное обеспечение деятельности участников гражданского оборота в цифровой среде. Цифровые посредники обязаны обеспечить депонирование пользовательских соглашений и иных актов, регулирующих инфраструктурное обеспечение деятельности участников гражданского оборота, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

Субъектный состав в сфере внешней торговли услугами разнообразный и в целом совпадает с видами специальных субъектов оказания услуг в цифровой среде. К субъектам предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами следует относить следующие категории лиц: (1) исполнители

по договорам оказания цифровых услуг, в том числе, юридические лица и индивидуальные предприниматели, (2) потребители, выступающие заказчиками по договорам оказания цифровых услуг как для личных и семейных нужд, в том числе, физические лица, так и для использования предпринимательской деятельности – юридические лица и индивидуальные предприниматели; (3) цифровые посредники, такие как операторы платформ, владельцы агрегаторов, владельцы сайтов, провайдеры хостинга и др. – юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Структура и содержание правоотношений, складывающихся между указанными субъектами, а также применимые договорные конструкции исследованы далее.

§ 3. Содержание предпринимательских правоотношений в сфере внешней торговли услугами

Содержание правоотношений составляют субъективные права и юридические обязанности их участников. Анализ взаимных прав и обязанностей позволяет определить правовую природу связей между субъектами и оптимизировать договорные модели.

Отношения, опосредуемые договором оказания услуг в сфере внешней торговли, в том числе в цифровой среде, являются относительными. Отношения между участниками платформы (пользователями) и оператором (агрегатором) также являются относительными вне зависимости от избранной договорной модели (представительство, комиссия, смешанная модель и др.). Абсолютные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав, а также цифровые личные неимущественные права (право доступа в Интернет, право на информацию, право на неприкосновенность личной жизни в Интернете) предметом исследования не являются.

Права и обязанности сторон основного договора

Е.А. Суханов указывает, что «придание объекту гражданских прав какой-либо новой формы, хотя бы и цифровой, само по себе не способно определить или изменить его юридическую природу»¹¹². В частности, цифровое имущество и цифровые права в действительности представляют собой не новый вид объектов гражданского оборота, а технический способ фиксации прав. Здесь Е.А. Суханов приходит к выводу, что более логичным было бы размещение норм о цифровых правах среди правил о форме сделок (ст. 158 -163 ГК РФ), а не в подразделе об объектах гражданских прав¹¹³.

О.А. Городов отмечает, что содержание договора по причине переноса его

---

¹¹² Суханов Е.А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020). М.: Статут, 2020. С. 27 - 28.

¹¹³ Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе "цифрового имущества" // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7 - 29.

исполнения в цифровую среду по существу не меняется, и его традиционно образуют права и обязанности сторон¹¹⁴. С данными тезисами необходимо согласиться, цифровая форма правоотношений влияет лишь на то, какие конкретно возникают права и обязанности у субъектов внешней торговли услугами. Способ оказания услуг, равно как и цена, срок, качество, по общему правилу не является существенным условием, однако может быть специально оговорен в договоре. Например, цифровые услуги, как правило, не требуют личного физического присутствия и предполагают предоставление допуска к цифровой инфраструктуре или доступа к цифровому контенту, казалось бы, без активных действий со стороны исполнителя¹¹⁵.

В.Ф. Попондопуло результатом появления цифровых инноваций называет зарождение правовых связей, которые являются, существенно новыми по содержанию и смысловой направленности¹¹⁶. Действительно, в сфере внешней торговли услугами между участниками платформы складываются не одно, а несколько правоотношений разной правовой природы, хотя их содержанием всё так же являются субъективные права и юридические обязанности.

Как минимум необходимо различать правоотношения непосредственно по оказанию услуг между заказчиком и исполнителем и иные (вспомогательные) правоотношения, возникновение которых обусловлено цифровой формой отношений по оказанию услуг. Появляется необходимость регистрации на электронной площадке (платформе), необходимость использования электронной подписи и обеспечения конфиденциальности в электронной среде, что само по себе порождает совокупность связанных договоров и возникающих из них прав и обязанностей субъектов.

Содержание правоотношения, порождаемого договором возмездного оказания услуг, в основном сводится к обязанности исполнителя оказать услуги и корреспондирующему праву заказчика требовать оказания услуг, а также к

---

¹¹⁴ Городов О.А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019. № 3(05). С. 5 - 10.

¹¹⁵ Подробнее об активных действиях исполнителя см. § 3 главы 3 настоящей диссертации.

¹¹⁶ Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29 - 36.

обязанности заказчика оплатить услуги и соответствующему праву исполнителя. В содержание правоотношений входит также право заказчика принять результат оказания услуг либо отказаться от него¹¹⁷.

Заключение договора посредством компьютера или в автоматическом порядке путем использования механизма смарт-контракта, не влияет на его квалификацию в гражданско-правовом смысле, не искажает договорную сущность сделки¹¹⁸. При использовании смарт-контракта как программы для заключения договоров и иных технологий, а также при оказании цифровых услуг необходимо разграничивать компьютерную программу и само правоотношение, т.е. договор.

О.А. Городов указывает, что субъективные права и обязанности участников, составляющих содержание цифрового правоотношения обязательственного типа, определяются не только характером конкретного правоотношения, возникающего между должником и кредитором, но и особенностями использования информационных технологий для целей замещения гражданского оборота тех либо иных материальных или нематериальных благ (активов)¹¹⁹. Можно предположить, что особенностями использования новых технологий определяется конкретный перечень действий исполнителя по отношению к конкретному предмету (объекту), а также возможная цифровая форма фиксации прав и обязанностей, а не само по себе содержание правоотношений, которое заключаются в наличии субъективных прав и обязанностей сторон договора.

Таким образом, **содержание правоотношений в сфере внешней торговли** услугами предполагает традиционную обязанность исполнителя оказать услуги надлежащим образом и субъективное право заказчика требовать от исполнителя оказания услуг. Конкретные действия исполнителя, которые образуют надлежащее исполнение по договору оказания услуг, во многом зависят от применяемых технологий, то есть от особенностей инфраструктуры цифровой экономики. При

---

¹¹⁷ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. С. 22.

¹¹⁸ Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права. Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32 - 60; Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта. Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30 - 74.

¹¹⁹ Городов О.А. Об утилитарных цифровых правах как новом инструменте привлечения инвестиций / Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: монография, коллектив авторов / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2020. С 100 - 110.

этом деятельность исполнителя и результат оказания услуг с экономической точки зрения являются товаром, так как имеют полезный эффект для заказчика.

Инфраструктура внешней торговли услугами в цифровой экономике, вспомогательные правоотношения

Как установлено в предыдущих параграфах, оказание цифровых услуг предполагает применение цифровых технологий, а основным экономическим инструментом оказания услуг в эпоху цифровизации выступает глобальная компьютерная сеть Интернет, в связи с чем в субъектный состав исследуемых отношений входят цифровые посредники, основной функцией которых является инфраструктурное обеспечение деятельности сторон основного договора оказания услуг.

В целях уточнения предмета договоров, заключаемых между субъектами основного обязательства и цифровыми посредниками, для последующего рассмотрения содержания правоотношений и анализа правовой природы договоров, необходимо исследовать и определить инфраструктуру внешней торговли услугами в цифровой экономике.

Инфраструктура в общем значении – это комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур или *объектов*, составляющих и (или) обеспечивающих основу функционирования системы¹²⁰. Под инфраструктурой товарного рынка принято понимать совокупность *организаций*, обеспечивающих нормальную деятельность производителей, торговых посредников и розничных торговых организаций в процессе движения товаров, осуществляемых субъектами, формирующими структуру товарного рынка¹²¹.

Существование объектов в виртуальном пространстве обусловлено наличием искусственной «псевдосреды» (т.е. инфраструктуры), создаваемой работой программного и аппаратного обеспечения¹²². Объектам гражданских прав

---

¹²⁰ Друева А.А. Цифровая инфраструктура и право // Право и цифровая экономика. 2019. № 1. С. 18 - 24.

¹²¹ Коммерческое право: учебник для академического бакалавриата / Б.И. Пугинский. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 157.

¹²² Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности. 2019 // Научная библиотека КиберЛенинка [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti> (дата обращения

в цифровой экономике свойственна необходимость доступа к инфраструктуре. Цифровой контент и цифровые услуги не могут существовать автономно от цифровых технологий и цифровой экосистемы.

В современных трансграничных экономических отношениях доступ к виртуальной инфраструктуре и цифровым технологиям является одним из условий свободного осуществления предпринимательской деятельности наряду с установлением правовых режимов свободной торговли в нормах позитивного права. Например, внешняя торговля услугами зачастую осуществляется на базе цифровых платформ при использовании глобального Интернета. Мобильная связь и сеть Интернет стали ключевыми инфраструктурными составляющими постиндустриального общества¹²³. В основе цифровой экономики лежат виртуальные хозяйственные связи субъектов, возрастает значение данных, развиваются новые технологии.

Следовательно, в условиях цифровизации инфраструктура должна в первую очередь обеспечивать работоспособность и взаимодействие разных технических решений, совместимость, обработку и хранение данных, а также условия удаленного взаимодействия и коммуникаций между пользователями.

Рассмотрим основное отличие инфраструктуры цифровой экономики от традиционной инфраструктуры товарного рынка и соответствующие различия в использовании договорных конструкций.

Так, в цифровой экономике сущность инфраструктуры не сводится к субъектам, содействующим торговле, которые образуют организационную инфраструктуру. Дополнительно выделяется цифровая технологическая инфраструктура, которая состоит из платформ, технологий и среды, создающей условия для взаимодействия субъектов, включая заключение и исполнение договоров.

Составными частями цифровой технологической инфраструктуры являются именно технологии (объекты), а не субъекты правоотношений. Можно отметить,

---

16.07.2022).

¹²³ Спартак А.Н. Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. №5. С. 7 - 23.

что инфраструктура внешней торговли услугами в цифровой экономике не укладывается в традиционное определение инфраструктуры как системы субъектов, обеспечивающих свободное движение товаров и услуг на рынке, или группы содействующих торговле субъектов (посредников), сложившееся в рамках наук предпринимательского и коммерческого права. Понятием инфраструктуры современной внешней торговли услугами охватываются также цифровые платформы и иные технологии, обособленные в виде технологической инфраструктуры.

В.А. Вайпан отмечает, что особое внимание следует уделять правовому обеспечению цифровизации инфраструктуры экономики, под которой обычно понимается совокупность объектов и форм деятельности, играющих вспомогательную роль по отношению к материальному производству и создающих общие условия нормальной жизнедеятельности общества¹²⁴. Данная проблема приобретает особую актуальность в условиях отсутствия как минимум легального определения инфраструктурного обеспечения цифровой экономики. Мы наблюдаем отсутствие понятийного аппарата и замещение дефиниций в правовых актах.

В действующей Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) выделяются федеральные проекты: нормативное регулирование цифровой среды, информационная инфраструктура, кадры для цифровой экономики, информационная безопасность, цифровые технологии и цифровое государственное управление.

В федеральном проекте «Информационная инфраструктура» (утв. 28.05.2019 президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию) поставлены цели обеспечения населения современными цифровыми услугами, создания глобальной конкурентоспособной инфраструктуры обработки и

---

¹²⁴ Вайпан В.А. Создание новой правовой среды для цифрового развития транспорта // Право и экономика. 2021. № 9. С. 5 - 11.

хранения данных, а также инфраструктуры функционирования цифровых платформ на основе отечественных разработок.

По смыслу п. 2 Постановления Правительства РФ от 04.05.2021 № 703 «О федеральной государственной информационной системе «Генеральная схема развития сетей связи и инфраструктуры хранения и обработки данных Российской Федерации» в состав инфраструктуры цифровой экономики включены телекоммуникационная инфраструктура и инфраструктура хранения и обработки данных. То есть к существующей информационной инфраструктуре в виде связи, интернета, банков и других традиционных явлений предстоит добавить цифровые платформы и новые механизмы хранения и обработки данных.

Приведенные правовые акты подтверждают тезис об отсутствии единого понятийного аппарата, а также сводят инфраструктуру цифровой экономики прежде всего к информационной составляющей, тогда как выше обоснован тезис о необходимости включения в понятие цифровой инфраструктуры цифровых платформ и иных технологий. Отсутствие надлежащего правового регулирования в совокупности с обновлением бизнес-моделей и технологическими особенностями внешней торговли услугами служит катализатором развития саморегулирования, формирования сетевых обычаев, *lex electronica*, *e-merchant law* и других аналогичных явлений, перечисленных в § 3 главы 2 настоящей диссертации. Перечисленные феномены негосударственного регулирования общественных отношений формируются, как правило, именно на базе цифровых платформ, которые и являются ключевым элементом виртуальной инфраструктуры и основополагающей технологией в сфере внешней торговли услугами.

Цифровые платформы под управлением операторов как субъектов предпринимательской деятельности являются связующим звеном, местом взаимодействия заказчиков и исполнителей. Именно они связывают организационную инфраструктуру и цифровую технологическую инфраструктуру. Для того чтобы электронный рынок функционировал, он должен опираться на

посредника (с экономической точки зрения), который объединяет покупателей и продавцов для осуществления транзакций¹²⁵. О цифровых платформах все чаще говорят как о рынке, то есть о месте встречи продавцов и покупателей с целью обмена материальными благами¹²⁶.

Цифровая платформа – это площадка в виде информационной системы, которая поддерживает комплекс автоматизированных процессов, необходимых для потребления цифровых товаров и услуг¹²⁷. Физически она состоит из отдельных объектов гражданско-правовых отношений: программное обеспечение, формирующее алгоритм работы, доменное имя и другие объекты исключительных прав в зависимости от функционала платформы. То есть платформа может быть определена в качестве единого виртуального имущественного комплекса (по аналогии с предприятием)¹²⁸.

Цифровая платформа также определяется как совокупность онлайн-цифровых механизмов, алгоритмы которых обслуживают организацию и структуру экономической и социальной деятельности¹²⁹. В широком смысле платформами могут быть как устройства (телефоны, планшеты), так и программные продукты (операционные системы, браузеры) или информационные сервисы (поисковые движки, социальные сети)¹³⁰.

Европейская комиссия определила цифровую (онлайн) платформу как предприятие, работающее на двух- (или многосторонних) рынках, которое использует интернет для обеспечения взаимодействия между двумя или более отдельными, но взаимозависимыми группами пользователей (потребителей),

---

¹²⁵ Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: монография / под общ. ред. А.А. Волоса. М.: Проспект, 2021. С. 181.

¹²⁶ Алтухов А.В. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7(128). С. 86 - 94.

¹²⁷ Татарина С.С. Цифровая экономика и право: новые вызовы - новые перспективы // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3. С. 62 - 66.

¹²⁸ Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2021. С. 13.

¹²⁹ Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // Issues in Science and Technology. 2019. Vol. 32. № 3. P. 61, 65.

¹³⁰ Доценко А.В., Иванов А.Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. 2016. № 2. С. 31 - 45.

чтобы создать стоимость как минимум для одной из групп¹³¹.

В Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского Экономического Союза до 2025 года (утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12) цифровая платформа определена как система средств, поддерживающих использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающих возможность их бесшовного взаимодействия.

К сожалению, ни одно из указанных определений не содержит признаков, которые бы позволили отграничить цифровую платформу от иных явлений либо провести различие между цифровой инфраструктурой и информационной инфраструктурой. Отсутствием единого понятийного аппарата в науке и отсутствием легального определения цифровых платформ обусловлены во многом и вопросы о правовой природе отношений, складывающихся на базе таких платформ и проанализированных в предыдущем параграфе сквозь призму теории связанных договоров. Кроме того, существование цифровых платформ в сети Интернет в глобальном масштабе влечет применение норм международного права и законодательства разных государств, в том числе порождает коллизионный вопрос.

Представляется, что цифровая инфраструктура, в отличие от информационной, дополнена средствами автоматизации процессов, технологиями обработки данных и средствами идентификации пользователей.

При этом инфраструктура цифровой экономики является более широким понятием, включает в себя и цифровую, и информационную инфраструктуру. Совместно их предлагается именовать цифровой технологической инфраструктурой.

Инфраструктура внешней торговли услугами в цифровой экономике подразделяется на две части: (1) организационная инфраструктура – совокупность операторов платформ и других субъектов, способствующих осуществлению

---

¹³¹ European Commission Online Platforms and the Digital Single Market // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselect/ldecom/129/129.pdf> (дата обращения 16.07.2022).

внешней торговли услугами; (2) цифровая технологическая инфраструктура – совокупность цифровых платформ, технологий и коммуникаций, обеспечивающих возможность заключения и исполнения договоров в трансграничной цифровой среде.

В Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского Экономического Союза до 2025 года (утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12) сервисы цифровой платформы рассматриваются как основа для «цифровой экосистемы», т.е. открытой устойчивой системы, включающей субъектов, а также связи и отношения этих субъектов в цифровой форме.

Рассмотрим соотношение цифровой платформы со смежным понятием цифровой экосистемы более подробно.

В литературе отмечается, что цифровая платформа в совокупности с другими сервисами и информационными системами, включая различные бизнес-процессы, составляет единую цифровую экосистему¹³². Под цифровой экосистемой понимается группа предприятий, людей и объектов, которые совместно используют цифровые платформы для взаимовыгодных целей...¹³³ С учетом использования всемирного Интернета и сквозных цифровых технологий для цифровых экосистем характерно географическое разнообразие участников, межгосударственное и межотраслевое регулирование.

Цифровая экосистема в научных исследованиях также определяется как сетевые связи между участниками, использующими цифровую платформу. Отмечается, что главная характеристика цифровой экосистемы — возможность совместной работы нескольких субъектов права при использовании единых технологических решений¹³⁴.

В докладе Банка России цифровая экосистема определена как совокупность

---

¹³² Черфас Р.А. Цифровая трансформация правоотношений в сегментах G2G, G2B/B2G и G2C // Право и цифровая экономика. 2020. № 1(07). С. 29 - 35.

¹³³ Иванов А.Л., Шустова И.С. Исследование цифровых экосистем как фундаментального элемента цифровой экономики // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 5. С. 655 - 670.

¹³⁴ Вайпан В.А. Понятие цифровой экосистемы и принципы ее регулирования. В кн.: Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография / под общ. ред. В.А. Вайпана, М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. С.15.

сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компании и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса¹³⁵. В документах Минэкономразвития России используется иное понятие: клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две и более группы продуктов, услуг, информации для удовлетворения конечных потребностей клиентов. Отмечается, что цифровые экосистемы являются следующей фазой развития цифровых платформ, в том числе могут включать несколько цифровых платформ¹³⁶.

В Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» цифровая экосистема определяется как открытая устойчивая система, включающая субъекты цифровой экосистемы (физических, юридических, виртуальных и пр.), а также связи и отношения этих субъектов в цифровой форме на основе сервисов цифровой платформы¹³⁷.

Например, Apple является цифровой экосистемой, которая включает магазин приложений App Store, сервисы Apple music, браузер Safari и пр., а iOS (“i” operating system) – это платформа, которая лежит в основе цифровой экосистемы. Также и Google является основой цифровой экосистемы, которая кроме поисковой системы предлагает ряд дополнительных онлайн-сервисов, включая браузер Chrome, почту Gmail, навигацию Google Maps, потоковую передачу YouTube и Google Play, покупки Google Shopping и Google Travel, переводчик Google Translate. В целом внешняя торговля услугами, как правило, осуществляется на базе цифровых платформ. С точки зрения антимонопольного права в рамках цифровой экосистемы может быть установлено доминирующее положение

---

¹³⁵ Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 06.08.2021). С. 45.

¹³⁶ Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» //URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/konceptiya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/ (дата обращения: 06.08.2021).

¹³⁷ См.: URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415213/scd_10112017_12 (дата обращения 16.07.2022).

владельца экосистемы через контроль над разными взаимосвязанными сервисами или приложениями.

Таким образом, цифровая экосистема охватывает всех субъектов исследуемых отношений (заказчика и исполнителя по основному договору оказания услуг и цифровых посредников), а также включает в себя элементы как организационной, так и цифровой технологической инфраструктуры.

Необходимость бесперебойного доступа к инфраструктуре для осуществления предпринимательской деятельности обуславливает формирование вспомогательных правоотношений в исследуемой сфере. Вспомогательные правоотношения возникают, как правило, на основании договоров между пользователями и цифровыми посредниками. Кроме того, к числу вспомогательных можно отнести правоотношения, связанные с обеспечением работоспособности цифровых устройств и их обслуживанием, а также техническим сопровождением исполнения договора оказания услуг (например, возникающие из так называемых «пакетных предложений», о которых было сказано в § 1 настоящей главы, на основании договоров между пользователями и продавцами цифровых устройств).

Права и обязанности сторон вспомогательных договоров

Учитывая, что цифровая платформа является ключевым элементом инфраструктуры цифровой экономики, рассмотрим прежде всего правоотношения между пользователем и оператором платформы (цифровым посредником). Предметом договора между пользователем и оператором платформы является допуск к сетевой инфраструктуре, в том числе к цифровой платформе. Договор о допуске к сетевой инфраструктуре является пользовательским соглашением. Здесь и далее термины используются как равнозначные.

Безусловно, основной обязанностью цифрового посредника является *обязанность по обеспечению доступа к платформе*, которую он несет как перед поставщиком услуг, так и перед потребителем. Деятельность оператора по

поддержанию бесперебойной работы платформы и обеспечению доступа на нее превращается в договорную обязанность по отношению к любому пользователю платформы, хотя действующие нормативные акты прямо не предусматривают эту обязанность и не раскрывают ее содержание.

Наличие данной обязанности следует, например, из легального определения договоров оказания услуг по содействию в инвестировании и оказания услуг по привлечению инвестиций, в каждом из которых оператор обязуется в соответствии с правилами инвестиционной платформы предоставить другой стороне доступ к инвестиционной платформе (ст. 3 Закона № 259-ФЗ). Содержание этой обязанности и условия её исполнения устанавливаются самими операторами в правилах об использовании онлайн-платформ.

Легальное закрепление в нормах российского законодательства получила *обязанность по предоставлению пользователям информации*. См., например, п. 1.2 ст. 9 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», ст. 15 Закона № 259-ФЗ.

С одной стороны, содержание информационной обязанности посредника частично перекрывается аналогичной обязанностью продавца (исполнителя), который является стороной основного договора. Обязательство по предоставлению полной и достоверной информации об услуге является частью обязательства продавца (исполнителя), а поскольку владелец агрегатора не является стороной основного обязательства, у него не может возникнуть информационная обязанность. С другой стороны, например, норма абз. 3 п. 2.1 ст. 12 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» освобождает агрегатора от ответственности за предоставление недостоверной или неполной информации о товаре (услуге), в случае если владелец агрегатора не изменяет информацию, предоставленную продавцом, то есть занимает пассивное нейтральное положение по отношению к передаваемой третьими лицами информации. Соответственно, действующее нормативное регулирование направлено на обеспечение баланса интересов операторов платформ и

потребителей.

В немецкой доктрине предлагается возложить на агрегатора обязанность по умолчанию осуществлять проверку заявленной продавцом информации¹³⁸, однако подобная реформа может стать существенным барьером для предпринимательской деятельности операторов платформ.

В ст. 13 Модельных правил ЕС обозначена обязанность оператора цифровой платформы *информировать пользователя о том, что пользователь будет заключать договор с поставщиком, а не с оператором цифровой платформы*¹³⁹. Указанное отражает тезис о том, что оператор платформы является посредником лишь экономически, а юридически в основном договоре не участвует. В случае ненадлежащего информирования оператор отвечает перед заказчиком солидарно с исполнителем по основному договору, что закреплено в ст. 11 и 18 проекта Директивы Европейского союза «Об онлайн платформах-посредниках» (Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms). В нормах российского права такая обязанность отсутствует, однако косвенно может быть выведена из правил о возложении ответственности на агрегатора такси (см. пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26).

Логическим продолжением выделения оператора платформы из относительных правоотношений между пользователями является ст. 13 указанного проекта Директивы, которая устанавливает обязанность оператора платформы проинформировать поставщика услуг (исполнителя) о том, что поставщик будет оказывать услуги или предоставлять цифровой контент по договорам, заключаемым с клиентами (пользователями, заказчиками), а не с оператором платформы. В литературе статья 13 проекта Директивы рассматривается в качестве перечня существенных условий пользовательского соглашения¹⁴⁰. Кроме этого данная норма обязывает также включить в текст

---

¹³⁸ Busch C. Verantwortung und Haftung von Transaktionsplattformen | Forderungen des vzbv | November 2020. P. 14 - 15 // URL: <https://www.vzbv.de/publikationen/online-plattformen-und-vergleichsplattformen-die-verantwortung-nehmen> (дата обращения: 03.08.2021).

¹³⁹URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/ELI_Model_Rules_on_Online_Platforms.pdf (дата обращения 15.04.2022).

¹⁴⁰ Комментарий к проекту Директивы Европейского Союза «Об онлайн-посреднических платформах» / Отв. ред.

соглашения условие о плате, причитающейся оператору платформы, о платежном механизме в рамках основного договора между заказчиком и исполнителем, о способах обмена сообщениями между заказчиком и исполнителем.

Согласно ст. 14 проекта Директивы оператор платформы обязан обеспечить условия для исполнения информационных обязанностей поставщика перед клиентом. В целом в европейском правовом порядке информационная обязанность понимается крайне широко. Так, согласно ст. 8 и 17 проекта Директивы оператор платформы обязан осуществлять проверку отзывов клиентов на предмет фактического исполнения договора между поставщиками и клиентами, публиковать отзывы без задержки, удалять вводящую в заблуждение информацию и т.д.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что информационная обязанность оператора цифровой платформы возникает не только по отношению к потребителям (заказчикам услуг), но и по отношению к предпринимателям (поставщикам услуг). Указанные положения необходимо включить в российское законодательство.

Отдельно в литературе выделяется обязанность операторов платформ *по защите интересов пользователей*, которая предполагает осуществление контроля полноты и достоверности размещаемой на платформе информации¹⁴¹. С данным подходом трудно согласиться, так как даже расширительное толкование действующих нормативных правовых актов не позволяет выделить такую обязанность в отношениях между пользователем и платформой. Кроме того, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей выступает основанием ответственности оператора, в связи с чем обязанности должны быть сформулированы подробно и однозначно.

В ст. 16 Модельных правил ЕС обозначена обязанность оператора по обеспечению возможности включения в основной договор эксклюзивных условий. Иными словами, если стандартных условий основного договора недостаточно,

---

В.А. Белов. М., М-Логос, 2022. С. 34.

¹⁴¹ Краснова С.А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 67 - 82; № 2. С. 76 - 86.

оператор платформы должен предоставить средство, позволяющее их дополнить. Представляется, что данная обязанность противоречит бизнес-модели цифровых платформ, предполагающей стандартизацию и автоматизацию процессов заключения и исполнения договоров. Пользовательские соглашения, как правило, заключаются по модели договора присоединения. А.Н. Варламова отмечает, что «договор присоединения является одним из излюбленных механизмов, используемых субъектами, занимающими доминирующее положение на рынке»¹⁴². Характеризуя эту модель, В.А. Белов указывает, что условия договора вырабатываются только одной из его сторон, а другая сторона лишена возможности участвовать в их определении, и что такое договор больше похож на одностороннюю сделку¹⁴³.

А.И. Савельев последовательно выделяет индивидуализированные, стандартизированные и автоматизированные договоры. Автоматизация процессов заключения договоров, а в ряде случаев и определения их содержания означает, что договоры будут не просто деперсонализированными, а они станут порождением функционирования программного кода¹⁴⁴. Здесь важно отметить, что технические аспекты формирования условий договора и процесса его заключения не отменяют классической правовой конструкции, предполагающей наличие воли и волеизъявления субъекта для заключения договора. Автоматизация заключения договора характеризует лишь форму волеизъявления. Например, Л.Ю. Василевская даже вводит термины «цифрового волеизъявления»¹⁴⁵.

В целом в содержание правоотношений между операторами платформ и пользователями по вспомогательным договорам входит информационная обязанность оператора и обязанность по обеспечению доступа к платформе, а также корреспондирующие им права пользователей. Иные обязанности оператора,

---

¹⁴² Варламова А.Н. Защита экономически слабого субъекта как принцип конкурентного права // Конкурентное право. 2021. № 1. С. 12 - 16.

¹⁴³ Белов В.А. Состав и система случаев-оснований возникновения права одностороннего отказа от договоров (обязательств) и их исполнения и одностороннего изменения их условий // Закон. 2019. № 8. С. 44 - 62.

¹⁴⁴ Савельев А.И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. С. 481 - 543.

¹⁴⁵ Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5(508). С. 3 - 14.

а также права оператора и корреспондирующие им обязанности пользователя законом не урегулированы и могут быть сформулированы в пользовательском соглашении.

С учетом специфики бизнес-модели деятельности операторов цифровых платформ заслуживает внимания обязанность пользователя по оплате услуг оператора. Многие услуги платформ предоставляются де-юре бесплатно и сами по себе не приносят дохода¹⁴⁶, однако де-факто встречным предоставлением вместо денежного платежа выступает разрешение пользователя на сбор и обработку его персональных данных¹⁴⁷. Например, потребители используют Facebook или Google бесплатно, а операторы указанных платформ монетизируют данные о пользователях¹⁴⁸. Действует «сетевой эффект» – ценность агрегаторов услуг возрастает с количеством пользователей. Соответственно, экономически услуги доступа к информационной системе являются возмездными, тогда как юридически данный признак не является очевидным и будет исследован в 3 главе диссертации.

В отличие от описанных прав и обязанностей сторон пользовательского соглашения, предмет которого зачастую не меняется в зависимости от конкретной платформы, права и обязанности сторон договоров, регулирующих обеспечение работоспособности цифровых устройств и их обслуживание, а также техническое сопровождение исполнения договора оказания услуг, не могут быть обобщены.

К вспомогательным договорам, регулирующим обеспечение работоспособности цифровых устройств и их обслуживание, можно отнести следующие случаи. Например, договор купли-продажи гаджета Apple сопровождается предустановкой на него операционной системы iOS, то есть влечет заключение соглашения между пользователем и правообладателем операционной системы. Другой пример: установка браузера Internet Explorer при

---

¹⁴⁶ Bergqvist Ch., Faustinelli E. Leveraging Conducts in the Digital Economy: A Competition and Regulatory Perspective. 2022 // URL: <https://ssrn.com/abstract=4148872> (дата обращения: 30.07.2022).

¹⁴⁷ Grae I. Market Definition and Market Power in Data: The Case of Online Platforms // World Competition. 2015. № 4. P. 473 - 506.

¹⁴⁸ Calo R., Rosenblat A. The Taking Economy: Uber, Information, and Power // University of Washington School of Law Research Paper. 2017. № 8. P. 1623 - 1690.

установке операционной системы Windows, что также влечет заключение самостоятельного соглашения. По правовой природе такие соглашения являются лицензионными, что выводит их за пределы исследования о правовом регулировании торговли услугами, поэтому права и обязанности их сторон подробно в диссертации не рассматриваются.

Также к вспомогательным договорам могут быть отнесены договоры об осуществлении расчетов, о предоставлении дополнительного гарантийного обслуживания и другие, прямо или косвенно связанные с обеспечением работоспособности цифровых устройств и их обслуживанием, а также техническим сопровождением исполнения договора оказания услуг. Права и обязанности сторон таких договоров различаются в зависимости от специфики используемых технологий и функций цифровых сервисов.

Для целей исследования важно констатировать, что вспомогательные правоотношения не ограничиваются пользовательскими соглашениями с операторами цифровых платформ, и охватывают также иные договоры, предмет которых является обеспечение работоспособности цифровых устройств и их обслуживание, а также техническое сопровождение исполнения договора оказания услуг.

Связанность правоотношений в цифровой среде

С одной стороны, услуги по предоставлению доступа к цифровой инфраструктуре и прочие вспомогательные услуги (например, расчетные) обособлены от основного правоотношения, как, например, обособлены отношения из договоров международной купли-продажи и перевозки товаров. Вспомогательные договоры не следуют судьбе основного договора в вопросах применимого права: может сложиться ситуация, когда основное правоотношение и вспомогательное регулируются нормами разных правопорядков. С другой стороны, основное и вспомогательное правоотношения объединены общей целью в рамках одной цифровой экосистемы.

Е.А. Абросимова отмечает, что агрегаторы, являясь организаторами

торгового оборота, предоставляют услуги, *направленные на вступление в договорные правоотношения участниками рынка*¹⁴⁹. Агрегаторы обеспечивают включение субъектов в цифровую экосистему. Можно ли охарактеризовать пользовательское соглашение как организационный договор?

В теоретической литературе организационные договоры противопоставляются имущественным договорам. Так, Б.И. Пугинский указывает, что цель организационных договоров – создание возможностей и предпосылок для более успешного осуществления взаимосвязанной деятельности лиц, повышение координированности и согласованности совершаемых в дальнейшем имущественных операций¹⁵⁰. Е.А. Суханов к организационным договорам относит те, которые направлены на организацию товарообмена, то есть на установление взаимосвязей участников будущего товарообмена¹⁵¹. Б.М. Гонгало считает, что организационный договор направлен на то, чтобы обеспечить возникновение в будущем имущественных отношений, упорядочить эти имущественные отношения¹⁵².

На практике цифровая платформа становится «единым окном» для сторон основного договора, обеспечивая идентификацию, поиск контрагентов, коммуникации, расчеты и т.д. Указанные отношения лишь предваряют потенциальные сделки между заказчиками и исполнителями по основному договору. Иными словами, для субъекта предпринимательской деятельности цель заключения пользовательского соглашения состоит в поиске клиентов (заказчиков) для последующего вступления с ними в договорные отношения по оказанию услуг. Для потребителя цель заключения пользовательского соглашения состоит в поиске исполнителя для последующего вступления с ними в договорные отношения по оказанию услуг. Рассмотрение перечисленных договоров в соотношении организационных и имущественных (в рамках основных и

---

¹⁴⁹ Абросимова Е.А. Организаторы торгового оборота: правовой статус и функциональное назначение: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 63.

¹⁵⁰ Коммерческое право: учебник для академического бакалавриата / Б.И. Пугинский. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 206.

¹⁵¹ Гражданское право: Учебник: В 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. Т. 3. М.: ВолтерсКлувер, 2008. С. 315.

¹⁵² Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2.

вспомогательных правоотношений) позволяет установить между ними связь.

О.С. Иоффе подчеркивал, что организованность есть неотъемлемое свойство всех общественных отношений, и нельзя её отсекать от отношений имущественных¹⁵³.

Согласно ст. 14 вышеупомянутого проекта Директивы ЕС, оператор платформы должен предоставить поставщику средства, необходимые для исполнения информационных обязанностей поставщика перед клиентом. Ст. 18 проекта Директивы предусматривает случаи солидарной ответственности оператора платформы по обязательствам поставщика услуг. Указанное подчеркивает вспомогательный характер пользовательских соглашению относительно основных договоров.

В российском праве, как было указано выше, оператор платформы на основании пользовательского соглашения несет перед потребителем обязанность предоставления информации о поставщике услуг и о самой услуге (что следует из толкования ст. 9 и 10 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»). Случаи солидарной ответственности описаны в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26. Указанное является исключением из принципа относительности обязательственной связи, существующего в частном праве в виде общего запрета вовлечения в относительные правоотношения третьих лиц, и опосредуется понятием связанных договоров.

Следовательно, пользовательские соглашения, как и договоры на осуществление расчетов, являются организационными договорами, которые имеют тесную взаимосвязь с имущественными договорами – договорами, которые заключают пользователи платформы между собой.

Технологически основной и вспомогательной договоры существуют в рамках единой цифровой экосистемы, определения которой приведены выше. Цифровая экосистема в любом случае отражает внутриорганизационные отношения и включает в себя хозяйственные связи между всеми субъектами

---

¹⁵³ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2003. С. 264.

правоотношений, в том числе возникающие на основании основных и вспомогательных договоров в цифровой среде.

Юридически основной и вспомогательной договоры существуют в рамках доктрины связанных договоров (linked contracts) в связи с наличием общей цели и, в ряде случаев, в связи с участием в разных договорах одних и тех же субъектов.

Пользовательское соглашение самостоятельной экономической ценности для пользователя не имеет. При этом очевидно, что основной договор между заказчиком и исполнителем не был бы заключен без пользовательского соглашения. Аналогично и операционная система либо отдельное приложение не имеют для пользователя ценности в отсутствие гаджета, приводящего интерфейс приложения в объективированную форму и позволяющего его использовать, извлекать полезные свойства.

Таким образом, права и обязанности субъектов основных и вспомогательных правоотношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике возникают на основании самостоятельных договоров, которые фактически носят характер взаимосвязанных, потому что не имеют самостоятельной экономической ценности вне цифровой экосистемы.

В заключение отметим, что в цифровой экономике процесс оказания ряда услуг становится автоматизированным, а результат оказания услуг существует в объективированной форме и может сохраняться посредством записи программного кода и применения иных цифровых технологий. Указанное позволяет провести различие между «традиционными» услугами (например, образовательные, юридические, бухгалтерские услуги) и «цифровыми» услугами (услуги допуска к сетевой инфраструктуре, доступа к цифровому контенту, облачные сервисы и другие новые услуги, появившиеся в цифровой экономике). Заключение и исполнение договора, предметом которого являются «традиционные» услуги, с помощью электронных либо иных технических средств не преобразует эти услуги в цифровые. Критерием отличия «цифровых» услуг от

«традиционных» услуг является цифровое содержание, то есть необходимость применения цифровых технологий для их оказания вне зависимости от формы заключения и исполнения договора. Правовое значение выделения категории «цифровых» услуг заключается в возможности определения специального предмета договора между пользователями и оператором цифровой платформы, а в ряде случаев – предмета договора, который заключают пользователи платформы между собой. Кроме того, данная категория позволяет выявить наличие иностранного элемента в цифровых правоотношениях.

Высокотехнологичный характер цифровых услуг приводит к тому, что инфраструктура внешней торговли услугами не укладывается в традиционное определение инфраструктуры как системы субъектов, обеспечивающих свободное движение товаров и услуг на рынке, сложившееся в рамках наук предпринимательского и коммерческого права. Основным элементом инфраструктуры внешней торговли услугами являются цифровые платформы и иные технологии.

Необходимость бесперебойного доступа к инфраструктуре для осуществления предпринимательской деятельности обуславливает формирование вспомогательных правоотношений в исследуемой сфере наряду с основным правоотношением по оказанию услуг. Вспомогательные правоотношения возникают, как правило, на основании договоров между пользователями и цифровыми посредниками. Кроме того, к числу вспомогательных можно отнести правоотношения, связанные с обеспечением работоспособности цифровых устройств и их обслуживанием, а также техническим сопровождением исполнения договора оказания услуг.

Таким образом, правоотношения, складывающиеся при использовании цифровых платформ, можно разделить на две группы в зависимости от сторон договора и содержания обязательств: (1) правоотношения между заказчиком и исполнителем, возникающие на основании договоров оказания цифровых услуг – основных договоров, (2) вспомогательные правоотношения, возникающие на

основании договоров между оператором цифровой платформы и каждым её пользователем – организационных договоров, необходимость заключения которых обусловлена применением цифровых технологий для исполнения основных договоров. Установлено, что по общему правилу операторы платформ как цифровые посредники не являются участниками основных договоров, заключаемых посредством платформы между заказчиками и исполнителями услуг, и действуют на основании договоров о предоставлении допуска к инфраструктуре, заключаемых с каждой из сторон основного договора (с пользователями платформы). Права и обязанности субъектов основного обязательства и цифровых посредников в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике возникают на основании самостоятельных договоров, которые фактически носят характер взаимосвязанных, потому что не имеют самостоятельной экономической ценности вне цифровой экосистемы.

Глава 2. Особенности правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами

§ 1. Основные принципы правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами

Общественные отношения являются не только объектом регуляторного воздействия права, но и его источником в материальном смысле. Предпринимательские отношения как особая форма социального взаимодействия объективно возникают раньше норм права, а затем влияют на формирование государственной воли. Новизна цифровых экономических отношений в сфере внешней торговли услугами влечет изменение действующего правового регулирования, в том числе и актуализирует пересмотр основных принципов права.

Выявление материальных источников права, объективных экономических закономерностей в жизни общества позволяет воплотить в правовых нормах генетическое требование принципа социальной справедливости, согласно которому юридическая норма должна быть адекватным «идеально-нормативным» отражением лежащего в её основе фактического экономического отношения и верно выражать в правовой форме коренные экономические интересы участников общественных отношений¹⁵⁴.

С учетом приведенных тезисов особенности правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами в контексте его основных принципов целесообразно рассмотреть на основе выводов, сделанных по результатам анализа внешней торговли услугами как объекта правоотношений.

Нормативное регулирование формируется с учетом социально-экономического цифрового базиса.

В.А. Вайпан отмечает, что развитие цифровой экономики неизбежно затронет

---

¹⁵⁴ Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: дис.... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 578.

правовые принципы, потребует переосмысления доктринальных подходов к традиционным правовым моделям регулирования различных видов экономической деятельности¹⁵⁵.

В теоретической литературе принципы права определяются как основные, исходные начала, положения и идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора¹⁵⁶. При этом проводится различие между принципами права и правовыми принципами. Так, принципы права представляют собой руководящие положения собственно права как самостоятельного явления жизни общества и являются отражением потребностей общественного развития, а правовые принципы объединяют экономические, политические, социальные, нравственные и другие начала, закрепленные правом¹⁵⁷. Любопытно, что С.А. Карелина относит принципы права к одному из видов правовых принципов¹⁵⁸. Безусловно, правовые принципы и принципы права являются взаимосвязанными категориями: в настоящем параграфе речь идет и о принципах права (специально-юридических принципах, которые определяют сущность всей системы права), и о правовых принципах (экономических, социальных, и других началах, закрепленных правом). При этом автор диссертации их не отождествляет.

В регулировании цифровых отношений закрепление правовых принципов имеет особую важность, потому что в связи с отсутствием детальной регламентации отношений субъекты правоприменения вынуждены обращаться к общим правовым позициям, выраженным в принципах.

По уровням регуляторного воздействия принципы традиционно подразделяются на (1) общеправовые, применяемые исходя из общих закономерностей всех правовых явлений и фундаментальных положений Конституции РФ, и (2) специальные – межотраслевые, отраслевые, а также

---

¹⁵⁵ Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: дис.... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 217; Современные информационные технологии и право: монография / А.С. Ворожечин, Е.В. Зайченко, Е.Е. Кирсанова и др.; отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С.20.

¹⁵⁶ Теория государства и права: Учебник / А.В. Малько, Н.И. Матузов. М.: Юрист, 2004. С. 82.

¹⁵⁷ Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М., 2017. С. 51 - 52; Предпринимательское право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М., 2017. С. 49, 50.

¹⁵⁸ Карелина С.А. Особенности реализации конституционных принципов в процессе несостоятельности (банкротства) // Право и бизнес. 2019. № 1. С. 7 - 14.

принципы отдельных институтов права. При этом структурирование параграфа по уровням регуляторного воздействия будет некорректным в силу того, что цифровые технологии имеют сквозной характер и цифровизация в целом способствует стиранию границ между отраслями права. Автор рассматривает сначала традиционные принципы всех перечисленных уровней применительно к вновь формирующимся цифровым предпринимательским отношениям, а далее выделяет специальные новые правовые принципы, которые формируются в процессе цифровизации предпринимательской деятельности и оказывают влияние на сферу внешней торговли услугами.

1. Традиционные принципы права и правовые принципы

Общеправовые принципы

Среди общеправовых принципов выделяются принципы законности, справедливости, юридического равенства, разумности, добросовестности, защиты слабой стороны и т.д. В современной науке выделяется также всеобщий принцип экономической солидарности, реализованный в ст. 75.1 Конституции РФ и предполагающий реализацию принципов справедливости, добросовестности, разумности в реальной экономической жизни и в праве¹⁵⁹.

Все общие правовые принципы применимы в исследуемой сфере. Автоматизация исполнения обязательств и цифровизация договорного права не должны создавать препятствий для реализации основополагающих принципов добросовестности и справедливости¹⁶⁰.

Например, **принцип добросовестности** сохраняет свою значимость в цифровой экономике. В § 3 главы 1 настоящего диссертационного исследования подчеркивалось отсутствие системного закрепления прав и обязанностей сторон договора о предоставлении допуска к цифровой инфраструктуре, а также отсутствие конкретизации информационной обязанности оператора как в

---

¹⁵⁹ Губин Е.П. Экономическая деятельность, экономические права и их защита в контексте соотношения права и экономики // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 3 - 10.

¹⁶⁰ Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. № 7. С. 108 - 118.

российском правовом пространстве, так и в зарубежных правопорядках. В такой ситуации стороны договоров и судебные органы руководствуются общим принципом добросовестности, формируя правила распределения ответственности оператора платформы и исполнителя услуг перед потребителями.

На первый взгляд, проблему недобросовестного поведения участников оборота призван решить механизм смарт-контракта, который обеспечивает автоматическое исполнение договорных обязательств и исключает возможное недобросовестное поведение¹⁶¹. Однако этот механизм может не охватывать преддоговорные отношения и отношения, складывающиеся по окончании исполнения основного обязательства (например, соблюдение условия о конфиденциальности на протяжении определенного периода времени). На указанных стадиях стороны и судебные органы также руководствуются общим принципом добросовестности.

На принципе **защиты слабой стороны** (потребителя) основана судебная практика о привлечении оператора платформы к солидарной ответственности по обязательствам поставщика услуг (см. пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26).

Значимость общих правовых принципов в цифровой экономике подтверждается также на примере **принципа равенства**. Алгоритм работы цифровой платформы поддерживает субъект права (оператор), который может своими действиями ограничить допуск исполнителей или потребителей на платформу. До настоящего времени договор допуска к цифровой инфраструктуре публичным договором не признан, то есть оператор может немотивированно отказаться от его заключения с определенными пользователями. Это свидетельствует о необходимости полноценной реализации принципа равенства в деятельности хозяйствующих субъектов при использовании цифровых платформ.

Принцип **законности** в глобальной цифровой экономике проявляется в вопросе соотношения норм международного и национального права. Так, ст. 38

---

¹⁶¹ Ryan P. Smart Contract Relations in e-Commerce: Legal Implications of Exchanges Conducted on the Blockchain // Technology Innovation Management Review. 2017. Vol. 7. Iss. 10. P. 10 - 17.

Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) предусмотрено формирование единого рынка услуг на территории союза. Государства-члены признают квалификацию поставщиков услуг и юридическую силу разрешений (лицензий), полученных субъектами на территории своих государств.

При этом принцип законности в цифровой экономике трансформируется. Ю.С. Харитонова отмечает, что формально верховенство закона требует признания наивысшей юридической силы за актами органа государственной власти, однако в условиях развития технологий и проникновения их в общественные отношения заметно выделение таких способов формирования правил поведения участников цифровых отношений, при которых нормативным характером наделяются и частные структуры¹⁶².

В регулировании трансграничных экономических отношений принципом законности обеспечивается применение таких институтов международного частного права, которые составляют исключение из коллизионной нормы (применимого права). Например, в российском праве такими институтами могут считаться нормы непосредственного применения (ст. 1192 ГК РФ), оговорка о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ), реторсии (ст. 1194 ГК РФ) и др.

Таким образом, совершенствование механизма исполнения договорных обязательств в направлении автоматизации и переход сферы оказания услуг в глобальный масштаб и виртуальный формат не умаляет значение общеправовых принципов в регулировании предпринимательской деятельности. Фундаментальные общеправовые принципы способствуют решению распространенных проблем правоприменения в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике.

Отраслевые принципы

В отрасли предпринимательского права выделяются принципы свободы экономической (предпринимательской) деятельности, свободы договора,

---

¹⁶² Харитонова Ю.С., Сунь Ци. Цифровизация общественных отношений и верховенство закона: опыт переосмысления в России и Китае // Гражданское право. 2022. № 2. С. 3 - 8.

автономии воли, единого экономического пространства, неприкосновенности и юридического равенства всех форм собственности, государственного регулирования предпринимательской деятельности и недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, свободы конкуренции и ограничения монополистической деятельности и др.¹⁶³ Ряд перечисленных принципов являются межотраслевыми (например, принципы свободы договора, неприкосновенности и юридического равенства всех форм собственности), однако для целей исследования отраслевое деление не имеет определяющего значения с учетом комплексного интегрированного характера отрасли предпринимательского права и с учетом сквозного характера цифровых технологий.

Приведем примеры, подтверждающие актуальность принципов предпринимательского права для исследуемой сферы.

Во-первых, правовой режим внешнеторговой деятельности, включая оказание услуг, основан на **принципе свободы экономической деятельности**. Смена парадигмы от государственной монополии к свободе внешней торговли была связана с изменением общественно-политического и экономического строя, а также распространением методов косвенного воздействия и проникновением частноправовых начал в регулирование экономической деятельности¹⁶⁴.

Статьей 66 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) предусмотрена либерализация внешней торговли услугами, одним из аспектов которой является гармонизация законодательства государств-членов. Принципы либерализации перечислены в статье 67 Договора: оптимизация внутреннего регулирования, пропорциональность (гармонизация) законодательства государств-членов, взаимовыгодность, последовательность и экономическая целесообразность. Способы торговли услугами, аналогичные способам, указанным в ГАТС, перечислены в п. 6 Приложения № 16 к Договору о ЕАЭС.

---

¹⁶³ Белых В.С. К вопросу о принципах предпринимательского права // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. С. 22-38; Российское предпринимательское право: Учебник / Отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. М., 2012. С. 28 - 32.

¹⁶⁴ Губин Е.П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 68, 383 - 385.

Перечень секторов, в которых функционирует единый рынок, утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 110. В действующей редакции он включает более 100 секторов¹⁶⁵.

В литературе отмечается, что в качестве самостоятельного действует принцип национального режима¹⁶⁶. По мнению автора, данный принцип охватывается принципом свободы экономической деятельности, который и так предполагает отсутствие барьеров для ведения предпринимательской деятельности.

Во-вторых, **принцип свободы договора** является краеугольным камнем в оформлении новых общественных отношений, сложных по своей структуре и субъектному составу. Разные правовые конструкции оформления экономических отношений посреднической деятельности оператора цифровой платформы, приведенные в § 2 главы 1 исследования, возможны благодаря принципу свободы договора. В законодательстве нет императивных норм относительно правового статуса оператора цифровой платформы, который может юридически быть представителем одной или обеих сторон основного договора, либо вообще не являться его участником.

Кроме того, из принципов свободы договора и **автономии воли** следует право сторон самостоятельно выбрать применимое право. С учетом глобального, трансграничного характера исследуемых отношений вопрос о применимом праве возникает неизбежно. В этой связи М.В. Мажорина указывает на два пути развития коллизионной практики: выбор права конкретного государства или развитие негосударственных норм и выбор неофициальных кодификаций в качестве применимого права¹⁶⁷.

На указанных принципах основана и возможность одностороннего изменения условий пользовательских соглашений и иных договоров в цифровой

---

¹⁶⁵ В Договоре о ЕАЭС, в ГАТС и иных актах международного права, переведенных на русский язык, используется термин «сектора услуг», тогда как более привычными российскому праву являются термины «сфера услуг» или «вид услуг». В настоящей диссертации согласно официальным переводам актов международного права употребляется термин «сектора услуг».

¹⁶⁶ Базедов Ю. Право открытых обществ – частное и государственное регулирование международных отношений: Общий курс международного частного права / пер. с англ. Ю.М. Юмашева. М.: Норма, 2016. С. 143.

¹⁶⁷ Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex Russica*. 2019. № 7. С. 102 - 103.

среде, которое допускается *при наличии согласия* пользователя. Как правило, условия соглашений о возможности их изменения в одностороннем порядке включают в себя форму и срок уведомления о внесении изменений¹⁶⁸. Пользователь, заходя на сайт, выражает свою волю на изменение условий использования цифровых сервисов в одностороннем порядке по инициативе оператора платформы. Аналогично пользователи платформы выражают свою волю на определение условий сделки в автоматическом режиме (например, на применение алгоритмов ценообразования) и на ее последующее исполнение в автоматическом режиме.

В литературе отмечается, что принципы автономии воли и свободы договора составляют нормативную правовую основу саморегулирования¹⁶⁹. С данным утверждением можно согласиться. В цифровой экономике саморегулирование опосредуется, например, через цифровые платформы как основной элемент цифровых экосистем, о чем подробнее сказано в § 3 настоящей главы, тогда как правила пользования платформой пользователь принимает, действуя своей волей в своем интересе.

Вместе с тем, связанный характер правоотношений, складывающихся при использовании цифровых платформ, приводит к смягчению принципов автономии воли и относительности договорных отношений. Например, воля оператора цифровой платформы, который юридически не участвует в заключении основного договора между пользователями, не направлена на наличие солидарной ответственности с кем-либо из сторон основного договора. Однако, как уже было упомянуто, законодательство и судебная практика допускают такие случаи. Во избежание «размывания» указанных принципов необходима формализация правовых последствий связанности договоров, о чем подробнее сказано в 3 главе исследования.

В-третьих, принцип свободы конкуренции и ограничения

---

¹⁶⁸ Michels J., Millard Ch., Turtot F. Contracts for Clouds, Revisited: An Analysis of the Standard Contracts for 40 Cloud Computing Services // Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2020. №. 334. 80 p.

¹⁶⁹ Мучак Р.И. Саморегулирование делового оборота участниками международных контрактов: Автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М., 2013. С. 10.

монополистической деятельности воплощается в сфере внешней торговли услугами в попытках урегулировать ранжирование результатов поиска в поисковых системах. Так, в практике Европейской комиссии известно дело о наложении штрафа на Google, который, занимая доминирующее положение на рынке поисковых систем, в перечне результатов поиска сначала размещал сервисы аффилированных компаний, занижая предложения услуг конкурентов¹⁷⁰. Amazon также оказывал предпочтение своим продуктам по сравнению с продуктами конкурентов¹⁷¹. В ФАС России и арбитражных судах различных инстанций рассматривается несколько споров по вопросам злоупотребления компанией Apple своим доминирующим положением на рынке распространения приложений для мобильных устройств, функционирующих под управлением операционной системы iOS¹⁷²

Приведенные примеры показывают, что межотраслевые и отраслевые правовые принципы определяют основные положения регулирования внешней торговли услугами в цифровой экономике. При этом ряд принципов подвергаются трансформации и расширительному толкованию.

В регулировании *внешнеэкономических* отношений правовые принципы являются основой категории публичного порядка. Согласно п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 под публичным порядком понимаются *фундаментальные правовые начала (принципы)*, которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства РФ (ст. 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются

---

¹⁷⁰ Clarkson K.W., Miller R.L. Business Law: Text and Cases. The USA: Cengage Learning. 2021. P. 886.

¹⁷¹ Khan L. Amazon's Antitrust Paradox // Yale Law Journal. 2017. № 126.

¹⁷² Решение ФАС России от 29.07.2022 по делу № 11/01/10-30/2021 // СПС «Консультант-Плюс»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2022 № 09АП-50687/2022 по делу № А40-228362/2020 // СПС «Консультант-Плюс».

конституционные права и свободы частных лиц¹⁷³.

Практическое значение категории публичного порядка состоит в том, что суд по правилам ст. 1193 ГК РФ может отказать в применении нормы иностранного права, когда последствия ее применения явно противоречат основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом.

А.В. Асосков считает, что к публичному порядку могут относиться только такие фундаментальные (основополагающие) принципы, которые являются универсальными для всей российской правовой системы и выступают базовыми для экономического, политического или социального устройства¹⁷⁴. Автор диссертации согласен с данной позицией.

Исследованные выше общеправовые и отраслевые правовые принципы следует относить к фундаментальным принципам, которые формируют категорию публичного порядка в регулировании внешней торговли услугами, обеспечивая защиту прав и интересов российских заказчиков и исполнителей услуг.

2. Новые правовые принципы

Несмотря на то, что правовое регулирование деятельности в сфере внешней торговли услугами основано на базовых принципах гражданского и предпринимательского права, в цифровой экономике наблюдается формирование новых правовых принципов как основных потребностей правового регулирования с учетом технологических особенностей цифровых экономических отношений и их трансграничного характера.

В.А. Вайпан отмечает необходимость внесения системных поправок в базовые законодательные акты с целью снятия ограничений для развития цифровой экономики и создания комплексной системы ее правового

---

¹⁷³ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5. Май.

¹⁷⁴ Асосков А.В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации // Закон. 2018. № 9. С. 134 - 142.

регулирования на основе специфических «цифровых» принципов...¹⁷⁵

В научной литературе нет единства мнений по вопросам выделения институтов, относительно которых предлагаются специальные принципы права в цифровой экономике. Так, М.А. Егорова и В.Д. Зорькин в своих исследованиях выделяют принципы правового регулирования цифровых экосистем¹⁷⁶, А.В. Минбалеев – принципы цифрового права как комплексного межотраслевого института, А.А. Карцхия – принципы правового регулирования цифрового гражданского оборота¹⁷⁷.

В доктрине отмечается, что правовые принципы присущи как праву в целом (правовой системе), так и отдельным правовым отраслям, а также подотраслям и даже институтам¹⁷⁸.

Трансграничное оказание услуг в цифровой экономике с точки зрения системного подхода может быть признано новой комплексной межотраслевой сферой общественных отношений, так как представляет собой качественно однородные отношения на стыке гражданского, предпринимательского и международного частного права. В целях регулирования данной сферы предлагается выделить правовой институт трансграничного оказания услуг в качестве совокупности норм права, регулирующих внешнюю торговлю услугами с использованием цифровых технологий.

К отношениям в сфере внешней торговли услугами применимы все группы принципов, выделяемые вышеуказанными авторами. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Принцип технологической нейтральности сформулирован в статье 7

---

¹⁷⁵ Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: дис.... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 217.

¹⁷⁶ Егорова М.А. Основные подходы к формированию моделей нормативного регулирования отношений в сфере цифровых технологий // Актуальные проблемы современного права и экономики Европы и Азии: кол. монография: в 2 т. / отв. ред. М.А. Егорова, И.В. Халевинский. М.: Юстицинформ, 2018. Т. 1. С. 133 - 134; Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-ashchishchat> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁷⁷ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис.... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 338 - 341.

¹⁷⁸ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 74; Свердлов Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск, 1985. С. 17.

Типового закона ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле»¹⁷⁹ и в статье 3 Типового закона ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях»¹⁸⁰ как равный правовой режим для всех технологий создания электронных подписей. Данный принцип означает, что правовое признание электронных подписей осуществляется независимо от используемой технологии (криптография, биометрия, дактилоскопия и другие способы шифрования и их комбинации). Технологическая нейтральность направлена на обеспечение равных условий для пользователей на различных технологических платформах¹⁸¹.

С учетом особенностей объекта правоотношения в исследуемой сфере (наличие иностранного элемента и применение цифровых технологий при заключении и/или исполнении сделки) данный правовой принцип имеет основополагающее значение для осуществления предпринимательской деятельности. Действия субъектов в цифровой среде должны иметь равное юридическое значение вне зависимости от применимых технологий идентификации и аутентификации.

В нормах российского законодательства принцип технологической нейтральности отражен в п. 2 ст. 434 и абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, которые в совокупности допускают применение при заключении сделок любых электронных либо иных технических средств и способов, позволяющих, достоверно определить выразившее волю лицо.

Аналогичные нормы присутствуют и в иностранных правопорядках. Например, Закон об электронных подписях США (Electronic Signatures in Global and National Commerce Act) содержит запрет приоритета определенных технологий, то есть запрет установления альтернативных требований к использованию электронных подписей¹⁸².

В целом за рубежом технологическая нейтральность понимается шире, чем

¹⁷⁹ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/commerce.shtml (дата обращения: 30.01.2023).

¹⁸⁰ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях // URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf> (дата обращения: 30.01.2023).

¹⁸¹ Weber R.H., Burri M. Classification of Services in the Digital Economy. Springer Heidelberg New York Dordrecht London. 2012. P. 96.

¹⁸² Clarkson K.W., Miller R.L. Business Law: Text and Cases. The USA: Cengage Learning. 2021. P. 246.

только применение единых технологий идентификации и аутентификации. Так, указанный принцип трактуется как совместимость различных технологий, то есть возможность передачи данных в разных приложениях или системах¹⁸³. То есть перенос облачных сервисов с одной платформы на другую не должен вызывать технических сбоев в работе программ и дополнительных расходов¹⁸⁴.

В настоящее время, например, музыкальные библиотеки Google Music и iTunes, работающие на платформах Android и iOS соответственно, не синхронизируются. Представляется, что отсутствие возможностей синхронизации не соответствует принципу технологической нейтральности (в широком смысле), принципам свободы договора и автономии воли. Согласно докладу ОЭСР, ограниченность переносимости данных между платформами усугубляет проблему «запирания» (lock-in) пользователя внутри одной цифровой платформы или экосистемы¹⁸⁵. Пользователь вынужден продолжать пользоваться определенным сервисом при отсутствии возможности бесперебойного переноса данных, тогда как снижение издержек переключения между платформами способствовало бы повышению конкуренции на цифровых рынках.

Также проблема синхронизации и переносимости данных связана с **принципом стабильности и непрерывности функционирования цифровой экосистемы**. Как установлено в главе 1, цифровые платформы входят в состав цифровой экосистемы. Стабильность и непрерывность функционирования экосистемы предполагает возможность переноса данных в рамках этой экосистемы. Совместимость разных технологий и приложений лежит в основе системной интеграции цифровых платформ, а также в основе развития облачных сервисов, которые позволяют внешним разработчикам совместно использовать базовые функции платформы и создавать модули, взаимодействующие с ней¹⁸⁶.

Таким образом, правовой принцип технологической нейтральности в

---

¹⁸³ Palfrey J., Gasser U. The Promise and Perils of Highly Interconnected Systems. NY.: Basic Books, 2012. 304 p.

¹⁸⁴ Shirole S, Khanuja H. Cloud Computing – a Survey on Cloud Computing Platforms and Service Offerings. 2022. 10 p. // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4161640 (дата обращения: 30.01.2023).

¹⁸⁵ OECD Competition Committee Discussion Paper // <http://oe.cd/dpic> (дата обращения: 30.01.2023).

¹⁸⁶ Zachariadis M., Ozcan P. The API Economy and Digital Transformation in Financial Services: The Case of Open Banking // URL: <https://ssrn.com/abstract=2975199> (дата обращения: 30.01.2023).

широком смысле направлен на обеспечение цифровой совместимости разных технологий, включая как технологии идентификации и аутентификации, так и технологии передачи данных в разных приложениях.

Принцип цифрового легалитета означает признание законом цифровых прав на цифровые объекты, удостоверенных цифровыми кодами в цифровых реестрах. В сфере оказания услуг данный принцип также актуален, поскольку предметом оказания услуг могут быть данные в цифровой форме как материальное благо.

В 1 главе диссертации автор приходит к выводу о том, что в условиях цифровой экономики существует тенденция сохранения результата оказания услуг в виде программного кода, что и отличает новые цифровые услуги от традиционных видов услуг. Указанное новое свойство услуг существует во многом благодаря принципу цифрового легалитета, который позволяет зафиксировать результат оказания услуг в цифровой форме.

По мнению автора, принцип цифрового легалитета должен пониматься широко и распространяться в целом на придание юридической силы действиям субъектов, совершенным в электронной форме в цифровой среде.

Е.А. Суханов указывает, что цифровым можно объявить любое субъективное гражданское право: корпоративное, вещное, интеллектуальное¹⁸⁷. Различные подходы к правовой природе цифровых прав описаны в работе А.Е. Шерстобитова¹⁸⁸.

В российском законодательстве принцип цифрового легалитета выражается в абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, согласно которому письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии

---

¹⁸⁷ Суханов Е.А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020). М.: Статут, 2020. С. 27 - 28.

¹⁸⁸ Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование "цифровых прав" // Проблемы современного гражданского права: Сборник статей памяти В.С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2021. С. 230 - 241.

подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.

В зарубежном законодательстве принцип цифрового легалитета выражается, например, в формулировках Германского гражданского уложения. Так, абз. 3 § 126 Германского гражданского уложения в действующей редакции предусмотрено, что письменная форма может быть заменена на электронную форму, если иное не следует из закона.

На территории США действует Акт об унифицированных электронных транзакциях (Uniform Electronic Transactions Act), согласно которому электронные записи, в том числе созданные компьютерными программами, а также цифровые подписи с использованием шифрования на основе открытых ключей имеют ту же юридическую силу, что и текстовые записи¹⁸⁹.

На межгосударственном уровне действует ст. 8 Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (вступила в силу 01.03.2013, принята РФ 24.10.2013) согласно которой сообщение или договор не могут быть лишены действительности или исковой силы на том лишь основании, что они составлены в форме электронного сообщения. Действующая редакция ст. 9 Директивы № 1999/93/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 13.12.1999 «О правовых основах регулирования электронных подписей в Сообществе» предусматривает обязанность государств разрешить заключение контрактов с использованием электронных средств.

Подробнее о применении принципа цифрового легалитета в части квалификации действий пользователей как юридически значимых в сфере внешней торговли услугами сказано в § 3 главы 3 диссертации.

Принцип анонимной аутентификации предполагает анонимность участников цифрового оборота. В первой главе исследования отмечена обезличенность субъектного состава значительной части цифровых правоотношений, обусловленная использованием цифровых профилей. Вместе с тем, в сочетании с **принципом доверия** (формированием цифровой среды

---

¹⁸⁹ Clarkson K.W., Miller R.L. Business Law: Text and Cases. The USA: Cengage Learning. 2021. P. 245.

доверия) и в парадигме безопасности гражданского оборота необходимо стремиться к обеспечению технологических возможностей идентификации субъектов для придания их виртуальным действиям юридической силы и для определения их национальности с целью установления критерия иностранного элемента в трансграничных отношениях. Здесь важно отметить, что принцип добросовестности и принцип доверия к настоящему времени не являются тождественными или пересекающимися категориями, потому что доверие в цифровой среде сводится к идентификации и аутентификации пользователей и не характеризует их поведение по отношению друг к другу.

В целом все перечисленные правовые принципы, выработанные в доктрине, взаимосвязаны между собой и направлены в первую очередь на обеспечение технологической возможности осуществления предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике. Далее рассмотрим попытки систематизации специальных правовых принципов со стороны государства.

Протоколом заседания Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий от 22.09.2021 г. утверждены Принципы взаимодействия участников цифровых рынков, которые направлены на обеспечение прозрачности и открытости цифровых рынков и носят рекомендательный характер. Среди базовых принципов в Протоколе поименованы: разумная открытость цифровых платформ, нейтральное отношение ко всем сторонам рынка, обеспечение самостоятельности пользователей платформ и др.¹⁹⁰. Очевидно, что эти идеи направлены на соблюдение отраслевого принципа защиты конкуренции и ограничения монополистической деятельности, и представляют собой его конкретизацию. В целом идеи, исходящие со стороны государства, в отличие от доктринальных позиций, в большей степени посвящены конкретизации общеправовых принципов и регулированию отношений пользователей между собой и с государством, чем обеспечению технической

---

¹⁹⁰ URL: <https://fas.gov.ru/news/31434>; URL: <https://fas.gov.ru/news/31434><https://iz.ru/1208619/natalia-ilina/ekosistemnyi-analiz-fas-sostavila-piat-printcipov-raboty-tcifrovyykh-platform>; URL: <https://fas.gov.ru/news/31803> (дата обращения: 30.01.2023).

возможности свободы предпринимательской деятельности и вопросам использования инфраструктуры. Тенденция конкретизации правовых принципов в целом свойственна российскому правопорядку в разных отраслях. Так, Е.А. Абросимова приводит примеры конкретизации конституционного общеправового начала путем закрепления принципа формирования конкурентной среды в коммерческом праве¹⁹¹. При этом в работе А.Н. Варламовой прослеживается тезис об отсутствии необходимости формулирования специальных принципов при наличии общих, так как суть принципов и заключается «в обобщении и распределении какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован»¹⁹².

В Национальном стандарте РФ «Руководство по добросовестной практике продажи товаров дистанционным способом с использованием сети Интернет» (утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 07.06.2017 г. № 500-ст) содержатся принципы добросовестной практики, которые по аналогии могут быть применены и к внешней торговле услугами. Среди них принцип интуитивно понятного интерфейса, принцип правовой определенности, принцип размещения полной информации для потребителей, которые также лишь конкретизируют общеправовые принципы добросовестности, равенства и защиты слабой стороны.

Ассоциацией больших данных и АНО «Институт развития интернета» 12.12.2019 г. принят Кодекс этики использования данных, в котором раскрыты принципы профессиональной этики при сборе, хранении и обработке данных, а также при использовании результатов обработки и коммерческом использовании данных¹⁹³. Принципы направлены на обеспечение надлежащего уровня защищенности данных и формирование добросовестной практики в цифровом обороте, в связи с чем применимы как к договорам оказания цифровых услуг, так и к использованию данных операторами цифровых платформ.

---

¹⁹¹ Абросимова Е.А. Конституционные принципы и наука торгового права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 73 - 75.

¹⁹² Варламова А.Н. Принципы конкурентного права // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 14 - 17.

¹⁹³ Официальный сайт Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации URL: <https://ac.gov.ru/projects/project/kodeks-etiki-ispolzovania-dannyh-5> (дата обращения: 16.06.2020).

Таким образом, на территории РФ наблюдается формирование системы новых принципов правового регулирования экономических отношений в цифровой среде. С одной стороны, для применения указанных принципов к трансграничным договорам оказания услуг необходимо применение российского права к отношениям сторон, либо прямое закрепление принципов в нормах российского законодательства в качестве свехимперативных норм (норм непосредственного применения).

С другой стороны, формируемые в российском правовом пространстве новые правовые принципы соответствуют мировым тенденциям правового регулирования цифровых отношений, в связи с чем и так применяются ко всем трансграничным сделкам вне зависимости от выбора применимого национального права. Выше были приведены примеры закрепления принципов технологической нейтральности и цифрового легалитета в нормах зарубежных правопорядков. Кроме того, ряд принципов закреплены на уровне международных договоров. Так, фундаментальным для цифровой экономики является принцип, обозначенный Генеральной Ассамблеей ООН: те права, которые человек имеет офлайн (вне сети), должны защищаться и онлайн, т.е. в сети и в виртуальном пространстве¹⁹⁴. В теории указанное правило опосредуется принципом цифрового легалитета.

В ряде случаев международные договоры в формулировании принципов права даже опережают развитие национального законодательства. Так, на пространстве ЕАЭС действует **запрет включения в состав цифрового продукта дополнительных платных работ (услуг)**. Согласно п. 18 Рекомендаций Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.11.2017 г. № 27 «Об общих подходах к проведению государствами - членами ЕАЭС согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом» дополнительные платные работы (услуги) без согласия потребителя не осуществляются и не оказываются. Согласно п. 19 Рекомендаций реализация товаров (работ, услуг) не может быть обусловлена обязательным приобретением

---

¹⁹⁴ The right to privacy in the digital age. Resolution adopted by the General Assembly on 18 December 2013 // URL: <http://undocs.org/A/RES/68/167> (дата обращения: 30.01.2023).

иных товаров (работ, услуг) или обязательным оказанием услуг в связи с продажей товара, за исключением случаев, когда товар по техническим требованиям не может быть собран и (или) введен потребителем в эксплуатацию (установлен, подключен) без участия соответствующих специалистов. В условиях появления таких объектов оборота, как цифровой продукт и цифровой контент, с учетом сложности разграничения категорий товаров, работ и услуг в цифровой экономике, запрет включения в состав цифрового продукта дополнительных платных работ (услуг) может быть признан нормой-принципом. Особое значение данный принцип будет иметь при рассмотрении дел о злоупотреблении владельцами цифровых платформ и экосистем своим доминирующим положением.

На основе анализа и сравнения предлагаемых формулировок правовых принципов в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике **специальные правовые принципы можно систематизировать** следующим образом по сферам применения:

1) принципы, относящиеся к использованию цифровой инфраструктуры и технологической составляющей работы цифровых платформ, в том числе: принцип стабильности и непрерывности функционирования цифровой экосистемы, принцип использования цифровых платформ как основы для развития отношений в цифровой среде, принцип технологической нейтральности;

2) принципы взаимодействия заказчиков и исполнителей при оказании услуг с использованием цифровых технологий, в том числе: принцип доверия, принцип недопустимости включения в состав цифрового продукта дополнительных платных работ (услуг);

3) принципы взаимодействия государства и субъектов предпринимательской деятельности при оказании услуг с использованием цифровых технологий, в том числе: принцип расширения элементов саморегулирования, принцип цифрового легалитета (признания законом прав на цифровые объекты).

В целом основу правового регулирования отношений в сфере внешней

торговли услугами в цифровой экономике составляет действие общеправовых принципов в их особом ракурсе применительно к рассматриваемому виду общественных отношений, а также действие специальных правовых принципов, появившихся в эпоху цифровой экономики. Все рассмотренные принципы образуют единую систему, где сущность и значение каждого из них определяются не только его собственным содержанием, но и связью с другими принципами.

§ 2. Государственное регулирование предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами

Отраслевая принадлежность применимых норм

Е.П. Губин отмечает, что суть государственного регулирования экономики состоит в деятельности государства, направленной на упорядочение отношений в рыночной экономике, и что рыночная экономика объективно нуждается в государственном регулировании, которое может осуществляться различными средствами, в том числе административными, организационными, экономическими и правовыми¹⁹⁵. И.В. Ершова выделяет принцип государственного регулирования предпринимательской деятельности¹⁹⁶.

Необходимость государственного регулирования предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами сомнений не вызывает, однако актуализируется вопрос о его современных методах и о том, какие нормативные правовые акты (по отраслям права, по форме, по уровню принятия) могут оказывать надлежащее регуляторное воздействие.

Предпринимательская деятельность в сфере внешней торговли услугами регулируется большим массивом нормативных правовых актов различной отраслевой принадлежности, которые не имеют системной связи друг с другом. В цифровой экономике данная проблема усугубляется отсутствием единой регуляторной модели и отсутствием базовых нормативных правовых актов, регулирующих использование цифровых технологий.

Исследователи, относящие предпринимательское право к самостоятельным отраслям права, исходят из комплексного, интегрированного характера совокупности правовых норм, регулирующих на базе баланса частных и публичных интересов общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности¹⁹⁷. Предпринимательское право регулирует не только отношения

---

¹⁹⁵ Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы М., 2017. С. 116.

¹⁹⁶ Ершова И.В. Предпринимательское право: равнодушный взгляд // Предпринимательское право. 2012. № 2. С. 2 - 9.

¹⁹⁷ Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской

между субъектами предпринимательской деятельности, но и их взаимодействие с органами публичной власти.

Ю.С. Харитоновна пишет, что осуществление предпринимательской деятельности, её регулирование – это общее поле, в рамках которого говорят о едином предмете отрасли предпринимательского права¹⁹⁸. Как утверждает Е.П. Губин, в российском праве не существует ни одного нормативного акта, регулирующего предпринимательскую деятельность, который можно было бы отнести к актам исключительно частного или исключительно публичного права¹⁹⁹. Регулирование является комплексным.

Так, обеспечение свободной внешнеэкономической деятельности в сфере оказания услуг неизбежно связано со свободой движения товаров, свободой движения лиц, свободой движения капиталов. В силу специфики самого сектора услуг для реализации свободы предоставления услуг невозможно его изолированное правовое регулирование в рамках одной отрасли или метода. Аналогичное верно и применительно к регулированию использования цифровых технологий, потому что цифровые технологии являются сквозными. Цифровое право самостоятельной отраслью или институтом не является, так как его единый предмет либо соответствующая группа общественных отношений не могут быть выделены. Цифровой формат представления продуктов характеризует лишь техническую и технологическую области деятельности, а не сферу правового регулирования общественных отношений²⁰⁰.

При этом цифровое законодательство представляет собой область взаимодействия субъектов экономической деятельности между собой и с публичной властью, в связи с чем возникают прямые аналогии с предметом предпринимательского права²⁰¹. Регулирование отношений в исследуемой сфере не

деятельности: дис.... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 231, 240.

¹⁹⁸ Концепция частного и публичного права России / Под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. М., 2013. С. 65.

¹⁹⁹ Губин Е.П. Предмет предпринимательского права: современный взгляд // Предпринимательское право. 2014. № 2. С. 9 - 14.

²⁰⁰ Городов О.А. Цифровое право, как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. 2021. № 1 (11). С. 36 - 43.

²⁰¹ Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 7 - 13.

ограничивается только нормами гражданского (частного) права, но и включает нормы публичного права (антимонопольное законодательство, законодательство о защите персональных данных, законодательство об идентификации и аутентификации пользователей и др.).

В регулировании внешнеэкономической деятельности применяемые нормы частного и публичного права носят экстерриториальный характер, потому что в цифровой экономике юрисдикция государств не ограничена физическими границами²⁰². Правоотношения существуют в информационно-коммуникационном пространстве, которое не относится к какому-либо одному государству, а является наднациональным.

Вопрос о том, частные или публичные интересы лежат в основе экстерриториального применения норм права, освещен в работе А.В. Асоскова. Автор приходит к выводу о том, что применение иностранного права обусловлено в первую очередь потребностями индивидуумов и международного имущественного оборота²⁰³. С указанным утверждением следует согласиться. Применение норм иностранного права к отношениям в сфере внешней торговли услугами часто основано на принципах автономии воли и свободы договора. Вместе с тем, специфика предпринимательской деятельности в исследуемой сфере требует применения в том числе и императивного метода.

Метод правового регулирования

На начальном этапе развития цифровой экономики перед научным сообществом возник вопрос о том, могут ли традиционные методы регулирования применяться к поведению хозяйствующих субъектов в эпоху цифровизации. Возобладала позиция о том, что государственное регулирование должно применяться к цифровой экономике в той же мере, что и к традиционной²⁰⁴. При этом особенности общественных отношений в цифровой форме определяют

---

²⁰² Терентьева Л.В. Экстратерриториальность в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5 (126). С. 183 - 194.

²⁰³ Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С 10.

²⁰⁴ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 157.

комплексный характер применяемых методов.

Императивный метод обосновывается следующими тезисами:

Во-первых, экономические отношения складываются посредством *цифровых* технологий преимущественно на базе цифровых платформ, в связи с чем в литературе отмечается необходимость применения императивного метода в части установления обязательных требований к платформам и закрепления мер воздействия на операторов платформ²⁰⁵.

Во-вторых, экономические отношения носят *наднациональный* характер, в связи с чем в рамках императивного метода в литературе упоминается даже государственная монополия. Так, по словам Л.А. Лунца, государственная монополия как отражение принципа суверенитета государства имеет в области внешнеторговых сделок определяющее значение²⁰⁶. Отмечается, что с переходом на систему рыночных отношений государственная монополия внешнеэкономической деятельности сохранилась и изменились лишь формы ее реализации²⁰⁷. Сегодня государственная монополия рассматривается как исключительное право государства определять способы участия резидентов и нерезидентов в международном обороте, издавать нормативные акты в этой сфере²⁰⁸. С приведенными позициями можно согласиться, однако формально на смену принципу государственной монополии осуществления внешнеэкономической деятельности пришел принцип свободы экономической деятельности как основной принцип правового регулирования рыночной экономики.

С точки зрения международного частного права А.В. Асосков императивный метод связывает с применением сверхимперативных норм (норм непосредственного применения), которые содержатся в актах публичного законодательства и влияют на частноправовые отношения субъектов гражданского

---

²⁰⁵ Бикбулатова Ю.С., Дупан А.С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. 2022. № 2. С. 211 - 219.

²⁰⁶ Курс международного частного права: в 3 т. / Л.А. Лунц. М.: Спарк, 2002. С. 48.

²⁰⁷ Доронина Н.Г., Семилотина Н.Г. Актуальные проблемы правового регулирования государственной монополии на осуществление внешнеэкономической деятельности // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 136 - 153.

²⁰⁸ Друева А.А. Цифровая инфраструктура и право // Право и цифровая экономика. 2019. № 1(03). С. 18 - 24.

права (например, санкционные нормы, нормы антимонопольного законодательства, нормы законодательства о защите культурных ценностей, окружающей природной среды)²⁰⁹.

С другой стороны, новизна общественных отношений в сфере оказания услуг в цифровой экономике способствует распространению **диспозитивного** метода, что следует из анализа применения правовых принципов в исследуемой сфере.

А.А. Карцхия утверждает, что для цифрового гражданского оборота применяется диспозитивный метод²¹⁰. Действительно, развитие наднациональных экономических отношений по оказанию услуг стало возможным благодаря принципам свободы экономической деятельности, свободы договора и автономии воли.

Таким образом, в теории права можно найти доводы в пользу применения как императивного, так и диспозитивного метода правового регулирования к исследуемым отношениям.

В.П. Мозолин утверждал, что в рыночной экономике понятие «частный» или «гражданской» оборот необходимо заменить на «экономический» или «имущественный» оборот, который в свою очередь предполагает комплексную основу правового регулирования, сочетание гражданско-правовых принципов и норм публичного права²¹¹. Указанная позиция допускает применение как императивного, так и диспозитивного метода к любым видам предпринимательской деятельности. В современных экономических отношениях такая позиция представляется актуальной, что подтверждается анализом действующего законодательства.

Согласно п. 1 ст. 12 Закона № 164-ФЗ государственное регулирование внешнеторговой деятельности осуществляется посредством: таможенно-

---

²⁰⁹ Асосков А.В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации // Закон. 2018. № 9. С. 134 - 142.

²¹⁰ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис.... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 338 - 341.

²¹¹ Мозолин В.П. Система российского права // Труды Московской государственной юридической академии. 2002. № 9. С. 7 - 28.

тарифного регулирования; нетарифного регулирования; запретов и ограничений; мер экономического и административного характера. Внешняя торговля услугами регулируется путем установления запретов и ограничений и применения мер экономического и административного характера, способствующих развитию внешнеторговой деятельности (п. 4 п. 1 ст. 12 Закона № 164-ФЗ). То есть Закон № 164-ФЗ перечисляет правовые средства в рамках императивного метода.

Среди актов национального законодательства, регулирующих предпринимательскую деятельность в сфере оказания услуг, в рамках императивного метода наибольшее значение имеет законодательство о защите конкуренции. В.А. Вайпан акцентирует внимание на необходимости внедрения современных юридических правил анализа рынков и контроля за экономической концентрацией в цифровых условиях, формирования безбарьерной правовой среды для доступа к развивающимся технологиям²¹². На цифровых платформах действует «сетевой эффект», который означает зависимость потребительской ценности услуг от количества пользователей платформы, который в рамках ныне действующего законодательства может являться качественным критерием при установлении доминирующего положения оператора платформы.

Проявлением императивного метода может быть также лицензирование определенных видов услуг, оказываемых трансгранично при помощи цифровых технологий (например, посредством цифровых технологий возможно удаленное оказание образовательных услуг, требующих наличия лицензии у исполнителя по смыслу ст. 1 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»), установление специальных требований к операторам информационных систем (например, согласно ст. 10 Закона № 259-ФЗ установлены требования к оператору инвестиционной платформы, который заключает договор с каждым пользователем) и др. Примеров императивного метода можно привести множество, потому что к отношениям в сфере внешней торговли услугами применяются разные федеральные законы в зависимости от

---

²¹² Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: дис.... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 220.

предмета договора. Единый нормативный правовой акт, регулирующий исследуемые отношения в цифровой среде, отсутствует.

А.А. Карцхия выделяет разные модели регулирования цифрового гражданского оборота – модель цифровизации традиционного права или создание специального регулирования через введение новых объектов и институтов. Например, в Австралии деятельность цифровых платформ попадает под действие общих норм о конкуренции, о защите прав потребителей и т.д., а в США и странах ЕС, напротив, принимаются специальные нормативные акты, регулирующие именно деятельность цифровых платформ. Так, Европейский парламент проголосовал за проект Закона о цифровых услугах (Digital Services Act – DSA), который дополнит уже действующий Закон о цифровых рынках (Digital Markets Act – DMA)²¹³.

Российское право развивается скорее по модели цифровизации традиционного права, потому что большинство правовых институтов адаптируется под применение новых технологий. Приняты отдельные законодательные акты, регулирующие деятельность инвестиционных и финансовых платформ, однако системообразующий нормативный правовой акт отсутствует. Нормы, которые регулируют цифровые отношения, внедряются в отраслевые нормативные правовые акты. В.С. Белых заключает, что происходит перенастройка законодательства на решение задач, возникших в связи с цифровизацией, посредством «цифровой прививки» гражданскому, трудовому, административному и многим другим отраслям законодательства²¹⁴.

При этом основным правовым средством оформления отношений между субъектами исследуемых отношений, в том числе между пользователями цифровых платформ, является договор, что само по себе влечет применение диспозитивного метода и реализацию принципа автономии воли в дополнение к императивному методу.

---

²¹³ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис.... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 300.

²¹⁴ Белых В.С., Болобонова М.О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5 - 14.

Таким образом, правовое регулирование трансграничного оказания услуг в цифровой экономике сочетает диспозитивный и императивный методы.

Источники права

Под источником права в формальном (юридическом) смысле понимается внешняя форма выражения норм права: нормативный правовой акт (закон, подзаконный акт и т.д.), нормативный правовой договор (международный договор и др.), правовой обычай, судебный прецедент²¹⁵.

Согласно ст. 3 Закона № 164-ФЗ государственное регулирование внешнеторговой деятельности основывается на Конституции РФ и осуществляется в соответствии федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, а также общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ.

Высшей юридической силой на территории РФ обладает Конституция РФ. Она содержит основы правового регулирования предпринимательской деятельности: поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности и защита всех форм собственности (ст. 8), право на использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности (ст. 34), право частной собственности (ст. 35). С точки зрения внешнеэкономической деятельности наиболее важны положения о правовом статусе иностранных лиц и лиц без гражданства (ч. 3 ст. 62); об отнесении валютного регулирования и регулирования внешнеэкономических отношений к ведению РФ (ст. 71).

Гражданское законодательство и иные акты, содержащие нормы гражданского права, применяемые в частности к оказанию услуг, перечислены в ст. 3 ГК РФ.

Среди федеральных законов, регулирующих внешнеэкономическую деятельность, можно выделить кодифицированные и некодифицированные.

Кодифицированные источники можно классифицировать на (1) кодексы,

---

²¹⁵ Вайпан В.А. Источники предпринимательского права: учебно-методический комплекс. М.: Юстицинформ, 2017. С. 16.

которые применяются независимо от сектора услуг, и (2) кодексы, действие которых распространяется на внешнюю торговлю услугами в определенных секторах.

К первой группе относится прежде всего ГК РФ, который содержит организационно-правовые формы осуществления предпринимательской деятельности, её определение и т.д. Для внешнеторговой деятельности важную роль играют коллизионные нормы части 4 ГК РФ. Возмездное оказание услуг регулируется нормами гл. 39 ГК РФ. Нормы данной главы применяются, если не предусмотрено специального регулирования. Среди кодифицированных источников первой группы могут быть также упомянуты НК РФ, УК РФ и КоАП РФ, однако непосредственно внешнеторговую деятельность они не регулируют.

К кодифицированным актам второй группы относятся Кодекс торгового мореплавания РФ, Кодекс внутреннего водного транспорта РФ, Лесной кодекс РФ, Водный кодекс РФ и Воздушный кодекс РФ. При этом данные нормативные правовые акты применимы только к одному виду услуг, выделенных в первой главе исследования – к услугам, которые могут быть цифровыми лишь по форме, а не по содержанию. В частности, договор воздушной перевозки пассажира может быть заключен с использованием цифровой платформы Aviasales либо её аналога, а исполняется такой договор всегда вне виртуального пространства посредством совершения физических действий по перемещению пассажира в пространстве.

Некодифицированные источники – федеральные законы – также можно классифицировать на группы в зависимости от применения норм к оказанию определенных видов услуг.

Так, вне зависимости от вида договора подлежат применению:

1) федеральные законы, регулирующие внешнеэкономическую деятельность:

— Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»,

- Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле»,
- Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»,
- Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»,

2) федеральные законы, регулирующие общие условия ведения предпринимательской деятельности на территории РФ:

- Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»,
- Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»,
- Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»,

3) федеральные законы, регулирующие ведение предпринимательской деятельности в условиях цифровизации:

- Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»,
- Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»,
- Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»,
- Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации».

Консолидированные нормативные правовые акты, регулирующие особенности применения цифровых технологий для оказания *всех* видов услуг, отсутствуют. Вместе с тем, оказание *отдельных* видов цифровых услуг регулируется специальными законами, предмет регулирования которых ограничен прямо указанными в них видами услуг и сферами общественных отношений:

Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы», Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Среди подзаконных актов нужно отметить указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и нормативные акты федеральных органов исполнительной власти. Так, например, действуют Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года», Постановление Правительства РФ от 15.09.2008 № 691 «Об утверждении Положения о лицензировании внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), в отношении которых установлен экспортный контроль» и др.

Для отношений, связанных с *организацией* внешней торговли услугами и отношений по *государственному регулированию* предпринимательства, традиционно выделяемых в составе предмета предпринимательского права, основным источником правового регулирования остается нормативный правовой акт. В регулировании комплексных отношений, связанных с непосредственным ведением предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами в период цифровой экономики, нормативный правовой акт сохраняет ведущую роль благодаря диспозитивности гражданского права и динамичному развитию нормативного регулирования.

Вместе с тем, пользователи, как правило, находятся в разных странах и взаимодействуют в сети Интернет. Появляются новые субъекты предпринимательской деятельности – крупные IT-корпорации, которые ведут свою деятельность по всему миру. Поэтому нормы национального

законодательства не могут быть применены для регулирования общественных отношений, которые изначально носят международный характер. Экстерриториальность цифровой экономики делает нормы международного права важным источником правового регулирования новых экономических отношений. Особенно это видно на примере внешней торговли услугами, которая, как указано выше, осуществляется преимущественно на базе цифровых платформ. Подход к регулированию такой деятельности обусловлен масштабом работы платформ. Национальное право не является основным источником правового регулирования в данной сфере²¹⁶. Внешняя торговля услугами в цифровой экономике в силу технологических особенностей ведения предпринимательской деятельности преимущественно через сеть Интернет с использованием цифровых платформ и в силу отсутствия гармонизации национальных правовых режимов регулируется во многом нормами международного права.

Обращаясь к международным источникам правового регулирования внешней торговли услугами, нужно отметить, что согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров входят в состав российской правовой системы, и если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Наличие международных источников правового регулирования внешней торговли услугами обусловлено главным образом членством России в ВТО и ЕАЭС.

Основным международным договором ВТО, относящимся к рассматриваемой теме, является ГАТС. Оно регулирует торговлю услугами по секторам в соответствии с классификатором, утвержденным в 1991 году – 12 секторов. Для каждого сектора государство определяет применимый режим внешнеэкономической деятельности: национальный режим, национальный режим с возможностью введения ограничений или режим наибольшего

---

²¹⁶ McKee D., Makela F., Scassa T. Law and the “Sharing Economy”: Regulating Online Market Platforms // University of Ottawa Press. 2018. P. 14.

благоприятствования. Примечательно, что цифровые услуги в ГАТС так и не поименованы как самостоятельный сектор. С одной стороны, классификатор услуг ГАТС устарел²¹⁷. С другой стороны, ГАТС носит технологически нейтральный характер, что позволяет распространить его действие на все сектора услуг. Однако ГАТС регулирует только оказание традиционных видов услуг, включая случаи, когда отношения имеют цифровую форму, но не регулирует отношения, которые имеют цифровое содержание.

Следующий блок международных договоров связан с членством России в ЕАЭС, который представляет собой современную форму евразийской интеграции. Акты ЕАЭС относятся к источникам предпринимательского права, подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов. Основные вопросы внешней торговли услугами урегулированы положениями раздела XV Договора о ЕАЭС и Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору, далее – Протокол). В рамках ЕАЭС существует единый рынок услуг. Способы торговли услугами, аналогичные способам, указанным в ГАТС, перечислены в п. 6 Приложения № 16 к Договору о ЕАЭС.

В перечне секторов единого рынка на пространстве ЕАЭС цифровые сектора отсутствуют (аналогично тому, как они отсутствуют в положениях ГАТС), однако в целом, в отличие от ВТО, на пространстве ЕАЭС работа в направлении цифровизации ведется. Так, Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 г. № 21 сформирована «цифровая повестка» ЕАЭС. Решением Высшего евразийского экономического совета № 12 от 11.10.2017 г. утверждены основные направления реализации цифровой повестки до 2025 г. Предполагается регулирование оборота данных и работы цифровых платформ, развитие цифровой инфраструктуры, формирование трансграничного пространства доверия и т.д.

Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26.12.2017 № 190 утверждено Положение о модели данных Евразийского экономического

---

²¹⁷ Mitchell A., Mishra N. Data at the Docks: Modernising International Trade Law for the Digital Economy // *Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law*. 2018. № 20. P. 55; Burri M. Towards a New Treaty on Digital Trade // *Journal of World Trade*. 2021. № 55. P. 77 - 100.

союза, регулирующее электронный документооборот и передачу сведений в электронном виде при взаимодействии между государственными органами государств-членов, а также между хозяйствующими субъектами государств-членов как в рамках одного государства-члена, так и в рамках Союза.

Третьей группой международных договоров являются договоры, заключенные в рамках Содружества независимых государств (далее – СНГ). Так, в настоящее время для РФ действуют Соглашение о сотрудничестве в области внешнеэкономической деятельности (заключено в г. Ташкенте 15.05.1992 г.) и Договор о зоне свободной торговли (подписан в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011 г.). В части цифровизации с 2020 г. работает Комитет по Цифровому развитию СНГ, однако международные договоры по этому направлению пока не заключены.

Внешняя торговля услугами регулируется и иными соглашениями в рамках экономических и политических объединений, а также двусторонними соглашениями. Зарубежные исследователи подсчитали, что из 346 международных торговых соглашений, заключенных в период с 2000 по 2020 г.г., 185 соглашений содержат положения, относящиеся к цифровой торговле²¹⁸. Однако, как правило, такие соглашения устанавливают взаимные обязательства государств по обеспечению свободной экономической деятельности в контексте снижения таможенных пошлин, обеспечения конфиденциальности и локализации данных, защиты интеллектуальной собственности (в рамках отрасли международного права) и не содержат условий о правах и обязанностях субъектов предпринимательской деятельности.

В частности, при формировании надгосударственного регулирования возникают проблемы, связанные с охраной персональных данных и обеспечением информационной безопасности²¹⁹. Для развития предпринимательской деятельности в цифровой экономике такие нормы являются административными барьерами, препятствующими свободной торговле. Цифровая экономика ставит

---

²¹⁸ Burri M., Polanco R. Digital Trade Provisions in Preferential Trade Agreements: Introducing a New Dataset // *Journal of International Economic Law*. 2020. № 23. P. 1 - 34.

²¹⁹ Mitchell A., Mishra N. Data at the Docks: Modernising International Trade Law for the Digital Economy // *Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law*. 2018. № 20. P. 54.

вопрос о том, как одновременно защитить права и законные интересы создателей результатов интеллектуальной деятельности, пользователей и инвесторов, а также обеспечить безопасность сотрудничества и справедливую конкуренцию. Крайне важно определить правовую природу новых правовых явлений, основанных на цифровых технологиях и их продуктах, разработать единый подход к правовому регулированию цифровой экономики на межгосударственном уровне.

В целом можно констатировать возрастающее влияние международного права в цифровой экономике, однако роль международных договоров заключается именно в содействии гармонизации национальных законодательств и обеспечении соблюдения принципа технологической нейтральности, а не в непосредственном регулировании предпринимательской деятельности. Основные аспекты предпринимательской деятельности в области внешней торговли услугами регулируются нормами внутреннего законодательства, что влечет конфликт юрисдикций и коллизию правопорядков.

Коллизия правопорядков

Применительно к некоторым видам предпринимательской деятельности законодатель императивно ограничивает количество иностранных элементов, способных принимать участие в экономических отношениях²²⁰. Например, лица, привлекающие инвестиции через инвестиционные платформы, а также операторы платформ, не могут быть иностранными, в связи с чем к отношениям императивно применяется российское право.

В сфере внешней торговли услугами таких требований нет, и вопрос о применимом праве остается открытым. Проблема усугубляется применением цифровых технологий и переходом взаимодействия субъектов в виртуальную среду. Возникает проблема юрисдикции государств в сети Интернет.

На практике коллизионный вопрос может быть решен сторонами посредством внесения в соглашение условия о применимом праве. Под

---

²²⁰ Кузьменков М.Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3. С. 152 - 159.

применимым правом понимается не вообще «право», а гражданское право, т.е. частное право конкретного государства или акты международной унификации частного права (например, принципы УНИДРУА). Стороны не могут выбрать применимое публичное право по своему усмотрению²²¹. Кроме того, суд по правилам п. 2 ст. 1192 ГК РФ при рассмотрении внешнеэкономических споров может применять только те свехимперативные нормы, которые являются *частноправовыми*²²². При отсутствии же соглашения о применимом материальном праве вопрос должен быть решен на основе коллизионных норм.

В теории для определения применимого права основополагающим является принцип наибольшей или наиболее тесной связи (Proper Law), как наиболее отвечающий условиям быстрого развития информационного общества и цифровых технологий²²³. Этот принцип воплощен в нормах российского права в ст. 1211 ГК РФ, ст. 247 АПК РФ.

Согласно п. 1 ст. 1211 ГК РФ если иное не предусмотрено законом, при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для договора.

По смыслу п. 2 ст. 1211 ГК РФ стороной, которая осуществляет решающее исполнение, признается сторона, являющаяся, в частности, исполнителем в договоре возмездного оказания услуг...

Соответственно, применимое право в регулировании внешней торговли услугами определяется местом нахождения исполнителя (за исключением специальной коллизионной привязки к отношениям с участием потребителя – ст. 1212 ГК РФ). Как установить место нахождения исполнителя, если при оказании

---

²²¹ Комаров А.С. Принципы УНИДРУА как применимое право в международных коммерческих договорах // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 57 - 60; Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. М.: Международные отношения, 2019. С. 147 - 148.

²²² Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2017. С. 22.

²²³ Рассолов И.М. Право и Интернет: теоретические проблемы: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 15; Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 160 - 180.

услуг используются цифровые технологии?

Ряд ученых при исследовании данной проблемы обращают внимание на место нахождения сервера, которое можно рассматривать как место нахождения субъекта или его коммерческого предприятия²²⁴, однако в 1 главе диссертации уже обосновано, что юридического значения данный факт не имеет. Проблема усугубляется возможным использованием технологии VPN (Virtual Private Network – виртуальная частная сеть), которая при помощи шифрования данных затрудняет достоверное установление места нахождения устройства или пользователя.

Кроме того, по смыслу п. 5 ст. 6 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (принята резолюцией № 60/21 от 23.11.2005 г.) какое-либо местонахождение не является местом нахождения коммерческого предприятия лишь в силу того, что в этом месте находятся оборудование и технические средства, поддерживающие информационную систему, а использование доменного имени, связанного с какой-либо конкретной страной, не означает нахождения коммерческого предприятия в этой стране.

Соответственно, презумпция нахождения коммерческого предприятия по месту нахождения сервера для целей определения национального *частного* права, применимого к договору оказания услуг, отсутствует. Место нахождения исполнителя и его коммерческого предприятия применительно к конкретной сделке при помощи критерия тесной связи, который представляет собой фикцию, устанавливается как территория того государства, на граждан которого направлена его деятельность.

Согласно пункту 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами РФ» профессиональная сторона считается направляющей свою деятельность на территорию страны места жительства потребителя, в частности, в том случае,

---

²²⁴ Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты правового регулирования договора об оказании услуг по предоставлению информации в Российской Федерации // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 17 - 21; Зажигалкин А.В. Международно-правовое регулирование электронной коммерции: Дис.... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 8.

когда она поддерживает в сети «Интернет» сайт, содержание которого свидетельствует о его ориентации на потребителей из соответствующей страны (использование русского языка, указание цен в российских рублях, а также контактных телефонов с российскими кодами...).

Применение норм ст. 1211 ГК РФ в указанном толковании обеспечивает коллизионную защиту потребителя (в широком смысле, вне зависимости от цели приобретения товаров, работ или услуг и наличия у него правового статуса субъекта предпринимательской деятельности).

Аналогичные положения содержатся в ст. 24 проекта Директивы Европейского союза «Об онлайн платформах-посредниках» (Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms): деятельность платформ, которые управляются оператором, зарегистрированным за пределами государства-члена, в котором платформа осуществляет деятельность, регулируется национальным законом поставщика или клиента, интересы которых затрагиваются при взаимодействии с платформой.

Таким образом, принцип наиболее тесной связи, основанный на критерии направленности (*targeting test*), может быть универсальным для определения применимого *частного* права в сфере внешней торговли услугами.

Какой же критерий используется для определения применимого *публичного* права и как именно определяется место осуществления предпринимательской деятельности – через направленность деятельности на население конкретного государства или по физическому месту нахождения субъектов?

По общему правилу публично-правовые нормы применяются лишь в пределах территории принявшего их государства. В этой связи понятие «внешнеэкономическая сделка» в теории права считается категорией публично-правовой, поскольку регулирование внешнеэкономической деятельности и внешнеэкономических сделок осуществляется государством посредством публичного права на основе отношений власти и подчинения путем принятия

нормативных актов императивного характера²²⁵.

Анализ действующего правового регулирования на примере разных стран показывает, что в вопросе определения применимого *публичного* права критерий направленности также имеет юридическое значение.

Так, в банковском секторе в соответствии с российским законодательством трансграничная передача данных допускается только при условии соблюдения нормативных актов Банка России, хотя оператор и находится за пределами Российской Федерации²²⁶. Законодательство США допускает раскрытие информации с серверов электронной почты, расположенных в других странах, по требованию государственных органов США в связи с проводимыми расследованиями по уголовным делам²²⁷. В белорусском законодательстве содержится требование о том, что деятельность по реализации товаров, выполнению работ, оказанию услуг на территории Республики Беларусь с использованием информационных сетей, систем и ресурсов, имеющих подключение к сети Интернет, осуществляется исключительно с использованием информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента сети Интернет, размещенных на территории Республики Беларусь и зарегистрированных в установленном порядке²²⁸. За рубежом критерий направленности также используется в сфере налогообложения. Так, на территории ЕС существует инициатива налога на цифровые услуги «digital services tax» (DST), которая предполагает налогообложение доходов от рекламы, направленной на потребителей ЕС. Указанное позволяет обложить налогом доходы компаний, которые физически на территории ЕС не находятся (не имеют серверов и оборудования)²²⁹. Однако вопросы налогообложения не относятся к предмету

---

²²⁵ Гицу М.А., Гицу В.Д. Модернизация понятия внешнеэкономической сделки // Государство и право. 2020. № 1. С. 123 - 138.

²²⁶ См. п. 6.9. Стандарта Банка России СТО БР ИББС-1.4-2018 «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы РФ. Управление риском нарушения информационной безопасности при аутсорсинге» (принят Приказом Банка России от 06.03.2018 № ОД-568).

²²⁷ Clarkson K.W., Miller R.L. Business Law: Text and Cases. The USA: Cengage Learning. 2021. P. 751.

²²⁸ Свентицкая А.В. Создание и функционирование интернет-магазинов в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019. С. 142 - 160.

²²⁹ Cui W. The Digital Services Tax: A Conceptual Defense // Tax Law Review. 2019. P 69 - 111.

исследования, а потому подробно не рассматриваются.

Приведенные примеры показывают, что в вопросах выбора применимого *публичного* права законодатель также исходит из критерия направленности. Вместе с тем, данный критерий представляется не единственным основанием для применения национального публичного права.

Особенностью внешней торговли услугами является то, что она в отличие от торговли товарами регулируется не на границе, а внутри страны соответствующими положениями внутреннего законодательства²³⁰. Географическое расположение серверов, а также особенности адресации и маршрутизации информации определяют, через какие юрисдикции физически проходит передача данных, то есть в каких государствах субъект осуществляет свою деятельность и нормы *публичного* права каких государств её регулируют.

Иными словами, расположение серверов определяет обязанности субъектов предпринимательской деятельности перед государственными органами, включая раскрытие информации, локализацию и защиту данных²³¹. В.С. Белых отмечает, что для целей создания цифровой экономики широко применяются инструменты публичного права²³².

Таким образом, принцип наиболее тесной связи, основанный на критерии направленности (*targeting test*), может быть универсальным для определения применимого *частного* права в сфере внешней торговли услугами, тогда как вопрос о применении норм национального *публичного* права решается как по критерию направленности, так и на основе физического места расположения серверов и иных технических средств. Специфика применяемых технологий влияет не только на юридическую модель оформления отношений сторон и применяемые нормы частного права, но и на публично-правовое регулирование отношений с участием субъектов предпринимательской деятельности.

---

²³⁰ Письмо Министерства внешних экономических связей России от 05.05.1995 г. № 10-112/35 // СПС «Консультант Плюс».

²³¹ Степанов О.А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 4 - 23.

²³² Белых В.С., Болобонова М.О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5 - 14.

Итак, относительно государственного регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами можно сделать следующие выводы. Во-первых, регулирование отношений в исследуемой сфере не ограничивается только нормами гражданского (частного) права, но и включает нормы публичного права. Институт трансграничного оказания услуг в цифровой экономике сочетает нормы гражданского, предпринимательского и международного частного права. Во-вторых, к трансграничным отношениям по оказанию услуг в цифровой экономике применяется как императивный, так и диспозитивный методы правового регулирования. В-третьих, нормативный правовой акт является основным источником права применительно как к непосредственному ведению предпринимательской деятельности, так и к отношениям по организации внешней торговли услугами и государственному регулированию предпринимательства. В-четвертых, экстерриториальность цифровой экономики делает нормы международного права важным источником правового регулирования новых экономических отношений, что влечет конфликт юрисдикций и коллизию правопорядков. Основанием для применения норм как частного, так и публичного права конкретного государства может являться принцип наиболее тесной связи, выводимый из критерия направленности (targeting test). Применимое частное право в отношениях между субъектами предпринимательской деятельности в сфере внешней торговли услугами определяется по месту нахождения исполнителя, которое в цифровой экономике устанавливается по критерию направленности его деятельности на субъектов, находящихся на территории конкретного государства. Применимое публичное право определяется по месту нахождения исполнителя при учете двух обстоятельств: как направленности его деятельности на субъектов, находящихся на территории конкретного государства, так и физического расположения оборудования и серверов, используемых для оказания услуг.

§ 3. Негосударственное регулирование предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами

Несмотря на ключевую роль нормативного правового акта в регулировании общественных отношений, его значимость применительно к внешней торговле услугами, а также роль государства как субъекта, устанавливающего правила и обеспечивающего их принудительное исполнение, в цифровой экономике меняются, что уже было упомянуто при описании принципа законности в § 1 настоящей главы диссертации.

Платформенная экономика бросает вызов традиционной теории регулирования и представляет собой изменение парадигмы не только для бизнеса, но и для теории права²³³.

В.А. Белов в международных коммерческих (торговых) отношениях отмечает тенденцию приобретения решающего значения негосударственными правовыми регуляторами²³⁴.

В цифровой экономике право адаптируется под новые технологии:

Во-первых, происходит утрата регуляторной монополии государства.

Создание сети Интернет повлекло за собой ограничение юрисдикции государств²³⁵. Отсутствие географических границ информационно-коммуникационного пространства стало причиной переосмысления концепции суверенитета²³⁶. Часто суды вынуждены применять нормы иностранного права либо неформальные регуляторы.

С.В. Липень отмечает тенденцию децентрализации власти в развитии института государства²³⁷. Возникла необходимость в формировании

---

²³³ Lobel O. The Law of the Platform // Minnesota Law Review: San Diego Legal Studies Paper. 2016. №. 16. P. 24.

²³⁴ Белов В.А. Двенадцать тезисов по вопросу о том, существуют ли основания для обособления такой научной юридической специальности, как «коммерческое (торговое) право»? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 2. С. 474 - 480.

²³⁵ Нектов А.В. Юрисдикция государства в интернет-эпоху: трактат о теории и практике цифровизации в международном частном и публичном праве // Цифровое право. 2021. № 2(4). С. 61 - 67.

²³⁶ Мажорина М.В., Терентьева Л.В., Шахназаров Б.А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 169 - 182.

²³⁷ Липень С.В. Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в //

дополнительных регуляторов. Такие транснациональные компании, как Google начали выполнять функции, которые традиционно принадлежали государству.

Во-вторых, существует тенденция размывания принципа исключительности нормативных правовых актов²³⁸, которая является логическим продолжением утраты государством регуляторной монополии.

Пользователи цифровой платформы признают протокол работы платформы в качестве регулятора возникающих между ними отношений²³⁹. Речь идет не о пользовательском соглашении, которое имеет договорную природу, а именно об алгоритмах работы платформы, которые определяют технологические особенности её функционирования. Внешняя торговля услугами зачастую осуществляется на базе цифровых платформ в сети Интернет. В связи с этим в зарубежной научной литературе формируется концепция права мировых торговых площадок или платформенного права²⁴⁰.

В российской литературе компьютерный код именуется одним из источников правового регулирования наряду с национальным правом и обычаями²⁴¹. Вместе с тем, А.В. Габов напоминает, что право регулирует поведение человека и что новые регуляторы применимы к какой-то иной правосубъектной реальности²⁴². С данным утверждением следует согласиться. Техническим нормам и технологическим закономерностям оборота подчиняются прежде всего объекты правоотношений и уже особенности объекта правоотношений (цифровых услуг, подробно рассмотренных в начале 1 главы диссертации) влияют на применимые источники права и содержание правоотношений. Изменения в правовом регулировании общественных отношений являются следствием изменения общественных отношений.

Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10(119). С. 11 - 19.

²³⁸ Вайпан В.А. Источники предпринимательского права: теория и практика // Право и экономика. 2015. № 10. С. 4 - 17.

²³⁹ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 405.

²⁴⁰ Backer L. C. Economic Globalization and the Rise of Efficient Systems of Global Private Lawmaking: Wal-Mart as Global Legislator // Connecticut Law Review. 2019. Vol. 39. No 4. P. 3 - 46.

²⁴¹ Ефимова Л.Г. Виды правоотношений, возникающих на платформе blockchain // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 1(8). С. 16 - 26.

²⁴² Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 96 - 113.

В-третьих, наблюдается рост числа негосударственных институций по разрешению споров²⁴³. Как правило, пользовательские соглашения цифровых платформ предусматривают процедуры онлайн-разбирательств, в ходе которых «арбитр» руководствуется правилами платформы, а не нормами национального права какого-либо государства.

Таким образом, снижение роли государства в регулировании внешней торговли услугами в цифровой экономике приводит к появлению новых негосударственных регуляторов (права платформ, мягкого права – *soft law*, *lex mercatoria*, саморегулирования) и к развитию механизмов альтернативного разрешения споров.

В.Д. Зорькин констатирует, что право теряет свой регулятивный потенциал, а правовые конструкции утрачивают былую прочность²⁴⁴. Представляется, что основной причиной таких тенденций является то, что основные механизмы государственного регулирования выработывались в отношении оборота «физических» товаров и традиционных видов услуг без учета процессов глобализации и цифровизации.

Развитию неформальных регуляторов способствовала теоретическая позиция о том, что принцип автономии воли допускает в качестве применимого права выбирать не только исключительно национальное право, но и акты негосударственного регулирования. Например, среди сторонников расширительного толкования принципа автономии воли находится А.В. Асосков²⁴⁵. Оппоненты данной точки зрения утверждают, что без привязки договора к правопорядку какого-либо государства в отрыве регулирования отношений сторон от любой правовой системы, регуляторы не имеют обязывающего действия²⁴⁶, однако международное право и судебная практика идут по иному пути.

Ранее государственные суды, как правило, не признавали оговорки о выборе

---

²⁴³ Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 140 - 160.

²⁴⁴ Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма. 2018. С. 8.

²⁴⁵ Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 340.

²⁴⁶ Базедов Ю. Право открытых обществ – частное и государственное регулирование международных отношений: Общий курс международного частного права / пер. с англ. Ю.М. Юмашева. М.: Норма, 2016. С. 83.

негосударственных регуляторов в качестве соглашений о применимом праве. Вместе с тем, в международной арбитражной практике такие соглашения применяются. Так, согласно ст. 28(1) Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, арбитраж обязан применить при разрешении спора избранные сторонами нормы права. Формулировка «нормы права» трактуется как возможность установить в качестве применимого права неформальные источники и отсутствие обязанности выбрать именно государственную систему права²⁴⁷. Следует указать на тенденцию и разъяснение п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

Итак, неэффективность традиционных правовых механизмов, необходимость оперативного реагирования на изменение общественных отношений, отсутствие гармонизации и унификации правового регулирования, а также конвергенция отраслей права в цифровой экономике приводят к развитию негосударственного регулирования, под которым автор понимает обязательные правила поведения, не исходящие от государства.

Право платформ

Владелец платформы может выступать а) стороной договора оказания услуг, б) информационным посредником на основании договоров оказания услуг или лицензионного соглашения с пользователем и с поставщиком услуг, а также в) одним из лиц на стороне поставщика услуг. Вне зависимости от применяемых договорных конструкций и юридического оформления отношений сторон, платформы фактически создают правила поведения на торговых площадках и выполняют регулируемую функцию²⁴⁸. Системные администраторы обладают правом на применение механизма предоставления, ограничения или полного

---

²⁴⁷ Комаров А.С. Внешнеэкономический договор: выбор контрагентами применимого права // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сборник статей / под общ. ред. А.С. Комарова. М.: Статут, 2016. С. 127 - 128.

²⁴⁸ Cohen E. Law for the Platform Economy // University of California, Davis, Vol. 51:133, 2017. P. 199 - 201.

прекращения доступа к ресурсу для каждого отдельного пользователя либо группы лиц²⁴⁹. Платформы создают правила заключения и исполнения сделок, а также устанавливают требования к их сторонам.

В литературе отмечается, что платформы определяют форму договора, качество услуг, условия сделок²⁵⁰. Например, по смыслу норм Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» финансовые платформы в своей деятельности руководствуются правилами, которые подлежат регистрации Банком России. Согласно ч. 1 ст. 4 данного Закона в правилах финансовой платформы должны содержаться, в том числе, требования к участникам финансовой платформы и виды финансовых сделок, совершение которых возможно на данной платформе.

По смыслу ст. 4 Закона № 259-ФЗ инвестиционные платформы также создают правила, в которых среди прочего должны быть предусмотрены требования к участникам инвестиционной платформы и способы инвестирования. При этом оператор платформы вправе в одностороннем порядке вносить изменения в правила.

В докладе Центрального банка РФ утверждается возможность выделения цифровой платформы или экосистемы как нового субъекта регулирования²⁵¹.

С.В. Сарбаш в контексте критики платформенного права утверждает, что содержание и условия осуществления гражданских прав должны определяться законом или договором и что задача информационных систем должна быть сведена к содействию эффективной реализации таких прав²⁵². Действительно, в ряде случаев технические правила просто обеспечивают выполнение соответствующих правовых предписаний (например, системы Digital Rights Management – технические средства защиты авторских прав), но часто правила

---

²⁴⁹ Алтухов А.В. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7(128). С. 86 - 94.

²⁵⁰ Бодиловский А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из договоров, заключенных дистанционно: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 124.

²⁵¹ URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 06.08.2021). С. 33.

²⁵² Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31 - 54.

пользования платформой направлены на изменение объема или содержания имеющихся прав, то есть на установление нового регулирования. Более того, операторы платформ не просто сопровождают сделки и формируют фактически обязательные правила поведения, но и разрешают споры между пользователями.

Например, на платформе YouDo существует сервис «сделка без риска». Согласно п. 13.3 Соглашения о выполнении работы и/или оказании услуги, споры и разногласия подлежат разрешению в соответствии с Правилами автоматического определения статуса выполнения работ/оказания услуг и рассмотрения обращений Заказчика и Исполнителя, размещенными на сайте²⁵³. Согласно п. 12 Соглашения об использовании ресурса физическими лицами, в случае возникновения споров между Заказчиком и Исполнителем они разрешаются Администрацией. Пользователи соглашаются с тем, что Администрация имеет право по результатам рассмотрения спорной ситуации осуществить любые необходимые действия. Решение Администрации является окончательным и обжалованию не подлежит²⁵⁴. В условиях использования платформ Airbnb и Uber столь императивных условий нет, однако досудебное урегулирование споров при посредничестве платформ также предусмотрено²⁵⁵.

На пространстве ЕС онлайн разрешение споров планируется сделать обязательным. Статья 17 проекта Закона о цифровых услугах (Digital Services Act – DSA) предусматривает обязанность онлайн-платформ по созданию внутренней системы разрешения споров, которая позволит пользователям в электронном виде подавать жалобы на решения, действия и бездействие оператора платформы.

Таким образом, владелец агрегатора (оператор платформы) не просто выступает в роли экономического посредника между заказчиком и исполнителем услуг, но и является органом разрешения споров, возникающих в том числе в сфере внешней торговли услугами.

В контексте сравнения права платформ и актов государственного

²⁵³URL: <https://youdo.com/sbr-agreement>. Дата обращения 08.05.2022.

²⁵⁴URL: <https://youdo.com/terms>. Дата обращения 08.05.2022.

²⁵⁵ URL: https://www.airbnb.ru/terms#sec201910_19. Дата обращения 08.05.2022; URL: <https://www.uber.com/legal/ru/document/?name=general-terms-of-use&country=united-states&lang=en>. Дата обращения 08.05.2022.

регулирования общественных отношений необходимо отметить отсутствие официальной кодификации и системы депонирования актов платформенного права. Как упоминается в других главах диссертации, пользовательские соглашения заключаются по модели договора присоединения, и оператор платформы уполномочен менять правила пользования платформой и ее технологическую составляющую в одностороннем порядке. При этом операторы платформ не обязаны размещать в открытом доступе предыдущие редакции измененных документов. Вопрос о действии указанных актов во времени исследован недостаточно, тогда как в отсутствие официальной кодификации или системы депонирования он и не может быть решен. Во избежание правовой неопределенности и злоупотреблений со стороны операторов платформ предлагается ввести систему электронного депонирования (фиксации) пользовательских соглашений и всех других документов, относящихся к функционалу платформы и способных повлиять на права и обязанности пользователей. В российской правовой системе органами, уполномоченными на депонирование (фиксацию) таких документов могут являться: (1) Центральный банк, по аналогии с регистрацией правил инвестиционной платформы, (2) ФАС России как орган по контролю за соблюдением законодательства о защите конкуренции, с учетом монопольного характера деятельности цифровых платформ, (3) нотариусы, при наличии возможности размещения удостоверенных документов в открытых источниках. Реестр подлежащих фиксации документов должен быть открытым и общедоступным, например, размещенным на официальном сайте соответствующего органа в сети Интернет.

Кроме функций регулирования и разрешения споров, операторы платформ в ряде случаев могут удерживать платежи. Правовая природа удержания платежей является дискуссионным вопросом, однако указанное полномочие однозначно усиливает регулируемую функцию платформ и отличает их от обычных экономических посредников. Например, Avito удерживает денежные средства, поступившие от покупателя, до момента доставки ему товара продавцом.

Продавец получает оплату, когда покупатель подтвердит получение заказа в приложении. При этом в случае нарушений со стороны продавца покупатель может отказаться от заказа и получить денежные средства обратно²⁵⁶. На платформе Youla в момент выбора исполнителя оплата резервируется на специальном счете и хранится там до окончания оказания услуг. Платформа гарантирует возврат оплаты заказчику в случае ненадлежащего оказания услуг исполнителем, а исполнителю – своевременную оплату в случае успешного выполнения заказа²⁵⁷.

Возможны и иные технические решения, которые будут способствовать выполнению соответствующих требований или препятствовать их нарушению. В этой связи Дж. Коен отмечает, что цифровые платформы доминируют в международном правопорядке, создавая новые транснациональные институты²⁵⁸. Распространение цифровой валюты как внутренней расчетной единицы на цифровых платформах также свидетельствует о наличии квази-властных полномочий у оператора платформы, потому что именно он устанавливает правила эмиссии и обращения цифровой валюты.

Таким образом, владелец агрегатора (оператор платформы) не просто выступает в роли экономического посредника между заказчиком и исполнителем услуг, но и выполняет регулирующие и контрольные функции и, более того, является органом разрешения споров, возникающих в том числе в сфере внешней торговли услугами. «Право платформ» представляет собой трансграничный правовой институт, объединяющий правила поведения, разработанные операторами платформ и обязательные для пользователей.

Электронное *lex mercatoria*

В отсутствие единообразных материально-правовых норм в правопорядках разных государств трансграничный бизнес формирует обычаи, опосредованные через **новое *lex mercatoria***, фрагментация которого приводит к появлению таких

---

²⁵⁶ URL: <https://support.avito.ru/articles/115002227767?eventData%5BcontextId%5D=125>. Дата обращения 08.05.2022.

²⁵⁷ URL: <https://youdo.com/security>. Дата обращения 08.05.2022.

²⁵⁸ Cohen E. Law for the Platform Economy // University of California, Davis, Vol. 51:133, 2017. P. 199 - 201.

явлений, как *lex finanziaria* (финансовое право), *lex informatica* (информационное право), *lex digitalis* (цифровое право), *lex electronica* (право электронного взаимодействия), *lex networkia* (право сети Интернет), *e-merchant law* (право электронной торговли) и др.²⁵⁹ *Lex informatica* определяется как система технических норм, которые ограничивают пользователей цифровой платформы и являются выражением воли тех, кто отвечает за поддержание платформы²⁶⁰. Соответственно, *lex informatica* воплощает собой право платформ.

Общими чертами *lex mercatoria* и права платформ является то, что оба эти явления не основаны на суверенитете или юрисдикции государства либо принуждении с его стороны. Вместе с тем, *lex mercatoria* как международный обычай основан на последовательном и длительном применении одних и тех же правил в экономической деятельности, тогда как *lex informatica* состоит из конкретных случаев одностороннего определения правил пользования платформами, в основе которых не обязательно лежит опыт длительного применения таких правил.

Кроме того, право платформ содержит только материально-правовое регулирование отношений сторон, тогда как в обычай может быть заключена и коллизионная привязка. Так, в соответствии с пунктами 1 и 2 ст. 1186 ГК РФ, если на основании международных договоров РФ, ГК РФ, других законов и *обычаев*, признаваемых в Российской Федерации, невозможно определить применимое право, то применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано.

Правовая природа *lex mercatoria* и права платформ различна.

В зарубежной литературе проводится аналогия между средневековым обычным правом (*law merchant*) и современными обычаями электронной торговли (*lex mercatoria*)²⁶¹. Общими чертами указанных явлений является

---

²⁵⁹ Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 140 - 160.

²⁶⁰ Filippi P. de. From *Lex Mercatoria* to *Lex Cryptographica*. *Dispute Revolution*. The Kleros Handbook of Decentralized Justice // URL: <https://blog.kleros.io/dispute-revolution-the-kleros-handbook-of-decentralized-justice/>. Дата обращения 04.05.2022.

²⁶¹ Polanski P.P. Towards a supranational Internet law // *Journal of International Commercial Law and Technology*. 2006.

негосударственное происхождение регуляторов общественных отношений и наличие альтернативных механизмов разрешения споров.

Специальные обычаи, которые сформированы и сосредоточены в сети Интернет, постепенно образуют наднациональное регулирование внешнеэкономической деятельности по оказанию услуг. *Lex mercatoria* существует в форме различных «кодифицированных» документов (например, Принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, Принципы СЕНТРАЛ) и в форме неписаных обычаев.

В качестве примера неписаных обычаев могут быть приведены следующие:

1) Если сообщение отправлено от имени субъекта информационной системой, запрограммированной им и работающей в автоматическом режиме, то такое сообщение считается отправленным самим субъектом по его воле и имеет юридическую силу. Косвенное подтверждение данной позиции существует в судебной практике. В одном из дел суд отклонил доводы о ненадлежащей доставке электронного письма в связи с автоматической отправкой в папку «спам» ответчика. Следовательно, за действия автоматизированной системы несет ответственность ее владелец²⁶². Аналогичная идея выражена в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (принят 12 июня 1996 г.) и в ст. 12 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах. Согласно ст. 12 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах, договор, заключенный в результате взаимодействия автоматизированной системы сообщений и какого-либо физического лица или в результате взаимодействия автоматизированных систем сообщений, не может быть лишен действительности или исковой силы на том лишь основании, что никакое физическое лицо не осуществляло просмотра или вмешательства в отношении каждой отдельной операции, выполненной автоматизированными системами сообщений, или заключенного в результате договора.

В отличие от норм конвенции, регулирующих только заключение договоров, обычай распространяется на любые юридически значимые действия, включая действия по исполнению обязательств, доставку юридически значимых сообщений и т.д.

2) Директива об электронной торговле (принята 12.11.2000) закрепила требование немедленного электронного подтверждения заказа без неоправданной задержки. Но условия электронного подтверждения не были ясны, в связи с чем сформировался обычай: подтверждение должно быть предоставлено на веб-сайте и по электронной почте и должно содержать номер заказа²⁶³.

Кроме того, международная торговая палата (ICC) систематически упоминает о необходимости формирования типовых контрактов и провозглашает обычаи (a-national rules) в качестве применимого права, а Технический комитет Международной организации по стандартизации (ISO) формирует исследовательскую группу по стандартизации облачных вычислений.

Вопрос о соотношении обычая и норм национального права в иерархии регуляторов общественных отношений подробно освещен в работе Н.В. Козловой и С.Ю. Филипповой. Авторы отмечают, что в силу ст. 5 ГК РФ не применяются обычаи, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору. То есть в иерархии регуляторов отношений сторон обычай поставлен ниже императивных норм законодательства, а также условий договора. Иными словами, императивные нормы законодательства и условия договора имеют большую юридическую силу, чем обычай. При этом по смыслу ст. 309 ГК РФ и п. 5 ст. 421 ГК РФ большей юридической силой по сравнению с обычаем наделены не только императивные, но и диспозитивные нормы²⁶⁴.

В теории выделяются такие признаки торгового обычая, как единообразие, повторяемость, известная продолжительность существования во времени и в пространстве, определенность, допущенная законодателем, а также

---

²⁶³ Polanski P.P. Towards a supranational Internet law // Journal of International Commercial Law and Technology. 2006. Vol. 1. Iss. 1. P. 4.

²⁶⁴ Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Обычай в гражданском праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 62 - 72.

непротиворечие добрым нравам и публичному порядку²⁶⁵. В этой связи очень важное значение приобретает формирование принципов правового регулирования внешней торговли услугами, так как именно принципы как императивные нормы образуют категорию публичного порядка в международном частном праве. Через подчинение категории публичного порядка обычай связан с государственной властью.

Именно через признание со стороны государства международный обычай отличается от практики или обыкновения. В этой связи в доктрине международного права сформировалась теория молчаливого согласия или подразумеваемого одобрения, согласно которой бездействие государства представляет собой согласие со сложившейся практикой и свидетельствует о ее признании²⁶⁶. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» отражена общая мировая тенденция к возможности использования норм права, которые не санкционированы государством, а отражают общие принципы, обычаи и развитие международной торговой практики.

Итак, обычай является одним из важных источников регулирования внешней торговли услугами в цифровой экономике. Обычай заполняет пробелы в нормативном регулировании (*Consuetudo secundum legem*) и с учетом экстерриториальности рассматриваемых отношений представляет собой модель правовой гармонизации или даже унификации, которая распространяется за пределы государственных границ и государственного управления.

Международный обычай открывает возможности появления договоров, не подчиненных никакой правовой системе²⁶⁷, что особенно актуально в условиях наличия трудностей определения применимого права, связанных с

---

²⁶⁵ Международное частное право: Учебник / Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. М., 2015. Т. 1: Общая часть. С. 315.

²⁶⁶ Ромашев Ю.С. Признание практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*) при формировании международного обычая // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 124 - 148.

²⁶⁷ Михайлова Л.А. Негосударственное регулирование в сфере трансграничных агентских отношений // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3. С. 168 - 176.

технологическими особенностями бизнеса в цифровой экономике.

Таким образом, несмотря на появление феномена платформенного права, обычай *lex mercatoria* сохраняет свою значимость и развивается в сфере внешней торговли услугами. Основанный на длительной практике неоднократного применения и на признании со стороны государства, в отличие от права платформ, обычай отражает баланс частных интересов субъектов предпринимательской деятельности и публичных интересов государства.

В целом наблюдается переосмысление правотворческой функции государства и роли предпринимательского сообщества в регулировании своих отношений. Вместе с тем, Ю.С. Харитоновна верно отмечает, что регулирование общественных отношений частными лицами в любом случае осуществляется в рамках принципа верховенства закона и обеспечивается мерами государственного принуждения²⁶⁸. Действительно, в правовой природе негосударственных регуляторов (обычая и актов саморегулирования) есть властный, государственный элемент в виде признания со стороны государства либо в виде делегирования. Право платформ также обеспечивается силой государственного принуждения в рамках принципа автономии воли и верховенства закона. Право платформ имеет договорную природу, а потому также обеспечивается силой государственного принуждения при помощи любых способов защиты права, предусмотренных гражданским законодательством.

Саморегулирование

И.А. Покровский отмечал, что по мере общественного развития и технического прогресса отношения все более и более проникаются частноправовыми началами²⁶⁹.

В отсутствие позитивного правового регулирования в условиях цифровой экономики проявляется тенденция к саморегулированию общественных

---

²⁶⁸ Харитоновна Ю.С., Сунь Ци. Цифровизация общественных отношений и верховенство закона: опыт переосмысления в России и Китае // Гражданское право. 2022. № 2. С. 3 - 8.

²⁶⁹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 44.

отношений²⁷⁰.

В отличие от вышеуказанных явлений, саморегулирование по своей правовой природе является методом правового регулирования, а не источником права. Вместе с тем, акты саморегулирования (правила, кодексы профессиональной этики и др.) могут быть также признаны неформальными регуляторами.

В теории саморегулирование — это институт, в рамках которого группой экономических агентов создаются правила, не противоречащие установленным нормам права и регулирующие хозяйственную деятельность самих этих агентов, а объекты регулирования имеют возможность легитимно управлять поведением регулятора²⁷¹. Кроме того, неотъемлемой чертой саморегулирования выступает принцип дополнительной ответственности членов организации, который реализуется через механизм страхования ответственности и/или создания компенсационного фонда.

Существует и более широкий подход к определению саморегулирования, когда под ним понимается вся совокупность неформальных регуляторов²⁷². С этих позиций саморегулированием признается деятельность инвестиционной платформы, которая выступает посредником и доверительным управляющим инвестиционного пула²⁷³.

Как указывает Е.П. Губин, саморегулирование не заменяет государственное регулирование и представляет собой способ координации участников хозяйственной деятельности между собой и с государством²⁷⁴. В настоящее время саморегулируемые организации признаются институтами устойчивого

---

²⁷⁰ Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2019. С. 11.

²⁷¹ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 32.

²⁷² Мучак Р.И. Саморегулирование делового оборота участниками международных контрактов: Автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М., 2013. С. 19.

²⁷³ Белицкая А.В. Правовое обеспечение инвестирования в цифровой экономике // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 325 - 335.

²⁷⁴ Губин Е.П. Государство и бизнес в условиях правовых реформ // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 23 - 30.

развития²⁷⁵.

По смыслу норм Федерального закона от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» государство может передавать часть своих функций саморегулируемым организациям, делегируя им, например, контрольные полномочия. Иными словами, саморегулирование производно от нормативного правового регулирования и от властных полномочий государства. Е.А. Абросимова относит саморегулируемые организации к категории организаторов торгового оборота и при этом отмечает, что особенность правовой природы саморегулируемых ассоциаций среди других НКО состоит в наличии полномочий государственного регулирования, а именно контрольных, управленческих и организационных функций²⁷⁶.

В исследуемой сфере внешней торговли услугами саморегулирование также должно быть делегированным, то есть исходящим от государства и обязательным. Возможность осуществления определенного вида предпринимательской или профессиональной деятельности в сфере внешней торговли услугами должна быть обусловлена членством в саморегулируемой организации. Например, можно предложить обязательное членство в СРО для операторов цифровых платформ, а также для распространителей цифрового контента и агрегаторов облачных сервисов.

Использование саморегулирования в сфере цифровых технологий является уже сложившейся закономерностью и мировой тенденцией. Так, саморегулирование цифровых платформ практикуется в Великобритании и США²⁷⁷, а также в Китае²⁷⁸. В частности, в Китае цифровые платформы обладают полномочиями требовать от клиентов исполнения публично-правовых

---

²⁷⁵ Губин Е.П. Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 36 - 46.

²⁷⁶ Абросимова Е.А. Роль саморегулируемых ассоциаций в предотвращении торговли контрафактной продукцией: правовые аспекты // Гражданское право. 2020. № 2. С. 22 - 25.

²⁷⁷ Бикбулатова Ю.С., Дупан А.С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. 2022. № 2. С. 211 - 219.

²⁷⁸ Харитонова Ю.С., Ян Т. Рекомендательные системы: выработка правовых подходов в России и Китае // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 50 - 58.

обязанностей²⁷⁹.

В российской литературе отмечается тенденция к укреплению самоуправленческих начал и саморегулированию в управлении различными общностями и процессами в эпоху цифровизации²⁸⁰.

В сфере внешней торговли услугами саморегулирование проявляется в двух измерениях.

Во-первых, крупные цифровые платформы обычно устанавливают высокие стандарты качества реализуемых товаров и услуг. Соблюдение таких стандартов может быть обеспечено путем саморегулирования²⁸¹.

Например, в настоящее время на ряде платформ существует endorsement badge (значок одобрения) – знак качества, присваиваемый на основании автоматизированного анализа цены услуг, рейтинга исполнителя и количества завершённых заказов²⁸². В таком случае цифровые платформы могли бы выступать как объединения поставщиков услуг (исполнителей).

Операторы платформ создают правила поведения и могут контролировать допуск пользователей в систему по критерию соблюдения ими установленных правил, что создает сходство платформ с саморегулируемыми организациями, хотя пользователи платформ в отличие от членов саморегулируемой организации не принимают участия в разработке правил. Кроме того, функционал платформ не сводится к потенциальному саморегулированию: платформы формируют инфраструктуру, осуществляют разрешение споров и т.д.

Во-вторых, на территории России предпринимались попытки создания саморегулируемой организации в сфере интернет-торговли, включая оказание услуг.

Например, существует Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ),

²⁷⁹ Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8(390). С. 5 -13.

²⁸⁰ Белых В.С., Болобонова М.О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5 - 14.

²⁸¹ Gutbrod M. Digital transformation in economy and law // Digital Law Journal. 2020. № 1. P. 12 - 23 // URL: <https://doi.org/10.38044/DLJ-2020-1-1-12-23> (дата обращения 20.08.2022).

²⁸² Bairathi M., Zhang X., Lambrecht A., The Value of Platform Endorsement. 2022 // URL: <https://ssrn.com/abstract=4144605> (дата обращения 20.08.2022).

уставными целями которой являются, в том числе, координация предпринимательской деятельности членов в области интернет-торговли товарами, работами и услугами в России, противодействие монополизму и т.д. В 2017 году АКИТ должна была получить статус саморегулируемой организации²⁸³, однако инициатива не была реализована. Потенциально АКИТ или аналогичная ей организация могли бы выступать в качестве добровольного объединения операторов цифровых платформ как информационных посредников или объединения поставщиков услуг (исполнителей).

Несмотря на перечисленные попытки, в России саморегулируемые организации, ориентированные на внешнюю торговлю услугами в цифровой экономике, отсутствуют.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в регулировании внешней торговли услугами происходит трансформация принципов и методов регулирования, обусловленная процессами цифровизации и обновления бизнес-моделей. Формируется «право платформ», которое фактически становится новым источником права наряду с нормативными правовыми актами. С учетом сочетания частных и публичных элементов в регулировании предпринимательской деятельности одним из наиболее подходящих методов правового регулирования внешней торговли услугами в цифровой экономике является саморегулирование.

Таким образом, механизм правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами включает комплексное государственное и негосударственное регулирование.

---

²⁸³ В РФ появится организация для решения проблем с интернет-магазинами в досудебном порядке // URL: https://tass.ru/ekonomika/3864153?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 14.05.2022).

Глава 3. Договоры оказания услуг в сфере внешней торговли в условиях развития цифровой экономики

§ 1. Договорные конструкции при использовании цифровых платформ в сфере внешней торговли услугами

В предыдущих главах исследования обоснован тезис о том, что в цифровой экономике многие традиционные услуги реализуются через платформы. Оператор платформы является посредником между заказчиком и исполнителем в экономическом смысле, тогда как юридически структура договорных связей может быть разной.

Каждая сторона договора, заключаемого посредством использования платформы, связана с оператором платформы договорными отношениями, однако стороны договора, заключаемого посредством использования платформы, определяют существенные условия и заключают его самостоятельно. Иными словами, оператор платформы обеспечивает доступ заказчика и исполнителя в одну информационную систему на основании вспомогательного организационного договора, а основной договор заключается непосредственно между ними без участия оператора.

В.Ф. Попондопуло сравнивает отношения в цифровых информационных системах с отношениями по проведению организованных торгов: подобно тому, как различаются договоры, совершаемые в ходе торгов и договоры оказания услуг по проведению торгов, автор предлагает различать договоры, совершаемые в цифровой информационной системе, и договор оказания услуг по предоставлению информации со стороны оператора цифровой информационной системы²⁸⁴.

Аналогичный подход обоснован в первой главе диссертации и содержится, например, в ст. 2 проекта Директивы ЕС о посреднических онлайн-платформах, где приведены три вида договоров: (1) *supplier-customer contract* – основной договор между заказчиком и исполнителем; (2) *platform-customer contract* –

---

²⁸⁴ Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29 - 36.

договор между оператором платформы и клиентом (заказчиком по основному договору) об использовании платформы; (3) platform-supplier contract – договор между оператором платформы и поставщиком (исполнителем по основному договору) об использовании платформы. Содержание данных соглашений и их существенные условия Директива не раскрывает, но позволяет дифференцировать договоры, опосредующие отношения на платформе.

Как установлено в первой главе исследования, цифровые посредники, как правило, действуют на основании договоров о допуске к сетевой инфраструктуре.

Вопрос о правовой природе указанных договоров является дискуссионным. В регулировании внешнеэкономической деятельности этот вопрос приобретает особо важное значение, потому что для разных видов договоров применяются разные критерии установления иностранного элемента и разные коллизионные привязки. Например, в отношениях по оказанию услуг иностранный элемент может быть определен по месту нахождения сторон независимо от места оказания услуг²⁸⁵. Договор аренды регулируется вещным статутом (ст. 1205-1207 ГК РФ), договор оказания услуг и лицензионные соглашения – обязательственным статутом (ст. 1211 ГК РФ). Кроме того, различается форма сделки. Например, лицензионный договор по общему правилу заключается в письменной форме, несоблюдение которой влечет его недействительность (п. 2 ст. 1235 ГК РФ), а к договору оказания услуг такая норма не применяется.

Для решения перечисленных вопросов рассмотрим правовую природу пользовательских соглашений (договоров о допуске к сетевой инфраструктуре).

1. Правовая природа договора о допуске к сетевой инфраструктуре

Договор о допуске к сетевой инфраструктуре заключается между оператором платформы и каждым ее пользователем. В литературе ставится вопрос о том, с чем соглашается пользователь, принимая указанное соглашение – с

---

²⁸⁵ Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. М.: Международные отношения, 2019. С. 546.

условиями использования сайта как цифровой платформы или с условиями договора, заключаемого посредством этого сайта²⁸⁶. Представляется, что по вышеописанной модели пользовательское соглашение определяет условия доступа к сайту как площадке взаимодействия между заказчиками и исполнителями.

Например, отношения, формирующиеся на инвестиционных платформах, являются разновидностью указанной модели. По смыслу ст. 3 Закона № 259-ФЗ оператор платформы заключает с пользователями договоры оказания услуг по привлечению инвестиций (с эмитентами) и договоры оказания услуг по содействию в инвестировании (с инвесторами), предметом которых является доступ пользователей к инвестиционной платформе, на которой заключается договор инвестирования.

Правовая природа пользовательских соглашений не является однозначной: могут быть выделены элементы лицензионного договора, агентского договора, договора оказания услуг²⁸⁷.

Элементы лицензионного договора

По лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах (абз. 1 п. 1 ст. 1235 ГК РФ).

С одной стороны, традиционно использование программ для ЭВМ оформляется лицензионным договором. С другой стороны, тождественность понятий цифровой платформы и программы для ЭВМ не подтверждена. Отдельные элементы сетевой инфраструктуры, к которым пользователь получает доступ, не обязательно являются самостоятельными охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности. Следовательно, лицензионный договор не

---

²⁸⁶ Сергеева О.В. Влияние цифровизации на преддоговорные отношения в международном частном праве / Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 162 - 184.

²⁸⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2019 № 09АП-53631/2019 по делу № А40-106484/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

является надлежащим способом оформления отношений по допуску к сетевой инфраструктуре.

Кроме того, функционал оператора платформы существенно шире, чем только лишь предоставление допуска на сайт. Так, А.А. Карцхия отмечает, что цифровые платформы имеют сложный комплексный характер, сочетающий множество программных алгоритмов (компьютерных кодов), технологического оборудования, облачных вычислений, больших баз данных, а также других цифровых технологий, в связи с чем определение владельца агрегатора лишь как владельца программы ЭВМ или сайта является упрощенным и схематичным²⁸⁸. Деятельность агрегаторов не только охватывает предоставление информации о товарах (услугах), обеспечение возможности заключения и оплаты договора, но и предполагает множество дополнительных услуг для пользователей в контексте обеспечения бесперебойного взаимодействия между пользователями.

В пользовательских соглашениях распространенных цифровых платформ (Яндекс-услуги, eBay и др.) отсутствуют условия о передаче пользователю права использования результатов интеллектуальной деятельности. Напротив, как следует из тезисов, приведенных в 1 главе диссертации, функция оператора платформы состоит в предоставлении услуг доступа на электронную площадку, где пользователи взаимодействуют между собой.

С практической точки зрения в цифровой экономике модель лицензионного договора не позволяет обозначить территорию, на которой допускается использование программы. По смыслу п. 3 ст. 1235 ГК РФ в лицензионном договоре предполагается наличие условий о территории, на которой допускается использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности²⁸⁹. В цифровой экономике с учетом глобального характера сети Интернет не имеет смысла ограничивать территорию границами одного государства.

При этом согласно п. 8 ст. 1211 ГК РФ если использование результата

---

²⁸⁸ Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25 - 28.

²⁸⁹ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 557.

интеллектуальной деятельности разрешается на территориях одновременно нескольких стран, то к отношениям сторон применяется право страны, где находится место жительства или основное место деятельности лицензиара (правообладателя). Большинство операторов предлагающих цифровых платформ расположены в США (77,5%)²⁹⁰. Это значит, что большая часть пользовательских соглашений между субъектами предпринимательской деятельности будет регулироваться американским правом, что представляется несправедливым. Как в данном случае разрешается конфликт между коллизионной привязкой лицензионного соглашения (право страны лицензиара) и договора с участием потребителя (право страны потребителя)? Однозначный ответ на этот вопрос отсутствует, в связи с чем возникает правовая неопределенность.

Представляется, что не только формально юридически, но и практически модель лицензионного договора к пользовательскому соглашению не применима, что подтверждается в том числе анализом действующих пользовательских соглашений.

Элементы агентского договора

В агентском договоре одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению и за счет другой стороны (принципала) юридические и иные (фактические) действия либо от своего имени, либо от имени принципала (абз. 1 п. 1 ст. 1005 ГК РФ).

Предмет агентского договора составляет длящееся совершение агентом юридических и фактических действий. Договор применяется не для совершения агентом какой-либо одной конкретной сделки, а в целях длительного представления интересов принципала. Вместе с тем, потребители (заказчики по основным договорам) зачастую регистрируются на сайте для совершения разовых операций, а не систематического приобретения товаров и услуг.

Кроме того, тексты пользовательских соглашений, как правило прямо указывают на отсутствие агентских отношений.

---

²⁹⁰ Michels J., Millard Ch., Turtot F. Contracts for Clouds, Revisited: An Analysis of the Standard Contracts for 40 Cloud Computing Services // Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2020. №. 334. 80 p.

Согласно п. 5.4 Пользовательского соглашения сервиса Яндекс-услуги, Яндекс не является участником правоотношений, устанавливаемых между Пользователями по поводу согласования и оказания Услуг, в том числе не выполняет в ней функций агентирования, посредничества и представительства (за исключением случаев, когда между Яндексом и Пользователем, Яндексом и Партнером или Исполнителем заключены отдельные договоры/соглашения, устанавливающие иные условия)...²⁹¹

Ю.С. Гамбаров относил агентский договор к числу фидуциарных сделок²⁹². Наличии лично доверительных отношений между оператором платформы и пользователями в парадигме автоматизации заключения и исполнения договоров в цифровой среде представляется невозможным. Как указано в главе 1, личность исполнителя в эпоху цифровизации не имеет определяющего значения в исполнении договора.

Следовательно, отношения между оператором платформы и пользователями не соответствуют правовой природе агентского договора.

Элементы договора возмездного оказания услуг

Согласно п. 1 ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

В качестве предмета исполнения по рассматриваемому договору выступает полученный заказчиком полезный эффект от совершения исполнителем определенных действий либо осуществления им определенной деятельности, причем важнейшей характеристикой является качество услуг²⁹³. Смысл использования цифровых платформ состоит в том, чтобы создать площадку для взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности между собой и с потребителями.

---

²⁹¹ URL: https://yandex.ru/legal/uslugi_termsofuse/ (дата обращения: 01.12.2022).

²⁹² Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. I. Часть общая. СПб., 1911. С. 734.

²⁹³ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 637.

Исходя из содержания правоотношений между цифровыми посредниками и пользователями, рассмотренных в главе 1 настоящей диссертации, под действиями (деятельностью) исполнителя понимается поддержание работоспособности платформы, обеспечение бесперебойного доступа к ней, предоставление пользователям информации о реализуемых посредством платформы товарах, работах и услугах.

Согласно преамбуле Пользовательского соглашения ресурса YouDo.com, Компания предлагает услуги (Сервисы) Сайта на условиях, являющихся предметом Соглашения об использовании Ресурса youdo.com. Согласно п. 8.1 Компания может оказывать пользователю Услуги по предоставлению информации о размещении на Сайте Задания Заказчика, а также услуги по предоставлению возможности оставить Предложение к заданию²⁹⁴.

По тексту пользовательского соглашения eBay деятельность оператора платформы также именуется услугами²⁹⁵.

Примечательно, что немецкое определение цифровой платформы опосредуется понятием «посреднических услуг»²⁹⁶, что также косвенно свидетельствует о правовой природе складывающихся отношений.

Квалификация отношений по допуску к сетевой инфраструктуре в качестве оказания услуг подтверждается и многочисленной правоприменительной практикой. Во-первых, в судебной практике сложилась тенденция квалификации предоставления доступа к программному обеспечению в качестве договора возмездного оказания услуг²⁹⁷, либо смешанного договора с элементами оказания услуг²⁹⁸. Во-вторых, ФАС России также квалифицирует пользовательские

---

²⁹⁴ URL: <https://youdo.com/terms> (дата обращения: 01.12.2022).

²⁹⁵ URL: <https://www.ebay.com/pages/help/policies/user-agreement.html#2> (дата обращения: 01.12.2022).

²⁹⁶ Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8(390). С. 5 - 13.

²⁹⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2017 № 09АП-11464/2017 по делу № А40-190547/16, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2022 № 09АП-64168/2022-ГК по делу № А40-111861/2022, Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10.08.2017 № 02АП-5381/17 по делу № А28-2245/2017 // СПС «Консультант-Плюс».

²⁹⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2022 № Ф05-14395/2022 по делу № А40-188537/2021 // СПС «Консультант-Плюс».

соглашения как оказание услуг по обеспечению доступа к онлайн-платформам²⁹⁹. С учетом изложенного в цифровой экономике квалификация деятельности оператора платформы по предоставлению доступа в информационную систему (цифровую платформу) в качестве услуг сомнений не вызывает.

2. Признак возмездности в договоре оказания услуг по предоставлению доступа в информационную систему

Легальное определение договора оказания услуг предполагает его возмездный характер, в связи с чем необходимо рассмотреть вопрос встречного предоставления.

С субъектов предпринимательской деятельности, реализующих свои товары, работы, услуги посредством цифровой платформы, оператор может взимать комиссию за каждую сделку, совершенную на платформе. Кроме того, возможны комиссии за создание функционала обслуживания клиентов, за продвижение товаров, услуг или цифрового контента и др. В данном случае условие о необходимости встречного предоставления выполняется.

Намного сложнее выявить признак возмездности в отношениях между оператором платформы и пользователями, которые через платформы выступают потребителями, приобретая товары, работы и услуги.

С одной стороны, именно за счет средств потребителя субъект предпринимательской деятельности оплачивает комиссию оператору платформы, либо оператор платформы удерживает комиссию самостоятельно, если осуществляет обслуживание расчетов.

С другой стороны, формально юридически пользовательские соглашения не содержат условий о встречном предоставлении со стороны потребителей. Так, согласно п. 2.1 Пользовательского соглашения сервиса Яндекс-услуги, сервис предоставляет *бесплатную* функциональную возможность размещения, поиска и

---

²⁹⁹ Рекомендации Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий и Экспертного совета ФАС России по развитию конкуренции в сфере розничной торговли «О практиках в сфере использования информационных технологий в торговле, в том числе связанных с использованием ценовых алгоритмов» // URL: <https://fas.gov.ru/documents/684828> (дата обращения: 01.12.2022).

просмотра Объявлений и Заказов Пользователей, поиска Исполнителей, Откликов на Заказы, а также иные функциональные возможности³⁰⁰.

Допуск пользователя на платформу происходит без взимания платы, но сопровождается получением согласия на обработку персональных данных пользователя в определенном объеме. Потребители предоставляют свои данные, пользуясь бесплатными интернет-услугами³⁰¹. Но могут ли данные рассматриваться в качестве встречного предоставления?

По смыслу действующей редакции ст. 128 ГК РФ персональные данные, выступая разновидностью информации, не являются объектами гражданских прав. Более того, персональные данные представляют собой проявление личного неимущественного блага (личной и семейной тайны), указанного в п. 1 ст. 150 ГК РФ.

Принимая во внимание, развитие технологий и изменение бизнес-моделей, некоторые авторы, отмечая непригодность существующих юридических конструкций для современных экономических отношений, предлагают все же рассматривать данные как объект гражданских правоотношений³⁰² либо как товар³⁰³. Однако формально они таковыми не являются. Например, А.Г. Карапетов именно поэтому делает вывод о том, что пользовательские соглашения являются безвозмездными в контексте ст. 423 ГК РФ³⁰⁴.

По схожим причинам отношения не могут быть квалифицированы и в качестве мены. Ст. 567 ГК РФ в качестве предмета договора мены допускает только товар, ст. 2 Закона № 164-ФЗ также содержит закрытый перечень объектов бартерной сделки (товары, работы, услуги, РИД). Данные в указанный перечень не входят.

---

³⁰⁰ URL: https://yandex.ru/legal/uslugi_termsofuse/ (дата обращения: 01.12.2022).

³⁰¹ Calo R., Rosenblat A. The Taking Economy: Uber, Information, and Power // University of Washington School of Law Research Paper. 2017. № 8. P. 1623 - 1690.

³⁰² Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2019. С. 16; Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106 - 123.

³⁰³ Савельев А.И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. С. 481 - 543.

³⁰⁴ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. С. 215, 845 - 846.

В качестве дарения деятельность оператора платформы также не рассматривается. Как отмечал О.С. Иоффе, в актах дарения на первый план выступают не правовые, а чисто этические отношения³⁰⁵, тогда как в цифровой среде процессы автоматизированы, а субъекты зачастую выступают под логинами или аккаунтами. Кроме того, услуги не могут быть предметом дарения (п. 1 ст. 572 ГК РФ в качестве такового допускает только вещь или имущественное право). Невозможно обойти и запрет дарения между коммерческими организациями. Кроме того, безвозмездность дарения ограничивает ответственность дарителя за недостатки подаренного имущества и предполагает его право на отмену дарения, тогда как пользовательское соглашение зачастую содержит меры ответственности и не предполагает возможной «отмены», не имея ретроспективной силы.

У оператора платформы отсутствует намерение одарить (*animus donandi*). Цель оператора платформы по допуску пользователей вполне коммерческая: за счет привлечения большего количества пользователей увеличивается количество сделок и совокупный размер комиссии. Кроме того, увеличивается охват рекламы, о чем подробнее сказано ниже, а сами данные могут быть предоставлены третьим лицам на возмездных началах.

Так, согласно п. 7.2 Пользовательского соглашения ресурса YouDo.com, Пользователь выражает своё согласие на получение личных сообщений от Администрации в любое время и любого характера, в том числе и рекламного, по всем контактным адресам, указанным Пользователем. Согласно п. 2 Политики конфиденциальности ресурса YouDo.com, Компания осуществляет обработку информации о Посетителях (Пользователях), в том числе их персональных данных, с целью ... персонализации предоставляемых Сервисов и Услуг, направления любых уведомлений, сообщений, запросов и информации, касающихся использования Сервисов и Услуг, в том числе рекламных сообщений и таргетирования рекламных материалов в связи с использованием Ресурса...³⁰⁶

Е.Д. Шешенин предлагал включить в ГК РФ единый договор оказания услуг,

³⁰⁵Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 345.

³⁰⁶ URL: <https://youdo.com/terms> (дата обращения: 01.12.2022).

пригодный как для возмездных, так и для безвозмездных отношений³⁰⁷, однако идея не получила практической реализации. Обязательство дарения услуг обосновать с позиций экономического обмена невозможно.³⁰⁸ Договор оказания услуг должен быть возмездным.

В этой связи предлагается комплексно рассмотреть правоотношения, складывающиеся на цифровых платформах, с акцентом на целеполагание всех субъектов как основных, так и вспомогательных правоотношений.

В целом проблема осмысления различных субъективных прав и смежных правовых явлений изложена в статье В.С. Ема и Е.А. Суханова. Авторы отмечают, невозможность уложить содержание всего многообразия правоотношений в их в элементарную (стандартную) модель³⁰⁹.

В.В. Кулаков отмечает, что направленность договорных обязательств связана с основанием сделки (*causa*), и что именно общая цель позволяет разграничивать и выявлять неразрывно связанные правоотношения³¹⁰.

Примечательно, что в англо-американском праве вместо встречного предоставления, характерного для российского права, используется термин *consideration* (встречного удовлетворения), в качестве которого может выступать не только имущественный эквивалент, но и любая выгода, получаемая стороной.

Парадигма российского права встречное предоставление в отношениях между оператором платформы и пользователями позволяет усмотреть через концепцию связанных договоров. В советской теории права существовало понятие «сложная структура договорных связей». Н.И. Клейн исследовала данный термин применительно к договору поставки, который сопровождался договорами перевозки. В случае прекращения поставки, например, в результате издания административного акта, пролонгация договора перевозки становилась

---

³⁰⁷ Актуальные проблемы гражданского права: Учебник / Под ред. Р.В. Шагиевой. М.: Новая юстиция, 2019. С. 218. Автор главы – Е.Д. Шешенин.

³⁰⁸ Кулаков В.В. Сложные обязательства в гражданском праве: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 2011. С. 30.

³⁰⁹ Ем В.С., Суханов Е.А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 7 - 21.

³¹⁰ Кулаков В.В. Проблема определения сложных обязательств // Российский судья. 2009. № 8. С. 5 - 9.

экономически бессмысленной³¹¹. В настоящее время А.Е. Кирпичев, рассматривая взаимосвязанные договоры как единую связь, даже ставит вопрос о едином правоотношении³¹².

В целом современное российское позитивное право также знает институт связанных сделок. Легальное закрепление этот институт получил в виде понятия крупных сделок в ст. 78 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», а также в виде понятия взаимосвязанных сделок в ст. 61.2, 61.4 и других многочисленных нормах Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Представляется, что доктрина связанности сделок применима также к корпоративным договорам, заключаемым в ходе сделок М&А либо сделок по кредитованию бизнеса, механизмы которых описаны в работе Д.О. Бирюкова и И.С. Шиткиной³¹³.

В судебной практике связь одной сделки с другими учитывается для признания сделки невыгодной в рамках хозяйственной деятельности предприятия – см., например, абз. 4 п. 93 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07. 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Попытки возложения ответственности на операторов цифровой платформы также свидетельствуют о том, что правоприменитель усматривает связанность разных договоров, иногда и заключенных между разными лицами.

В сфере международного частного права судебная практика также учитывает критерии связанности договоров, определяя договорный статут. Так, в

---

³¹¹ Организация договорно-хозяйственных связей / Н.И. Клейн. М., 1976. С. 3.

³¹² Кирпичев А.Е. Односторонний отказ от взаимосвязанного договора // Закон. 2019. № 10. С. 161 - 170.

³¹³ Бирюков Д.О., Шиткина И.С. Корпоративный договор как правовой инструмент структурирования сделок в сфере предпринимательской деятельности // Хозяйство и право. 2020. № 3(518). С. 12 - 27.

п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» указано, что при оценке наличия иностранного элемента следует учитывать не только элементы конкретного договора, но и иные обстоятельства. Например, Верховный Суд допускает применение норм иностранного права к отношениям по договору поручительства, не осложнённого иностранным элементом, если им обеспечивается исполнение подчиненного иностранному праву основного обязательства, должником по которому выступает иностранная организация.

В негосударственных регуляторах связанность договоров также существует. Так, В.А. Белов (хотя и не употребляет термин связанности), в одной из своих работ описывает обычай оплаты услуг торгового посредника, способствовавшего заключению сделки только после исполнения такой сделки³¹⁴.

Возвращаясь к отношениям на цифровой платформе, отметим, что пользовательские соглашения со всеми отдельными пользователями и основные договоры представляют собой конструкцию, экономически выгодную для всех субъектов. Предприниматель получает возможность эффективной реализации своих товаров, работ, услуг, потребитель получает возможность поиска оптимального продукта, а оператор платформы получает материальную выгоду от этих процессов. Формально договоры являются самостоятельными, но результатом их параллельного заключения и исполнения становится лучшая доходность для всех сторон.

В Модельных правилах европейского частного права (Draft Common Frame of Reference, DCFR) содержится ст. II.-5:106, которая перечисляет признаки связанности договоров, среди которых упомянута схожая экономическая связь (similar economic link). Наличие института связанных договоров в акте мягкого права подтверждает тезис предыдущей главы о высокой значимости негосударственного регулирования отношений в цифровой экономике, в том числе

---

³¹⁴ Белов В.А. Торговые обычаи как источники международного торгового права: содержание и применение // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 1. С. 52 - 101.

в сфере внешней торговли услугами.

В российской литературе предлагаются следующие признаки связанности договоров: (1) единая экономическая цель; (2) перекрестные ссылки в договорах друг на друга; (3) высокая степень кооперации участников или хотя бы знание их друг о друге. Отмечается, что взаимосвязанность договоров может возникать, потому что стороны намеревались связать договоры (субъективный критерий, воля сторон), либо потому что договоры объединены общим экономический смыслом (объективный критерий)³¹⁵. Представляется, что для выявления связи между пользовательскими соглашениями и основными договорами применимы оба критерия. Экономический смысл описан выше, а с точки зрения субъективного критерия можно сказать, что пользователь не регистрировался бы на платформе без намерения заключения основного договора. При этом волевой критерий считается соблюденным, даже если контрагент не обязательно желает, а лишь допускает существование взаимосвязанного договора³¹⁶.

Конструкция связанных договоров применительно к рассматриваемому вопросу позволяет теоретически обосновать наличие встречного предоставления в пользовательском соглашении. В частности, А.Л. Маковский указывал: «для того, чтобы считаться «встречным», предоставление не обязательно должно быть предусмотрено тем же самым договором, что и «подарок». Оно может быть предметом *отдельной сделки и иногда даже с другим лицом*»³¹⁷. В продолжение этой мысли М.И. Брагинский писал: «то обстоятельство, что «дарение» причинно обусловлено встречным предоставлением со стороны «одаряемого» (*в том числе и по иной сделке*), бесспорно свидетельствует о том, что стороны, заключая договор дарения, на самом деле имели в виду сделку, совершаемую на возмездной основе, которую они хотели прикрыть сделкой дарения³¹⁸».

Таким образом, с учетом связанности договоров и сложной комплексной

---

³¹⁵ Гуна А.Н. Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 11. С. 52 - 95.

³¹⁶ Кирпичев А.Е. Односторонний отказ от взаимосвязанного договора // Закон. 2019. № 10. С. 161 - 170.

³¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно - предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996. С. 305. Автор главы – Маковский А.Л.

³¹⁸ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2002. Кн. 2. С. 670.

структуры правоотношений на цифровой платформе, условие о наличии встречного предоставления может быть выполнено как-то иначе, чем путем уплаты денежных средств со стороны потребителя оператору платформы.

При этом конкретный размер для установления признака возмездности не имеет значения. Условия эквивалентности и возмездности не тождественны. Так, Г.Ф. Шершеневич утверждал, что в возмездном договоре не существенно, чтобы оба действия были с экономической стороны эквивалентны, но необходимо, чтобы оба они представляли экономическую ценность³¹⁹. С.А. Карелина и И.В. Фролов также обращают внимание на соотношение данных терминов и их различия³²⁰.

Экономическая ценность пользовательских данных, как правило, опосредуется через рекламу, которая выступает основным способом монетизации данных и позволяет реализовать имущественный интерес оператора платформы. Специалисты отмечают рост цифровой рекламы, а также увеличение эффективности рекламы в связи с её персонификацией³²¹. Новые технологии являются средством создания рекламного продукта на основе информации о потребителях, собранной через платформы³²². Как правило, производится автоматическая обработка данных о пользователях цифровой платформы: история запросов, история покупок, геолокация, социально-экономические параметры и др. Основными технологиями сбора и обработки данных являются парсинг (сбор данных) и профайлинг (прогнозирование поведения аудитории, индивидуальный маркетинг)³²³.

На основе данных выявляются предпочтения пользователей. Чтобы предложить наиболее релевантные услуги, система использует алгоритм, основанный на автоматическом прогнозировании интересов пользователей путем

---

³¹⁹ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула.: Автограф, 2001. С. 320.

³²⁰ Карелина С.А., Фролов И.В. Договоры о переводе долга и возможность их оспаривания по п. 1 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Право и бизнес. 2018. № 3. С. 33 - 38.

³²¹ Мордовин А.В., Полусмакова Н.С. Цифровая реклама в кросс-канальных коммуникациях // Вестник ВГУИТ. 2017. № 4. С. 297-306; Digital Platforms and Antitrust. 2019 UK Report of the Digital Competition Expert Panel // URL: <https://www.bruegel.org/working-paper/digital-platforms-and-antitrust> (дата обращения 04.08.2022).

³²² Рахматуллин Т.Э. Цифровые технологии в рекламной деятельности: правовое регулирование // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 160 - 178.

³²³ Ксенофонтов О.М. E-Commerce: аспекты правового регулирования таргетированной рекламы в России / Право цифровой экономики: Ежегодник-антология / под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2020. С. 217 - 244.

сбора информации о предпочтениях. Алгоритм используется для выбора того, какие фрагменты информации наиболее актуальны для конкретного пользователя. Реклама, основанная на автоматизированной обработке персональных данных, называется таргетированной (целевой). Рекламодатели получают выгоду от более целенаправленной рекламы из-за более высокой вероятности того, что рекламируемый продукт действительно будет куплен пользователями, которым показано объявление.

Частным случаем таргетированной рекламы являются торги в реальном времени (англ. Real Time Bidding, RTB) – технология, позволяющая в режиме реального времени проводить электронные аукционы по распространению рекламы в сети Интернет на основании автоматизированной обработки данных о потребителях. Эта технология позволяет за доли секунд, пока у пользователя открывается страница сайта, провести в режиме реального времени автоматизированный аукцион между потенциальными рекламодателями за показ рекламного объявления соответствующему пользователю, основываясь на информации о нем³²⁴. Системы рекомендаций являются важнейшими компонентами архитектуры онлайн-платформ, обеспечивая таргетированную рекламу³²⁵. Без алгоритмической модерации и без предварительного сбора данных организация такой рекламы невозможна.

Согласно п. 6.1 и 6.2 Пользовательского соглашения сервиса Яндекс-услуги, Яндекс не гарантирует сохранность данных, размещенных в Сервисе... Информация и Контент, размещенные Пользователями в Сервисе, могут быть использованы Яндексом в иных сервисах и приложениях Яндекса, а также в *рекламных или маркетинговых материалах*, размещаемых на ресурсах Яндекса в сети Интернет, а также на иных ресурсах и сайтах в сети Интернет, для привлечения внимания других пользователей к Сервису в целом или к иным приложениям и сервисам Яндекса, товарам, работам и услугам третьих лиц... без

---

³²⁴ LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2021. С. 209.

³²⁵ Харитонов Ю.С., Ян Т. Рекомендательные системы: выработка правовых подходов в России и Китае // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 50 - 58.

необходимости получения специального разрешения Пользователя и без выплаты авторского вознаграждения, на территории всех стран мира без ограничения срока, с правом Яндекса предоставить права использования такой информации третьим лицам...³²⁶.

Таким образом, **пользовательское соглашение является договором возмездного оказания услуг**, в котором коммерческая цель оператора платформы по извлечению прибыли достигается через связанные с пользовательским соглашением договоры. Во-первых, оператор платформы может получать комиссию от каждой совершенной на платформе сделки. Во-вторых, оператор платформы может монетизировать пользовательские данные через распространение рекламы с применением технологий обработки данных по договорам возмездного оказания услуг с третьими лицами и/или через предоставление третьим лицам пользовательских данных за плату.

3. Элементы публичного договора в договоре оказания услуг по предоставлению доступа в информационную систему

В зарубежной литературе отмечается, что доминирующее положение цифровых платформ может причинить ущерб благосостоянию потребителей не только в формате повышения цен или ограничения объема производства, но и путем блокировки доступа новых участников на рынок³²⁷. Указанное замечание является верным, потому что цифровой инфраструктурой (платформами) владеют частные лица. Российский автор Н. Срничек отмечает, что платформы тяготеют к монопольным форматам за счет сетевых эффектов³²⁸.

Представляется, что по правовой природе цифровые платформы схожи с естественными монополиями, хотя и не поименованы в этом качестве в нормах действующего законодательства и не имеют установленных тарифов на свои услуги. А.Н. Варламова обращает внимание, что формально понятие

---

³²⁶ URL: https://yandex.ru/legal/uslugi_termsofuse/ (дата обращения: 01.12.2022).

³²⁷ Khan L. Amazon's Antitrust Paradox // Yale Law Journal. 2017. № 126.

³²⁸ Капитализм платформ / Срничек Н. Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 41, 46.

«естественная монополия» базируется на сугубо экономической категории «эффекта масштаба», суть которой состоит в уменьшении издержек с увеличением объема производства, и что этот эффект имеет место во многих сферах, а не только в перечисленных в Федеральном законе «О естественных монополиях» от 17.08.1995 № 147-ФЗ³²⁹.

В.А. Белов указывает, что важно определять критерии доминирующего положения хозяйствующих субъектов необходимо для того, чтобы понимать и применять последствия злоупотребления им³³⁰. Более того, и при наличии критериев хозяйствующий субъект не всегда может знать о том, что он занимает доминирующее положение на рынке, и данное обстоятельство не освобождает его от мер принудительного воздействия со стороны ФАС России³³¹. При этом для внешней торговли услугами в условиях цифровой экономики установить такие критерии затруднительно, как и в целом для цифровой торговли. Кроме того, в целом конкурентное право является областью публичного права, а потому проблемы установления доминирующего положения цифровых платформ и смежные проблемы в работе подробно не рассматриваются.

Представляется целесообразным применение частноправовых механизмов. В виду критического значения цифровых платформ в цифровых экосистемах, необходима квалификация пользовательского соглашения, опосредующего допуск в информационную систему, как публичного договора.

В силу п. 1 ст. 426 ГК РФ публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится...

Применение данной статьи возможно независимо от того, противостоит ли

---

³²⁹ Варламова А.Н. Публичные службы и публичный интерес в конкурентном праве // Конкурентное право. 2017. № 4. С. 3 - 7; 2018. № 1. С. 12 - 15.

³³⁰ Белов В.А. Гражданско-правовая природа сделок, представляющих собой акты злоупотребления доминирующим положением // Закон. 2015. № 9. С. 98 - 109.

³³¹ Белов В.А. Так что же такое конкурентное право? // Закон. 2020. № 2. С. 44 - 64.

коммерческой организации в качестве потребителя гражданин или юридическое лицо³³².

С точки зрения коллизионного регулирования правило о применении конструкции публичного договора должно быть сверхимперативной нормой (нормой непосредственного применения), применения которой нельзя избежать путем выбора иного применимого права. Указанное позволит применять правило об обязательном заключении пользовательского соглашения не только к отношениям с участием потребителя по правилам ст. 1212 ГК РФ, но и к отношениям между субъектами предпринимательской деятельности.

Представляется обоснованным внесение изменений в пункт 1 статьи 426 ГК РФ в виде дополнения: «1. Публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание, *допуск к сетевой инфраструктуре и иным цифровым технологиям* и т.п.).»

При этом в части применения модели публичного договора следует сделать важные оговорки:

Во-первых, включение допуска к сетевой инфраструктуре и иным цифровым технологиям в перечень публичных договоров не противоречит п. 2 ст. 426 ГК РФ, согласно которому в публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории. Как было установлено в предыдущем параграфе, оператор платформы получает встречное предоставление от потребителя не на основании пользовательского соглашения, а по результатам исполнения связанных с ним возмездных договоров,

---

³³² См п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49.

«О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. С. 294 - 305.

заключенных с третьими лицами.

Во-вторых, очевидно, что у оператора платформы должно быть право на отказ от договора либо на применение мер оперативного воздействия (например, блокировки доступа, удаления аккаунта или иного ограничения прав пользователя) в случае нарушения норм действующего законодательства или правил пользования платформой со стороны пользователя. Если применительно к другим видам публичных договоров имеется специальное регулирование (например, Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ, Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ, а также многочисленные правила оказания услуг и другие подзаконные акты), то применительно к пользовательским соглашениям специальное регулирование пока отсутствует. В условиях отсутствия утвержденных типовых правил пользования цифровыми платформами либо аналогичного нормативного акта появляется поле для злоупотреблений со стороны операторов платформ, причем данная проблема находится на стыке частного и публичного права. О том, что отношения на цифровых платформах регулируются нормами предпринимательского, потребительского, антимонопольного и некоторых других отраслей законодательства, упоминают Е.П. Губин и Ю.С. Харитонов³³³. Также в литературе отмечается, что сверхимперативными являются положения частного права, выражающие публичные интересы, а также предписания, являющиеся продолжением публично-правовых начал в частном праве³³⁴. Действительно, соблюдение порядка заключения договора находится в сфере гражданского права, тогда как оценка правил допуска на платформу на предмет отсутствия злоупотребления доминирующим положением и необоснованного отказа в допуске находится в сфере предпринимательского права.

Отдельно следует обратить внимание на правовое основание возможного отказа оператора платформы от договора. Из совокупного толкования пункта 2

---

³³³ Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8(390). С. 5 - 13.

³³⁴ Жильцов А.Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 7.

статьи 310 ГК РФ и пункта 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» следует, что со стороны предпринимателя отказ от договора с потребителем возможен «только в специально установленных законом или иными правовыми актами случаях». Подробное описание правовых проблем одностороннего отказа от договора приведено в работе Л.Ю. Михеевой³³⁵. Применительно к исследуемой сфере необходимые нормы отсутствуют, что является существенным пробелом.

В-третьих, как уже было упомянуто, цифровая платформа, а тем более иные элементы цифровой экосистемы, в ряде случаев могут представлять собой самостоятельный охраняемый результат интеллектуальной деятельности. В соответствии со ст. 1229 ГК РФ правообладатель может по *своему усмотрению* разрешать или запрещать использование результата интеллектуальной деятельности. В таком случае включение услуг допуска к сетевой инфраструктуре и иным цифровым технологиям в перечень публичных договоров вступает в противоречие с нормами ст. 1229 ГК РФ. Вопросы принудительного лицензирования в цифровой среде исследованы с теоретической точки зрения³³⁶, но пока не урегулированы законодательно. Разрешение данной коллизии видится в рассмотрении пользовательского соглашения именно как договора возмездного оказания услуг, который предполагает получение пользователем полезного эффекта от оказания ему услуги допуска и не предполагает предоставления права использования результатов интеллектуальной деятельности.

В-четвертых, согласно ч. 4 ст. 10 и ч. 9 ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» требования данного Закона о запрете на злоупотребление доминирующим положением и ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов не распространяются на действия правообладателей по осуществлению исключительных прав на объекты

---

³³⁵ Михеева Л.Ю. Отказ от договора: некоторые практические рекомендации сторонам обязательств // *Хозяйство и право*. 2017. № 2(481). С. 21 - 34.

³³⁶ Ворожевич А.С. Исключительные права в цифровой сфере: объекты, границы, пределы осуществления (комментарий законодательства) // *Современные информационные технологии и право: монография / отв. ред. Е.Б. Лаутс*. М.: Статут, 2019. С. 208 - 233.

интеллектуальной собственности. Таким образом, ряд сделок, заключаемых в цифровой среде, находится вне сферы контроля ФАС России. Разрешение данной коллизии и распространение компетенции регулятора на такие сделки снова видится в рассмотрении пользовательского соглашения именно как договора возмездного оказания услуг, который предполагает получение пользователем полезного эффекта от оказания ему услуги допуска и не предполагает предоставления права использования результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, цифровые платформы как ключевой элемент цифровой инфраструктуры и как основа цифровых экосистем должны быть открытыми для пользователей. Частноправовым средством обеспечения открытости цифровых платформ представляется конструкция публичного договора применительно к пользовательскому соглашению, которая будет эффективной в совокупности с методами антимонопольного (публичного) регулирования. Пользовательское соглашение по правовой природе является договором возмездного оказания услуг, от заключения которого оператор платформы по общему правилу не может отказаться.

§ 2. Виды договоров оказания цифровых услуг

1. Правовая природа облачных сервисов

Ключевым цифровым ресурсом, то есть наиболее распространенным видом цифровых услуг, являются облачные сервисы или вычисления (cloud computing).

В Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» облачные вычисления определяются как информационно-технологическая модель обеспечения повсеместного и удобного доступа с использованием сети «Интернет» к общему набору конфигурируемых вычислительных ресурсов («облаку»), устройствам хранения данных, приложениям и сервисам, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены от нагрузки с минимальными эксплуатационными затратами или практически без участия провайдера.

В российской литературе под «облачными» понимают любые услуги, вычислительные мощности, ресурсы, предоставляемые пользователю на расстоянии, через сеть Интернет³³⁷. Под облачными технологиями понимают «технологии распределенной обработки данных, которые предоставляют пользователям компьютерные ресурсы и мощности в качестве интернет-сервиса»³³⁸. На первый взгляд данные определения является слишком обобщенным, однако в дальнейшем с учетом многообразия облачных сервисов и их классификации подтверждается обоснованность такого подхода.

Интересна проблема, обозначенная Н.В. Щербак применительно к исследуемым общественным отношениям. Автор указывает, что возникает сложный вопрос применимого права, если с помощью облачных сервисов создается новое программное обеспечение, согласно коллизионной норме 1256 ГК РФ, автор программы определяется по закону той страны, где имел место

---

³³⁷ Елин В.М. «Облачные» услуги и особенности их правового регулирования в Российской Федерации // Информационное право. 2017. № 4. С. 28 - 33.

³³⁸ Щербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 99 - 134.

юридический факт, послуживший основанием для приобретения авторских прав³³⁹. Данная проблема имеет сходство с изложенными в главе 1 вопросами места нахождения сторон сделки и их коммерческих предприятий в цифровой среде.

За рубежом под облачными сервисами понимается обеспечение сетевого доступа по требованию к вычислительными ресурсным пулам (сетям, серверам, системам хранения, приложениям, сервисам), которые могут быть быстро предоставлены с минимальными усилиями по управлению и взаимодействию с поставщиком услуг³⁴⁰. Синонимами облачных вычислений (услуг) являются вычисления по запросу, информационные утилиты, Интернет как платформа и другие понятия.

Можно выделить три основных вида облачных услуг: *infrastructure as a service* – инфраструктура как услуга, *platform as a service* – платформа как услуга и *software as a service* – программное обеспечение как услуга. В договорах типа *IaaS* (инфраструктура как услуга) провайдер предоставляет заказчику виртуальные сервера или хранилища, на которые пользователь может загрузить свои данные, установить собственный компьютерный код или операционную систему. Указанные объекты могут использоваться неограниченным количеством клиентов, оплата производится за время использования таких объектов. Услуги типа *PaaS* (*platform as a service* – платформа как услуга) являются более сложными: пользователю предоставляется не только сервер или хранилище, но и программное обеспечение, которое позволяет создавать, изменять и поддерживать полный цикл работы веб-приложений, а также производить обработку и мониторинг данных. Примером может служить предоставление услуг хостинга для веб-сайтов. Услуги типа *SaaS* (*software as a service* – программное обеспечение как услуга) представляют собой уже готовое приложение³⁴¹. По последней модели

---

³³⁹ Щербак Н.В. Digital art в условиях электронной коммерции // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43 - 61.

³⁴⁰ Mell P. The NIST Definition of Cloud Computing: Recommendations of the National Institute of Standards and Technology. 2011 // URL: <http://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/Legacy/SP/nistspecialpublication800-145.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

³⁴¹ Shirole S, Khanuja H. Cloud Computing – a Survey on Cloud Computing Platforms and Service Offerings. 2022. 10 p.

функционируют социальные сети и мессенджеры (Facebook, Instagram, Twitter), системы управления проектами (Teamwork), платежные сервисы (PayPal) и иные ПО (Adobe, Microsoft Office, iOS)³⁴². Ожидается активное развитие относительно нового сегмента рынка облачных сервисов по аварийному восстановлению — DRaaS (disaster recovery as a service)³⁴³.

Указанные виды услуг объединяет то, что клиент (заказчик) не приобретает в собственность оборудование, сервер либо программное обеспечение, а получает право на доступ и временное использование соответствующего цифрового продукта. Сущность облачных сервисов заключается в том, что программы и данные не находятся на локальном устройстве, а располагаются в «облаке», состоящем из нескольких удаленных и взаимосвязанных серверов.

За рубежом существует два подхода к регулированию облачных сервисов. Американский подход к реализации «цифровых товаров» применяет правила ГАТТ, а при европейском подходе содержание электронной торговли относят к услугам, применяя ГАТС³⁴⁴.

В российском законодательстве отсутствует отдельный вид договора, опосредующий облачные вычисления. Выделяются две основные относительно-правовые концепции виртуального имущества – лицензионная, рассматривающая его через призму лицензионного договора, и сервисная, рассматривающая эти отношения как оказание услуг³⁴⁵. Договор на использование облачного хранилища может быть квалифицирован в качестве договора аренды, лицензионного договора, договора возмездного оказания услуг, смешанного договора, непоименованного договора³⁴⁶.

// URL: <https://ssrn.com/abstract=4161640> (дата обращения: 20.01.2021).

³⁴² Елин В.М. Облачные услуги и особенности их правового регулирования в Российской Федерации // Информационное право. 2017. № 4. С. 28 - 33; Michels J., Millard Ch., Turtot F. Contracts for Clouds, Revisited: An Analysis of the Standard Contracts for 40 Cloud Computing Services // Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2020. №. 334. 80 p.

³⁴³ Востребованность «сквозных» цифровых технологий: облачные сервисы URL: <https://issek.hse.ru/news/263497300.html> (дата обращения 20.03.2022).

³⁴⁴ Заливако С.Г., Филиппова А.В. Переговоры по электронной коммерции в рамках ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. №7. С. 43 - 61.

³⁴⁵ Четвергов Д.С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 33 - 39.

³⁴⁶ Таран К.К. Правовая характеристика договора, регламентирующего отношения по использованию облачного хранилища информации в России и США // Право и экономика. 2018. № 12. С. 45 - 52.

Элементы лицензионного договора в облачных сервисах

С позиций права интеллектуальной собственности программное обеспечение (облако) представляет собой программу для ЭВМ как объект авторского права, что непременно порождает необходимость исследовать возможность применения лицензионного договора, на основании которого лицензиату предоставляется право использования результата интеллектуальной деятельности (п. 1 ст. 1235 ГК РФ).

Однако технологически облачное хранилище не всегда является отдельным результатом интеллектуальной деятельности, а лишь является частью более масштабной системы, управляемой программным обеспечением, которое находится в пользовании провайдера на основании лицензионного договора. Так, обычно правообладатель программы для ЭВМ предоставляет её в пользование облачному провайдеру³⁴⁷. Сами по себе отдельные вычислительные мощности не могут выступать объектами лицензионного договора, невозможно предоставить лицензию провайдеру в целом на информационную систему и отдельным лицам на её составляющие³⁴⁸.

Кроме того, экземпляр программы не передается пользователю и на устройство пользователя программа не устанавливается. Пользователь лишь заходит в приложение или на интернет-сайт облачного провайдера, при необходимости идентифицируется и получает доступ к функционалу программы, то есть извлекает из нее полезные свойства, что не подпадает под понятие использования по ст. 1270 ГК РФ. Право монополю использовать программу в коммерческой деятельности играет не основную роль, так как целью заказчика является удовлетворение своей потребности в вычислительных мощностях, по сути их потребление³⁴⁹.

---

³⁴⁷ Рагозина В.В. Правообладатель программы для ЭВМ и облачный провайдер: особенности соглашений в сфере облачных технологий // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 6. С. 53 - 62.

³⁴⁸ Савельев А.И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 7 - 15.

³⁴⁹ Глонина В.Н. Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 43 - 53.

Например, сервис Embedika³⁵⁰ позволяет производить сравнение документов, как текстовый редактор Microsoft Word, а также осуществляет проверку договора на соответствие нормам законодательства с выявлением рисков, как конструктор договоров КонсультантПлюс. При этом Microsoft Word и КонсультантПлюс используются заказчиками на основании лицензионных договоров и технологически устанавливаются на устройства пользователя, тогда как Embedika работает по модели облачного сервиса.

Кроме того, вопросы обеспечения безопасности и неприкосновенности данных, в том числе судьба данных по окончании срока действия договора, свидетельствуют о том, что предмет договора не коррелирует с лицензионным соглашением, а услуги доступа к вычислительным мощностям сопровождаются услугами по технической поддержке, что также не соответствует предмету лицензионного соглашения.

Элементы договора аренды в облачных сервисах

По договору аренды арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование (п. 1 ст. 606 ГК).

Многие специалисты утверждают, что отношения по использованию вычислительных мощностей выстроены по модели аренды с применением ст. 606 ГК РФ³⁵¹. На практике, например, провайдер 1С предоставляет свои программные продукты, определяя отношения как аренду программного комплекса³⁵². В частности, существует понятие непосessorной аренды, которая предполагает передачу лишь права пользования без права владения. Можно предположить, что удаленное пользование чужим компьютером и вычислительными мощностями представляет собой именно непосessorную аренду. Однако облачные сервисы направлены на расширение возможностей собственной техники пользователя, а не на простое использование чужой техники.

---

³⁵⁰ URL: <https://embedika.ru/services> (дата обращения: 01.12.2022).

³⁵¹ Жарова А.К., Демьянец М.В., Елин В.М. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2014. С. 202.

³⁵² URL: <http://arenda1c.ru/> (дата обращения: 01.12.2022).

Кроме того, вычислительные мощности не являются индивидуально-определенной вещью, тогда как предметом договора аренды могут быть только индивидуально определенные непотребляемые вещи, подлежащие возврату.

Пользователь применяет различный объем мощностей в зависимости от потребностей и оплачивает только те вычислительные мощности, которые он задействовал³⁵³. В 3 параграфе настоящей главы сказано об абонентском характере договора об использовании облачных сервисов. Синаллагматический же характер договора аренды предполагает, что обязанность арендатора по оплате арендуемого имущества обусловлена исполнением обязанности по передаче вещи со стороны арендодателя (п. 1 ст. 328 ГК).

Элементы договора возмездного оказания услуг в облачных сервисах

С позиции договора оказания услуг (п. 1 ст. 779 ГК РФ) отметим, что облачные сервисы требуют минимальных действий от исполнителя непосредственно при оказании услуг, однако в конце настоящей главы теоретически обоснована такая возможность исполнения договора.

Облачные услуги предоставляются клиентам в режиме самообслуживания по требованию (по потребности). Также облачным сервисам свойственна «мультиарендность» – *multitenancy*, при которой один экземпляр программного обеспечения обслуживает множество клиентов³⁵⁴. Наиболее показательным примером указанного свойства являются различные приложения и сайты для совместной работы. Так, сервис Everlaw позволяет синхронизировать параллельные рабочие процессы в сфере оказания юридических услуг³⁵⁵. При этом глава 39 ГК РФ применяется, например, к договорам по оказанию услуг связи, в которых технологически одно и то же оборудование используется для обслуживания множества абонентов.

Черты оказания услуг в передаче различного имущества во временное

---

³⁵³ Таран К.К. Правовая характеристика договора, регламентирующего отношения по использованию облачного хранилища информации в России и США // Право и экономика. 2018. № 12. С. 45 - 52.

³⁵⁴ Marston S., Li Z. Cloud Computing: The Business Perspective. 2009. 34 p. // URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1413545> (дата обращения 04.08.2022).

³⁵⁵ URL: <https://www.everlaw.com/> (дата обращения 04.08.2022).

пользование усматривал А.Ю. Кабалкин³⁵⁶. В современной литературе также прослеживается квалификация предоставления доступа к программному обеспечению в качестве договора возмездного оказания услуг³⁵⁷.

В судебной практике договор на использование облачного хранилища квалифицируется именно как договор возмездного оказания услуг. Предмет может быть сформулирован как доступ на портал самообслуживания³⁵⁸, доступ к программному обеспечению³⁵⁹, доступ к электронной торгово-информационной системе (программный продукт)³⁶⁰, доступ к порталу технической поддержки программного обеспечения³⁶¹.

Очевидным преимуществом договорной конструкции оказания услуг на практике является возможность оценки качества услуг пользователями и поддержание системы рейтинга на платформе. Кроме того, обычно предоставлению доступа к программе сопутствуют различные услуги – информационные, консультационные и т.д., что позволяет сторонам оформить отношения посредством договора оказания услуг.

В отличие от общего правила о недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства (ст. 310 ГК РФ) в договоре возмездного оказания услуг и заказчик, и исполнитель могут в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора (ст. 782 ГК РФ). При этом условием отказа со стороны заказчика является оплата исполнителю понесенных им расходов, а со стороны исполнителя – полного возмещения заказчику убытков.

---

³⁵⁶ Кабалкин А.Ю. Услуги в системе отношений, регулируемых гражданским правом // Государство и право. 1994. № 8 - 9. С. 79 - 88.

³⁵⁷ Ларионова В.А. Информационный брокер как новый субъект информационного права в эпоху Big Data // Право в сфере Интернета: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 62 - 103; Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106 - 123.

³⁵⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.08.2016 № Ф05-10238/2016 по делу № А40-217249/2015 // СПС «Консультант-Плюс».

³⁵⁹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.09.2019 № Ф01-3986/2019 по делу № А82-8942/2017 // СПС «Консультант-Плюс».

³⁶⁰ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.10.2021 № Ф04-5066/2021 по делу № А45-3973/2021 // СПС «Консультант-Плюс».

³⁶¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.02.2022 № Ф06-13312/2021 по делу № А65-16431/2021 // СПС «Консультант-Плюс».

Иные варианты квалификации облачных сервисов

Не исключена конструкция смешанного договора, к которому в соответствии с п. 3 ст. 421 ГК РФ применяются правила лицензионного договора и договора возмездного оказания услуг. Отмечается, что каждый виртуальный объект представляет собой самостоятельный элемент этой договорной системы, и что конструкция смешанного договора сочетает преимущества сервисной концепции, не игнорируя интеллектуально-правовую составляющую виртуальных отношений³⁶². Однако совмещение данных договоров в одном вызывает ряд практических сложностей в силу, например, применения разных коллизионных привязок или императивных норм национального материального права или международных торговых соглашений, регулирующих отношения по разным видам договоров.

А.И. Савельев делает вывод о непоименованной природе договоров, регламентирующих отношения между цифровыми сервисами³⁶³, однако данный вывод основан не на сущности услуг (не на предмете договора), а на отсутствии встречного представления как обязательного элемента договора возмездного оказания услуг. Действительно, как указано выше, встречное предоставление в денежном эквиваленте часто отсутствует – доступ к сервисам, например, социальным сетям и мессенджерам, как и доступ в информационную систему, является бесплатным. Вместе с тем, модель предпринимательской деятельности операторов цифровых сервисов предполагает сбор и обработку данных пользователей с целью их последующей монетизации, о чем выше было подробно сказано применительно к пользовательскому соглашению.

Кроме того, в случае применения конструкции непоименованного договора возникают сложности в вопросах контроля качества «оказания услуг». Согласно п. 2 ст. 421 ГК РФ к непоименованному договору не подлежат применению нормы о поименованных договорах, в связи с чем в отсутствие критериев надлежащего исполнения, альтернативных качеству услуг, возникают сомнения в возможности

---

³⁶² Четвергов Д.С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 33 - 39.

³⁶³ Савельев А.И. Правовая природа облачных сервисов: Свобода договора, авторское право и высокие технологии. Вестник гражданского права. 2015. Т. 5. № 5. С. 7 - 15.

урегулировать и обеспечить его надлежащее исполнение.

Таким образом, по своей правовой природе договоры, опосредующие предоставление пользователю вычислительных мощностей (облачные вычисления, облачные сервисы) являются договорами возмездного оказания услуг.

2. Правовая природа договоров, опосредующих доступ к цифровому контенту

Н.В. Щербак отмечает, что с развитием цифровых технологий многие результаты интеллектуальной деятельности практически полностью переместились в информационную среду, утратили материальный носитель и свою вещественную форму. Изменился режим распространения результатов интеллектуальной деятельности, так как в цифровой среде материальный носитель необязателен, и пользователь получает доступ к произведению в режиме онлайн в окне браузера посредством загрузки данного произведения в память технического устройства³⁶⁴. И.А. Зенин обращает внимание на трансграничный и фактически бесконтрольный характер распространения цифрового контента в сети Интернет³⁶⁵. М.В. Телюкина заключает, что многие субъекты не думают о том, что права на контент в сети Интернет могут быть защищены³⁶⁶. Иные авторы предлагают создание специализированных организаций, которые бы на основании государственной аккредитации и лицензии осуществляли перевод литературных произведений в электронную форму с использованием средств защиты цифрового контента от несанкционированного копирования³⁶⁷.

Отдельным видом цифровых услуг являются стриминговые услуги (англ. *streaming* – потоковый), то есть доступ к цифровому контенту или подписка. Так,

---

³⁶⁴ Щербак Н.В. Digital art в условиях электронной коммерции // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43 - 61.

³⁶⁵ Зенин И.А. О концепции глобальной лицензии как инструменте управления правами на объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде // Право интеллектуальной собственности. 2015. № 3. С. 4 - 7.

³⁶⁶ Телюкина М.В. Проблемы определения места фотографии в системе объектов гражданских правоотношений // Хозяйство и право. 2018. № 8(499). С. 21 - 36.

³⁶⁷ Козлова Н.В., Косовец А.А., Ворожевич А.С. Электронные библиотеки научно-образовательных организаций: правовые проблемы создания и деятельности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 6. С. 50 - 64.

сервисы Netflix, Spotify, Pandora, Apple music, Кинопоиск и др. предлагают пользователям доступ к различным электронным материалам, охраняемых авторским правом, то есть к цифровому контенту.

Вместо приобретения материального носителя, содержащего копию произведения, в экономике совместного потребления пользователь приобретает право доступа к музыкальным, аудиовизуальным и иным произведениям³⁶⁸. Облачное виртуальное пространство, использование которого проанализировано выше, позволяет распространять музыку, фильмы, книги и иной контент без необходимости его скачивания. Рост популярности потоковых сервисов ведет к тому, что подписка, а не покупка экземпляра произведения постепенно становится основным способом получения доступа к продукции, защищенной авторским правом³⁶⁹. Пользователь получает доступ к произведению в режиме online в окне браузера, посредством загрузки данного произведения в память технического устройства. При этом запись произведения в память устройства в свою очередь представляет собой акт его воспроизведения (подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ)³⁷⁰.

В.А. Белов такие договоры называет договорами о реализации цифрового контента³⁷¹. При этом вопрос об их правовой природе является неоднозначным.

Элементы лицензионного договора в предоставлении доступа к цифровому контенту

В зарубежной литературе стороны договора о предоставлении доступа к цифровому контенту именуется лицензиаром и лицензиатом³⁷². Вместе с тем, с учетом технологии удаленного предоставления доступа вместо экземпляра (копии) произведения, нельзя однозначно согласиться с таким утверждением.

А.С. Ворожевич и Н.В. Козлова указывают, что «в ситуациях, когда одна

---

³⁶⁸ Calo R., Rosenblat A. The Taking Economy: Uber, Information, and Power // University of Washington School of Law Research Paper. 2017. № 8. P. 1623 - 1690.

³⁶⁹ Джейсон Ш. Перзановски А. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике. М.: Дело, 2019. С. 83.

³⁷⁰ Щербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 99 - 134.

³⁷¹ Белов В.А. Двенадцать тезисов по вопросу о том, существуют ли основания для обособления такой научной юридической специальности, как «коммерческое (торговое) право»? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 2. С. 474 - 480.

³⁷² Clarkson K.W., Miller R.L. Business Law: Text and Cases. The USA: Cengage Learning. 2021. P. 240.

сторона контролирует и поддерживает инфраструктуру для воспроизведения, а другой субъект инициирует воспроизведение и осуществляет хранение с помощью удаленного доступа к инфраструктуре, суд должен определить, какое лицо фактически осуществляет действия по воспроизведению произведения»³⁷³.

Под понятие совместного использования результатов интеллектуальной деятельности распространение цифрового контента не попадает. Подробно о данном институте и случаях его применения сказано в исследовании Ю.С. Харитоновой³⁷⁴.

Необходимо исследовать иные механизмы оформления введения в оборот цифрового контента.

Во-первых, лицензионный договор может быть заключен между правообладателем и оператором платформы (держателем цифрового контента), по условиям которого оператор может использовать контент путем предоставления доступа к нему неограниченному кругу лиц.

Так, согласно п. 13.5 Пользовательского соглашения YouDo.com, с размещением Посетителями пользовательского контента на Сайте Компания на безвозмездной основе получает бессрочное неисключительное право (простую лицензию) на использование такого пользовательского контента и включенных в него объектов интеллектуальной собственности на территории всего мира³⁷⁵.

При этом сам оператор (в рассматриваемом примере платформа YouDo.com) лицензионного соглашения с пользователем, просматривающим контент, не заключает. Для пользователя ценность представляет именно право на доступ к произведению, а не его копия. Подобно тому, как вычислительные мощности не передаются потребителю на основании договора использования облачных сервисов, не передается в данном случае копия произведения³⁷⁶.

В § 1 главы 2 настоящего диссертационного исследования упомянута

---

³⁷³ Ворожевич А.С., Козлова Н.В. Случаи свободного использования объектов авторских прав: сущность, общий обзор // Вестник гражданского права. 2019. № 5. С. 43 - 78.

³⁷⁴ Харитонова Ю.С. Совместное осуществление исключительных прав // Право и экономика. 2018. № 11(369). С. 65 - 72.

³⁷⁵ URL: <https://youdo.com/terms> (дата обращения: 01.12.2022).

³⁷⁶ Ряд сервисов позволяют скачивать цифровой контент (получать его копию), однако указанные отношения регулируются самостоятельными договорами и не являются предметом исследования.

проблема применения принципа технологической нейтральности: музыкальные библиотеки Google Music и iTunes, работающие на платформах Android и iOS соответственно, не синхронизируются. Указанное подтверждает тезис о том, что отношения по предоставлению права использования результатов интеллектуальной деятельности между платформой и пользователем отсутствуют. Если бы пользователь имел право использования цифрового контента (ст. 1235 ГК РФ), то мог бы воспроизводить его на любых устройствах с любым программным обеспечением. Однако в данном случае передается только право на доступ к цифровому контенту.

Во-вторых, лицензионный договор может быть заключен между правообладателем и непосредственно пользователем контента.

Например, по условиям Пользовательского соглашения Apple, лицензии на приложения предоставляются вам компанией Apple или сторонним разработчиком (“Поставщик приложений”). Apple... не является стороной договора купли-продажи или пользовательского соглашения между вами и Поставщиком приложений... Некоторый контент, доступный в Apple Books, App Store и Apple Podcasts, приобретается вами у стороннего поставщика такого контента (как показано на странице продукта и/или в процессе приобретения соответствующего контента), а не у Apple. Apple не является стороной транзакции между вами и поставщиком контента³⁷⁷.

В приведенном примере лицензионное соглашение заключается между пользователями цифровой платформы Apple подобно тому, как на других платформах заключаются другие виды основных договоров (оказания услуг, выполнения работ, купли-продажи и др.) Предметом договора, который в данном случае выступает основным и заключается между пользователями платформы, является предоставление права использования результатов интеллектуальной деятельности, тогда как у каждого из таких пользователей с оператором платформы заключено пользовательское соглашение (договор возмездного оказания услуг).

---

³⁷⁷ URL: <https://www.apple.com/legal/internet-services/itunes/> (дата обращения: 01.12.2022).

Таким образом, цифровой контент, безусловно, вводится в оборот посредством заключения лицензионного соглашения, однако его сторонами не всегда выступают оператор платформы и пользователь.

Кроме того, доступ к цифровому контенту часто может быть квалифицирован как случай свободного использования произведений (п. 1 ст. 1273 ГК РФ). В частности, на возможность считать электронные библиотеки случаями свободного использования произведений указывает А.С. Ворожевич³⁷⁸. Возможность применения норм о случаях свободного использования делает нелогичным использование конструкции лицензионного договора при оформлении отношений между автором и пользователем цифровой платформы.

Элементы договора аренды в предоставлении доступа к цифровому контенту

В теории по аналогии с вещными правами выделяются абсолютные права на цифровой контент, который наделяется свойствами обособляемости от физических носителей, непотребляемости, воспроизводимости и др. Содержанием абсолютного права на цифровые данные является совокупность трансформированных правомочий права собственности, учитывающих особенности цифровых данных: правомочие на беспрепятственный доступ, пользование, распоряжение (тиражировать копии или передавать контроль над доступом к оригиналу)³⁷⁹. Указанная трактовка наводит на мысль о применении конструкции договора аренды к отношениям по предоставлению доступа к цифровому контенту.

Вместе с тем, действующему правопорядку абсолютные права на цифровой контент неизвестны. Так, А.А. Иванов применительно к подписке на продукты компании Apple указывает, что никакого абсолютного права на цифровой контент у пользователя нет. Если пользователь приобрёл право слушать музыку или смотреть фильм, размещённый на материальных носителях другого лица, «в

---

³⁷⁸ Ворожевич А.С. Электронные библиотеки и авторские права. Возможно ли исчерпание прав на цифровые копии произведений? // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 11. С. 18 - 25.

³⁷⁹ Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2019. С. 12 - 14.

облаке», то возможности распорядиться полученным правом у пользователя нет, в частности контент по общему правилу нельзя скачать, нельзя воспроизвести без программ контрагента³⁸⁰, что вполне логично, потому что у самого Apple никакого права на цифровой контент нет. Таким образом, право на доступ к контенту является относительным и для пользователя возможность его реализации технологически и юридически зависит от исполнения оператором платформы обязанности по предоставлению доступа.

Элементы договора возмездного оказания услуг в предоставлении доступа к цифровому контенту

Как указано выше, на основании договора о предоставлении доступа к цифровому контенту пользователь получает доступ в информационную систему, где хранятся различные материалы, подобно тому, как на основании облачных услуг пользователь получает доступ к функциям цифровой платформы или на основании пользовательского соглашения получает доступ в информационную систему, где заключает сделки.

В литературе отмечается, что предоставление возможности воспроизведения электронного контента с цифровой платформы в другой стране считается международной торговлей услугами³⁸¹.

На локальном устройстве копия отсутствует, в связи с чем в очередной раз приемлемой представляется конструкция договора возмездного оказания услуг, хотя устойчивая судебная практика в данном контексте в российских судах пока не сложилась. При этом признак возмездности выявляется через конструкцию связанных договоров, описанную выше применительно к пользовательскому соглашению и облачным сервисам.

Таким образом, в цифровой среде пользовательские соглашения и основные договоры (заключаемые посредством платформы), а также договоры оказания рекламных услуг являются взаимосвязанными. Формально

---

³⁸⁰ Иванов А.А. Много оттенков серого: Абсолютные и относительные права (цифровая практика и немного теории) // Закон. 2019. № 5. С. 103 - 109.

³⁸¹ Карелина Е.А., Смирнов Е.Н. Регулирование международной торговли в цифровой экономике: новая парадигма // Торговая политика. 2020. №4 (24). С. 27 - 37.

самостоятельные правоотношения в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике фактически носят комплексный характер, что позволяет применить к отношениям сторон при оказании услуг в виде облачных сервисов и допуска к сетевой инфраструктуре и цифровому контенту традиционные институты гражданского права, в том числе конструкцию договора возмездного оказания услуг.

§ 3. Заключение и исполнение договоров в сфере внешней торговли услугами с использованием цифровых технологий

1. Заключение договоров

Договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (п. 1 ст. 432 ГК РФ).

Порядок заключения договора – это процедура, состоящая из стадий оферты и акцепта, тогда как способ заключения указывает на то, каким образом договор подлежит заключению (в обязательном порядке, путем присоединения, на торгах и т.д.)³⁸². Договор заключается посредством направления оферты, т.е. предложения заключить договор одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной.

В цифровой экономике концептуальные основы договорного права не затрагиваются, хотя некоторые категории (оферта, акцепт, исполнение договорного обязательства) приобретают особую окраску (форму)³⁸³. Так, в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике волеизъявление лица, как правило, имеет электронную форму. Договоры оказания цифровых услуг зачастую полностью виртуализированы, то есть заключаются, изменяются и исполняются в электронной (виртуальной) среде. Мобильное приложение направляет оферту заказчика в адрес исполнителя (или наоборот в зависимости от избранной системы договорных связей). Акцепт оферты также направляется посредством мобильного приложения³⁸⁴.

В России заключение сделки в электронной форме с помощью технических средств, в том числе цифровых технологий, в общем виде легализовано изменениями, внесенными в ст. 160, 309, 434 ГК РФ Федеральным законом от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ.

---

³⁸² Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М: Проспект, 2014. С. 227.

³⁸³ Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: монография / под общ. ред. А.А. Волоса. М.: Проспект, 2021. С. 42.

³⁸⁴ Иванов А.А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5. С. 145 - 156.

В категориях российского права электронная форма не является де-юре самостоятельной формой сделки и соответствует понятию письменной формы, являясь его разновидностью. Даже смарт-контракт может классифицироваться как письменная форма сделки, совершенная с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки³⁸⁵. При этом существует и альтернативная позиция о том, что электронная форма представляет собой новую форму сделки³⁸⁶.

Здесь важно отметить, что пользовательское соглашение, договор о предоставлении облачных сервисов, о доступе к цифровому контенту или иной договор в цифровой сфере не обязательно существует в виде единого документа, а может состоять из различных элементов: политики конфиденциальности и политики допустимого использования, соглашения об уровне обслуживания, а также иных документов и приложений. При этом возможность оформления условий сделки в виде нескольких документов не препятствует квалификации ее как заключенной в письменной форме.

В литературе можно встретить классификацию сделок на совершаемые при помощи (1) электронных сетей как средства связи (например, с помощью обмена сообщениями по электронной почте), и (2) специфических средств, доступных только в цифровом пространстве (к примеру, вышеперечисленные *click-wrap*-соглашения)³⁸⁷. Оба приведенных вида сделок соответствуют понятию электронной, то есть письменной формы.

В.А. Вайпан отмечает проблему выявления критериев квалификации действий субъектов в качестве оферты или акцепта в электронной торговле³⁸⁸. Решение вопроса о квалификации сообщения или иного действия пользователя в качестве оферты или приглашения к оферте позволяет установить юридическое значение действий пользователя. Рассмотрим основные проблемы, касающиеся

---

³⁸⁵ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... доктора юрид. наук. М., 2019. С. 149.

³⁸⁶ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 196 - 235.

³⁸⁷ Козловская С.В. Проблемы гражданско-правового регулирования сделок, заключаемых в рамках электронного взаимодействия: опыты цивилистического исследования: сб. ст. Вып. 2. М.: Статут, 2018. С. 196.

³⁸⁸ Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5 - 18.

придания юридической силы действиям пользователей в цифровой среде.

Во-первых, являются ли действия субъекта предпринимательской деятельности по демонстрации своих услуг (товаров, работ) в сети Интернет офертой?

Согласно ст. 11 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23.11.2005 г.) предложение заключить договор, сделанное посредством одного или нескольких электронных сообщений, которое адресовано не одной или нескольким конкретным сторонам, а является общедоступным для сторон, использующих информационные системы, включая предложения, в которых используются интерактивные прикладные средства для размещения заказов через такие информационные системы, следует считать приглашением представлять оферты, если только в нем ясно не указывается намерение стороны, делающей предложение, считать себя связанной в случае акцепта.

Трансграничное оказание услуг осложняется тем, что системы общего и континентального права по-разному квалифицируют юридическое значение демонстрации товаров или услуг на сайте. Так, в странах общего права такая демонстрация является приглашением к оферте, но не самой офертой. В странах континентальной системы права, наоборот, демонстрация считается офертой, а не просто приглашением к оферте³⁸⁹.

Представляется, что демонстрация услуг в сети Интернет является офертой, так как предложение содержит все существенные условия договора и доступно неограниченному кругу лиц. В случае акцепта со стороны потребителя исполнитель обязан оказать услуги. И пользовательские соглашения, и основные договоры, в том числе договоры оказания цифровых услуг, договоры о предоставлении облачных сервисов, доступа к цифровому контенту, заключаются по модели договора присоединения.

Во-вторых, в какой момент происходит акцепт оферты со стороны

---

³⁸⁹ Сергеева (Муратова) О.В. Особенности заключения онлайн-контрактов в международном частном праве // Судья. 2019. № 11. С. 41 - 47.

потребителя услуги?

По общему правилу ст. 433 ГК РФ договор признается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта. Фактически в рамках информационной системы доставка сообщений происходит мгновенно, тогда как получение сообщения пользователем может быть позже. Согласно ст. 10 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23.11.2005 г.) временем получения электронного сообщения является момент, когда создается возможность для его извлечения адресатом по электронному адресу, указанному адресатом, то есть момент, когда оно поступает на электронный адрес адресата. Аналогичные правила содержатся в ст. 10 и 11 Директивы об электронной коммерции ЕС. Применительно к заключению договора на цифровой платформе указанное означает, что договор считается заключенным с момента нажатия пользователем кнопки «Купить» или ее аналога.

В литературе выделяются также стадии процесса оформления договора в цифровом пространстве, среди которых: «(1) идентификация – сбор сведений об участнике сделки; (2) верификация – проверка достоверности собранных сведений об участнике сделки; (3) аутентификация – подтверждение соответствия лица, в отношении которого проведена идентификация и верификация, тому лицу, которое совершает действия, необходимые для заключения сделки; (4) подтверждение волеизъявления – наличие инструмента или процесса, при помощи которых возможно установить, что идентифицированное верифицированное и аутентифицированное лицо заключило сделку...»³⁹⁰.

В указанной логике нажатие кнопки «Купить» или ее аналога представляет собой лишь четвертую стадию заключения договора. Следовательно, в цифровой среде договор считается заключенным с момента нажатия кнопки «Купить» или ее аналога *при условии* предварительной идентификация, верификации и аутентификации пользователя.

---

³⁹⁰ Бодиловский А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из договоров, заключенных дистанционно: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 106 - 107.

В-третьих, являются ли действия потребителя по пользованию сайтом акцептом пользовательского соглашения?

Здесь уместна классификация транзакций, предложенная Ю.С. Харитоновой. Так, транзакции могут быть восприняты как волевые акты участников системы, как юридические поступки либо как фиксация внешних обстоятельств, которые не порождают правовых последствий. В этом смысле транзакции, связанные с выражением воли участников оборота, могут быть квалифицированы как юридические факты³⁹¹. Аналогично и действия пользователей информационной системы, в том числе связанные с использованием сайта или приложения, могут в зависимости от условий пользовательского соглашения, являться или не являться его заключением.

В литературе дифференцированы три вида соглашений в зависимости от того, каким образом их условия объективированы в электронной форме: *shrink-wrap*, *click-wrap* и *browse-wrap*. При модели *shrink-wrap* условия соглашения включены в договор, на основании которого реализуется цифровой продукт³⁹². Данная модель применяется, например, к договорам о предоставлении доступа к цифровому контенту, когда лицензионный договор заключается между правообладателем и оператором платформы (держателем цифрового контента), а оператор платформы предоставляет доступ к контенту по договорам возмездного оказания услуг. При модели *click-wrap* соглашение представлено в виде отдельного документа, акцепт которого происходит посредством нажатия кнопки «Я согласен» на странице соглашения. Данная модель представляется наиболее распространенной применительно к основным договорам, заключаемым между пользователями платформы. В случае *browse-wrap* акцепт выражается в конклюдентных действиях по использованию сайта, в одном из разделов которого изложены существенные условия сотрудничества, и нажатия специальной клавиши не требуется. Именно по такой модели заключаются пользовательские

---

³⁹¹ Харитонова Ю.С. Юридическое значение транзакций в системе распределенных реестров // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 348 - 354.

³⁹² Сергеева О.В. Влияние цифровизации на преддоговорные отношения в международном частном праве / Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С.162 - 184.

соглашения между оператором цифровой платформы и каждым ее пользователем. Само по себе посещение сайта является принятием условия пользовательского соглашения посредством конклюдентных действий.

В литературе отмечается, что посещение сайта само по себе может считаться юридически обязывающим действием, даже если на сайте не было заключено никакой сделки³⁹³. Указанное верно с точки зрения заключения пользовательского соглашения конклюдентными действиями, однако представляется, что сторонники такой точки зрения не различают (1) правоотношения между оператором платформы и пользователями и (2) правоотношения между пользователями по заключению и исполнению основного договора.

Помимо указанных вопросов квалификации действий пользователей в качестве юридически значимых, в цифровой среде существуют правовые проблемы, касающиеся определения условий договоров.

Во-первых, общей технологической чертой всех договоров в цифровой среде является **автоматизация определения условий** договора, в частности, цены, что подтверждает тезис о связанности договоров, существующих в цифровой среде.

Владельцы агрегатора, действуя в рамках национального и международного права, опираясь на принцип диспозитивности и пользуясь автономией воли пользователей, диктуют потенциальным участникам сделок правила заключения и исполнения контрактов, по сути, устанавливая особый торговый режим. Оператор платформы с точки зрения субъективного критерия (формирования воли) в определении условий основной сделки не участвует, однако технологически предоставляет автоматические средства для их определения. Так, Amazon в зависимости от автоматического анализа спроса и предложения меняет цены на один и тот же продукт более 2,5 миллионов раз в день, а также может

---

³⁹³ Сергеева (Муратова) О.В. Особенности заключения онлайн-контрактов в международном частном праве // Судья. 2019. № 11. С. 41 - 47.

адаптировать цены для отдельных потребителей³⁹⁴. Аналогичные подходы практикует и Uber, изменяя цены в режиме реального времени и предоставляя купоны на скидку избранным пользователям. Стороны не всегда могут изменить предложенные платформой, сгенерированные автоматически условия, однако они в любом случае заключают сделку своей волей и в своем интересе, а, следовательно, могут отказаться от её заключения. Следовательно, техническое участие платформы в формировании условия о цене не противоречит принципу свободы договора, так как изначально пользователи принимают условия использования сервиса, а далее выражают волю на заключение сделки на автоматически сгенерированных условиях.

Во-вторых, применительно к договорам оказания услуг, заключаемых в цифровой среде, представляется целесообразным отнесение условия о применимом национальном праве либо о применении негосударственных регуляторов к числу существенных.

Общими для всех внешнеэкономических договоров в цифровой среде являются проблемы определения места совершения юридически значимых действий, определения государственной принадлежности сторон сделки и, как следствие, определения применимого права. Известно, что особенностью любых отношений в киберпространстве является слабая привязка к национальному праву. Решение данных проблем видится в том, чтобы условие о применимом национальном праве либо о применении негосударственных регуляторов было отнесено к числу существенных. Указанное позволит избежать коллизий норм различных правопорядков как в вопросе о факте заключения договора, так и в вопросах его надлежащего исполнения.

Таким образом, в цифровой среде договоры заключаются в общем порядке путем направления оферты и акцепта, специальные способы заключения не требуются. Традиционные гражданско-правовые механизмы заключения сделок применяются в сфере внешней торговли услугами с учетом использования цифровых технологий на отдельных стадиях оферты и акцепта. Общими чертами

---

³⁹⁴ Khan L. Amazon's Antitrust Paradox // Yale Law Journal. 2017. № 126. P. 564 - 907.

пользовательских соглашений и основных договоров, заключаемых посредством цифровых платформ, являются следующие: (1) договоры в цифровой среде заключаются в электронной форме, что формально юридически соответствует понятию письменной формы сделки, (2) договоры заключаются по модели договора присоединения, (3) условие о применимом национальном праве либо о применении негосударственных регуляторов должно быть существенным условием внешнеэкономических договоров в цифровой среде, 4) несущественные условия договоров, заключаемых посредством цифровых платформ, могут быть сформулированы в автоматическом режиме.

2. Исполнение договоров

Термин «договор» имеет несколько значений. В частности, договор есть документ, обязательство, и в этом смысле словосочетание «исполнение договора» допустимо³⁹⁵. Под исполнением договоров автор понимает исполнение договорного обязательства.

Активные действия и пассивное поведение исполнителя

Надлежащее исполнение обязательства, как правило, охватывает собой предложение исполнения должником и его принятие кредитором³⁹⁶. Классически предложение исполнения в обязательственном правоотношении представляет собой совершение должником действия. В.С. Толстой отмечал, что без каких-либо положительных действий со стороны должника обязательство не прекращается. Ученый считал активные действия должника обязательным элементом исполнения и классифицировал виды исполнения обязательств только по критерию принятия исполнения кредитором³⁹⁷. Аналогичную позицию занимал также М.И. Брагинский³⁹⁸.

В современных трансграничных экономических отношениях по оказанию

---

³⁹⁵Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: Проспект, 2014. С. 239.

³⁹⁶ Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 1. С. 471 - 473.

³⁹⁷ Толстой В.С. Исполнение обязательств. М., 1973. С.15, 63.

³⁹⁸ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. Кн. 3. С. 305; Вольвач Я.В. О необходимости гражданско-правового регулирования вопросов качества услуг // Адвокат. 2013. № 5. С. 13 - 16.

услуг положительные (активные) действия исполнителя не всегда имеют место. Цифровые сервисы основаны на методе самообслуживания. Заказчики, как правило, используют цифровые платформы, вычислительные мощности и цифровой контент по потребности, а исполнитель лишь предоставляет доступ к ним. Понятие «торговля услугами» в международном товарообмене связано не с пересечением государственной границы, а с направленностью деятельности субъекта предпринимательства на граждан иного государства, посредством которого реализуется его коммерческое присутствие в другом государстве. Пространственная удаленность сторон сделки друг от друга и особенности предмета договоров оказания цифровых услуг, предполагающих удаленный доступ и использование облачных технологий, подтверждают тезис о том, что активных действий от исполнителя не требуется. Исполнение договора имеет временную протяженность, в течение которой кредитор потребляет (использует, просматривает) вычислительные мощности и цифровой контент, таким образом самостоятельно извлекая из него полезный эффект.

Допустимо ли оказание услуг без совершения активных действий исполнителем по договору?

В теории права существует точка зрения о том, что действия должника (исполнителя) могут принимать форму молчаливого одобрения, т.е. по существу волевого бездействия. Воля исполнителя проявляется в воздержании от совершения действия, которые бы препятствовали кредитору в принятии исполнения³⁹⁹. Статья 307 ГК РФ также допускает, что исполнение обязательства возможно путем воздержания от определенного действия.

Вместе с тем, в отличие от оказания услуг, воздержание от совершения действий в качестве самостоятельного объекта гражданских прав в ст. 128 ГК РФ не закреплено. Кроме того, из текста п. 1 ст. 779 ГК РФ следует, что оказать услуги можно только путем совершения определенных действий или осуществления определенной деятельности.

Видится следующее объяснение данной проблемы.

---

³⁹⁹ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. С. 19.

Во-первых, автоматизированный режим работы цифровой платформы или иной технологии, по результатам использования которой заказчик получает полезный эффект, должен рассматриваться как действия самого исполнителя.

Здесь можно провести аналогию с ограниченной правосубъектностью искусственного интеллекта. В науке существует позиция о том, что за действия искусственного интеллекта отвечает разработчик и что правосубъектность искусственного интеллекта ограничена – права и обязанности всегда возникают, изменяются и прекращаются в реальном мире у конкретных субъектов права⁴⁰⁰.

Например, «действия» цифровой платформы по подбору контрагента, фильтрованию товаров и услуг, могут рассматриваться как активные действия оператора платформы (иными словами, являться предоставлением – надлежащим исполнением обязательств оператора).

Примечательно, что и облачные сервисы, и договоры о предоставлении допуска являются абонентскими (ст. 429.4 ГК РФ), в связи с чем и полезный эффект для пользователя может не быть обязательным элементом правоотношения. И в ст. 429.4 ГК, и в разъясняющем её п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49 сказано, что абонент вносит встречное предоставление *за право требовать* от другой стороны (исполнителя) предоставления предусмотренного договором исполнения в затребованных количестве или объеме либо на иных условиях, определяемых абонентом. То есть абонент (пользователь) платит фиксированную плату, не зависящую от объема затребованного и осуществленного исполнения, за предоставление ему права потребовать исполнения при необходимости. Предоставление исполнения со стороны исполнителя возможно в любой момент благодаря цифровым технологиям, работающим в автоматическом режиме.

Во-вторых, исполнение обязательств перед заказчиком по договору оказания цифровых услуг не исчерпывается лишь пассивным предоставлением доступа к цифровой платформе, цифровому контенту либо иному объекту.

---

⁴⁰⁰ Ефимова Л.Г. Виды правоотношений, возникающих на платформе blockchain // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 1(8). С. 16 - 26; Лаптев В.А. Ответственность «будущего»: правовое существо и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. 2017. № 3. С. 32 - 35.

А.В. Егоров в структуре обязательства выделяет различные аспекты исполнения. Так, основной в обязательстве является обязанность совершить предоставление, с которым и возникает обязательство как таковое и благодаря которому создаются его особые свойства. Автор специально отмечает, что в качестве предоставления может выступать воздержание от действия. Остальные обязанности носят второстепенный характер. В частности, поведенческая обязанность не предполагает достижение результата, а предполагает обязанность действовать добросовестно и внимательно...⁴⁰¹

В.В. Кулаков указывает, что обязательство по оказанию услуг усложняется введением в него объекта этой услуги, учет которого позволяет определить, во-первых, ее содержание (предмет соответствующего договора), во-вторых, параметры надлежащего исполнения такого обязательства (в том числе качество услуги)⁴⁰².

Представляется, что обязанность обеспечить доступ к платформе – это и есть «объект услуги», который и определяет предоставление как предмет договора. Сопутствующие обязанности, в том числе обеспечение функционирования и работоспособности платформы, информационные обязанности, являются поведенческими и охватываются понятием добросовестности.

Согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Рассматривая *поведенческие* обязанности исполнителя можно обнаружить и элементы действия. Например, оператор платформы обязан разместить на сайте информацию в формате, доступном для пользователя, что явно требует активных

---

⁴⁰¹ Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241 - 274.

⁴⁰² Кулаков В.В. Сложные обязательства в гражданском праве: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.03, 2011. С. 30.

действий, в отличие от пассивного отсутствия препятствий к пользованию платформой. Поддержание функционирования и работоспособности платформы также требует совершения активных действий.

Сами по себе поведенческие обязанности оператора платформы не приводят к достижению результата. Пользователь платформы извлекает полезный эффект от оказания оператором услуг только при исполнении оператором основной обязанности по предоставлению доступа к платформе. Таким образом, основная и поведенческие обязанности оператора платформы оказываются неразрывно связанными и образуют единый предмет его деятельности.

Дополнительно взаимосвязь основных и поведенческих обязанностей усматривается в презумпции, закрепленной в п. 5 ст. 10 ГК РФ, согласно которой добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Предполагается, что оператор платформы надлежащим образом будет исполнять не только основное обязательство в виде обеспечения доступа пользователя на платформу, но и сопутствующие ему поведенческие обязанности. Именно поэтому нет необходимости специально предусматривать в договоре оказания услуг обязанность оператора платформы по обеспечению функционирования и работоспособности платформы.

Соответственно, признак активных действий исполнителя услуг может быть установлен через принцип добросовестности. Действуя разумно и добросовестно, оператор платформы обязан не только совершить предоставление в виде обеспечения доступа пользователя на платформу, но и исполнить ряд дополнительных обязанностей, которые также входят в предмет договора оказания цифровых услуг и охватываются понятием надлежащего исполнения.

Надлежащее исполнение и качество цифровых услуг

Важнейшим принципом в сфере исполнения обязательств является принцип надлежащего исполнения, краеугольным камнем которого является качество.

Вопрос о критериях надлежащего исполнения, в том числе о качестве, применительно к пользовательскому соглашению между оператором платформы и

пользователем является неисследованным. Единой системы рейтинга цифровых платформ не существует, а их услуги носят в основном технический автоматизированный характер. Представляется, что критерии надлежащего исполнения заложены в поведенческих обязанностях, входящих в предмет пользовательского соглашения. В частности, оператор платформы не может обеспечить надлежащий доступ к платформе, не обеспечив предварительно работоспособность самой платформы, состоящей из соответствующих программ, алгоритмов и иных технических решений.

Вопрос надлежащего исполнения оператором платформы информационной обязанности (обязанность по предоставлению пользователям информации о том, с кем пользователь заключает договор, а также о реализуемых товарах, работах и услугах) носит оценочный характер, что подтверждается судебной практикой⁴⁰³.

По мнению автора, услуги по предоставлению допуска к сетевой инфраструктуре считаются оказанными надлежащим образом, если оператор платформы обеспечивает работоспособность функций платформы, которые позволяют удовлетворить заявленную потребность пользователя в поиске контрагента для заключения основного договора.

Применительно к основным договорам, заключаемым на платформе, контроль качества оказания услуг позволяет отслеживать рейтинговые системы, что способствует в целом повышению уровня обслуживания. Именно критерий качества, свойственный договорам оказания услуг в отличие от лицензионных соглашений, позволяет получить и урегулировать надлежащее исполнение в соответствии с интересами пользователей. Например, многие сервисы содержат фильтр в виде рейтинга исполнителя.

Вместе с тем, установить надлежащее исполнение цифровых услуг с юридической точки зрения, непросто. Так, В.С. Белых относит качество к непрограммируемым условиям, так как критерии качества нельзя выразить с

---

⁴⁰³Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.09.2022 № Ф05-21827/2022 по делу № А40-230845/2021, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.04.2022 № Ф05-7281/2022 по делу № А40-82802/2021, Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.05.2021 № Ф02-1922/2021 по делу № А10-5005/2020 // СПС «Консультант-Плюс».

помощью языка программирования⁴⁰⁴. Данная точка зрения сохраняет актуальность для традиционных видов услуг, тогда как цифровые услуги могут быть качественно измерены посредством заданных алгоритмов. Например, для облачных и стриминговых сервисов критерием качества может быть объем контента, скорость передачи данных и иные объективные параметры, которые стороны могут зафиксировать в договоре, а в последствии проконтролировать с помощью технических средств.

В цифровой среде критерий качества может быть определен через количественные показатели по аналогии с тем, как И.С. Шиткина описывает эти критерии применительно к корпоративному праву. Автор указывает, что количественный критерий всегда условен и что, вводя его, законодатель стремится определить, когда количественный признак перерастает в качественный (например, законодатель полагает, что если в обществе более 500 акционеров – *количество*, то к корпоративным отношениям трудно применять правила непубличного общества – *качество*)⁴⁰⁵. Аналогично и в цифровых услугах: количественный критерий скорости передачи данных и иных объективных характеристик переходит в качественный критерий надлежащего исполнения.

Таким образом, установить надлежащее исполнение по договорам оказания цифровых услуг возможно путем установления количественных характеристик, которые определены сторонами как критерии надлежащего качества услуг. Например, обеспечение возможности бесперебойной передачи определенного количества данных с определенной скоростью будет свидетельствовать о надлежащем исполнении.

Смарт-контракт

Программируемые параметры исполнения договорных обязательств неизбежно приводят к анализу конструкции смарт-контракта, которая может применяться не только в процессе заключения, но и в процессе исполнения

---

⁴⁰⁴ Белых В.С., Боллобонова М.О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5 - 14.

⁴⁰⁵ Шиткина И.С. Правовой статус акционерного общества: проблемы идентификации и изменения // Журнал российского права. 2021. Т.25. № 2. С. 45 - 55.

договора.

Л.А. Новоселова отмечает, что исполнение осуществляется автоматически за счет работы заранее заданных программ в компьютерной системе без участия сторон при наступлении определенных обстоятельств, зафиксированных в программном коде⁴⁰⁶.

Позитивное правовое регулирование отношений, возникающих в связи с заключением и исполнением смарт-контракта, существует не во всех правовых порядках, что делает особенно важным выбор применимого права в сделках с иностранным элементом. Вместе с тем, например, российское законодательство не запрещает заключать сделки с автоматизацией исполнения, если волеизъявление сторон может быть зафиксировано и на естественном языке, помимо программного кода.

В литературе смарт-контракты как автоматизированные договоры признаются формой исполнения обязательств⁴⁰⁷. Альтернативная позиция состоит в дуализме правовой природы смарт-контракта в качестве, с одной стороны, технологии, а с другой – соглашения сторон в электронной форме⁴⁰⁸. Обе точки зрения применимы в зависимости от порядка заключения сделок, но в любом случае обязательными признаками смарт-контракта являются автоматизированный и обусловленный характер исполнения. Иными словами, смарт-контракт не обязательно заключается в электронной форме, тогда как самоисполняемость есть его квалифицирующий признак⁴⁰⁹.

Отмечается, что автоматизация исполнения лишает договор свойства быть нарушенным, то есть отрицает возможность ненадлежащего исполнения⁴¹⁰. Указанное является примером использования цифровых технологий в классических правовых конструкциях. Применение новых механизмов

---

⁴⁰⁶ Новоселова Л.А. Токенизация объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29 - 44.

⁴⁰⁷ Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5 - 18.

⁴⁰⁸ Белых В.С., Болобонова М.О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5 - 14.

⁴⁰⁹ Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. С. 25 - 30.

⁴¹⁰ Вольфсон В.Л. Категории осуществления субъективных прав в контексте их цифровизации // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 3. С. 42 - 53.

исполнения договоров основывается на диспозитивном методе правового регулирования и на принципе свободы договора.

Как верно отмечает Ю.С. Харитонова, исполнение смарт-контракта осуществляется не машиной или кодом по своему усмотрению, а строго в соответствии с теми условиями, которые определили своей волей стороны при заключении контракта, и которые машина лишь отслеживает, опираясь на формализованный характер внешних обстоятельств. Воля же сторон контракта распространяется на цифровой механизм исполнения договора⁴¹¹.

Таким образом, при исполнении компьютером смарт-контракта обязательство прекращается надлежащим исполнением по правилам ст. 408 ГК РФ, а действия системы оцениваются с юридической точки зрения как действия её пользователей. Ценность автоматизации исполнения состоит в гарантирующей, обеспечительной функции такого механизма и не требует изменения или дополнения существующих правовых моделей.

Правовые последствия связанности договоров в цифровой среде

Как справедливо указывает Д.В. Ломакин, любые термины должны иметь правовые последствия⁴¹². В связи с этим отдельного внимания заслуживает вопрос о правовых последствиях связанности договоров на цифровой платформе, которая исследована в предыдущей главе. Динамика правоотношений, вытекающих из одного соглашения, оказывает правовое воздействие на динамику правоотношений по другому договору, даже если он заключен с третьим лицом⁴¹³.

Французская доктрина выработала две теории взаимосвязанности договоров: теория акцессорности (основывающаяся на классической римской теории, предполагающей в определенных случаях прекращение акцессорного обязательства в связи с прекращением основного) и более современная теория неделимости, критериями которой называются единство каузы договоров и воли

---

⁴¹¹ Харитонова Ю.С. Юридическое значение транзакций в системе распределенных реестров // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 348 - 354.

⁴¹² Ломакин Д.В. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве // Хозяйство и право. 2019. № 1(504). С. 3 - 26.

⁴¹³ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 336. Автор комментария – Батишев А.О.

сторон к их заключению⁴¹⁴. К договорам, заключаемым на цифровых платформах, применима теория неделимости, поскольку ни в нормах позитивного права, ни в международных обычаях правила об акцессорности пока не закреплены.

Во-первых, связанность договоров предполагает наличие возможности расторжения договора либо автоматическое прекращение договора в случае расторжения связанного с ним договора⁴¹⁵. Например, пользовательское соглашение Apple содержит условие о том, что цифровой контент также может быть удален из наших Сервисов в любое время (например, потому, что поставщик удалил его)⁴¹⁶. Соответственно, расторжение лицензионного соглашения между правообладателем цифрового контента и компанией Apple влечет расторжение (в части соответствующего конкретного контента) связанного с ним договора оказания услуг о предоставлении доступа к цифровому контенту, заключенного между компанией Apple и пользователем платформы.

Во-вторых, связанность договоров допускает возможность пользователя выдвинуть возражения против, например, принятия исполнения по основному договору, при наличии технического сбоя в работе платформы. Так, исполнение обязательства по предоставлению облачного хранилища в рамках основного договора может быть невозможным, если оператор платформы ограничил доступ пользователя в информационную систему. В данном случае пользователь не может принять исполнение по основному договору в связи с неисполнением связанного с ним пользовательского соглашения.

В-третьих, связанность договоров порождает право применения мер оперативного воздействия, в том числе в виде приостановления исполнения. Например, ст. III.-1:102 Модельных правил европейского частного права допускают это через институт взаимности (*reciprocity*). В частности, если субъект предпринимательской деятельности допускает недобросовестное поведение по отношению к потребителям при оказании реализуемых через платформу услуг, то

---

⁴¹⁴ Кирпичев А.Е. Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2. С. 40 - 43.

⁴¹⁵ Кирпичев А.Е. Односторонний отказ от взаимосвязанного договора // Закон. 2019. № 10. С. 161 - 170.

⁴¹⁶URL: <https://www.apple.com/legal/internet-services/itunes/> (дата обращения 30.01.2023).

у оператора платформы должно быть право ограничить допуск такого субъекта в информационную систему.

При этом в действующем правопорядке указанные права не закреплены. Отсутствует презумпция взаимосвязанности договоров, однозначные правила установления такой взаимосвязанности. В литературе вышеуказанные правовые последствия предлагается юридически обосновать ссылками на ст. 451 ГК РФ о существенном изменении обстоятельств, либо на ст. 1047 ГК РФ о солидарной ответственности товарищей⁴¹⁷. Однако едва ли данные правовые основания являются пригодными. Существенное изменение обстоятельств основано на оценочных критериях, судебском усмотрении, а применение конструкции простого товарищества к отношениям оператора платформы и субъекта предпринимательской деятельности, реализующего посредством платформы товары, работы, услуги, теоретически не обосновано и не встречается в практике.

По мнению автора, в условиях отсутствия легализации института связанных договоров в исследуемой сфере, право на отказ от договора, на применение мер оперативного воздействия и иные права, возникновение которых связано с заключением и исполнением связанных договоров, могут быть включены в условия соглашений в рамках принципа свободы договора.

В целом договорное оформление отношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике возможно на основе уже существующих правовых механизмов и средств. Трансграничные сделки в сфере оказания услуг в условиях цифровой экономики, как правило, заключаются посредством направления оферты и ее акцепта в электронном виде. При этом отдельные аспекты заключения и исполнения сделок требуют более детального анализа для создания правовой определенности в вопросах согласования условий договоров и критериев надлежащего исполнения договорных обязательств.

Таким образом, пользовательские соглашения, договоры о предоставлении

---

⁴¹⁷ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 333 - 406. Авторы комментария – Батищев А.О., Карапетов А.Г.

облачных сервисов и договоры о предоставлении доступа к цифровому контенту по своей правовой природе являются договорами возмездного оказания услуг. Исполнитель обязуется оказать поименованные в договоре цифровые услуги, а заказчик обязуется оплатить их. При этом исполнение обязательств по оплате услуг производится специфически – действиями исполнителя, а не заказчика. Например, оператор цифровой платформы получает встречное предоставление по договору оказания цифровых услуг (пользовательскому соглашению) при исполнении иных договоров, которые связаны с ним. Во-первых, оператор платформы может получать комиссию от каждой совершенной на платформе сделки. Во-вторых, оператор платформы может монетизировать пользовательские данные через распространение рекламы с применением технологий обработки данных по договорам возмездного оказания услуг с третьими лицами и/или через предоставление третьим лицам пользовательских данных за плату.

Комплексный характер правоотношений в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике, опосредованных взаимосвязанными договорами, позволяет применять традиционные институты гражданского права, в том числе конструкцию договора возмездного оказания услуг, модель договора присоединения, публичного договора и абонентского договора, а также механизмы оферты и акцепта, критерии надлежащего исполнения.

Заключение

Цифровые экономические отношения являются не только объектом правового регулирования, но и источником права в материальном смысле. С учетом трансформации услуг как объекта правоотношений и с учетом изменения субъектного состава правоотношений в цифровой экономике происходит переосмысление традиционных правовых моделей, появляются новые принципы правового регулирования, меняются методы правового воздействия.

В цифровой экономике оказание услуг зачастую происходит автоматически при помощи типовых алгоритмов, а цифровые блага являются воспроизводимыми и заменяемыми. Появляются новые виды услуг (цифровые услуги), которые с учетом развития новых технологий в цифровом пространстве необходимо отличать от электронной формы других правоотношений сторон.

Осуществление экономической деятельности преимущественно на базе цифровых платформ определяет особенности субъектного состава правоотношений в сфере внешней торговли услугами. Наряду с субъектами основного обязательства (должником и кредитором) в отношениях участвуют цифровые посредники (владельцы агрегаторов, операторы цифровых платформ, операторы информационных систем), которые оказывают информационные и иные услуги пользователям.

Традиционные общеправовые принципы, а также отраслевые и межотраслевые принципы гражданского и предпринимательского права сохраняют свою значимость применительно к исследуемым цифровым правоотношениям в сфере внешней торговли услугами, образуя категорию публичного порядка в международном частном праве. При этом цифровизация экономики способствует появлению новых правовых принципов, относящихся как к использованию инфраструктуры и работе цифровых платформ, так и процессам взаимодействия заказчиков и исполнителей услуг между собой и с государством в виртуальной среде.

Специфика правового регулирования внешней торговли услугами в

цифровой экономике порождает проблему определения национальности сторон сделки, места её заключения (исполнения) и проблему определения применимого права. Механизм правового регулирования предпринимательских отношений в сфере внешней торговли услугами включает комплексное государственное и негосударственное регулирование, сочетающее императивный и диспозитивный методы. Применимое частное право в отношениях между субъектами предпринимательской деятельности определяется по месту нахождения исполнителя, которое в цифровой экономике устанавливается по критерию направленности его деятельности на население конкретного государства. Применимое публичное право также определяется по месту нахождения исполнителя, при этом юридическое значение имеет как направленность его деятельности на население конкретного государства, так и физическое расположение серверов.

Необходимость оперативного реагирования на изменение общественных отношений, их цифровизацию, а также конвергенция отраслей права в цифровой экономике приводят к развитию негосударственного регулирования, под которым автор понимает обязательные правила поведения, не исходящие от государства. Негосударственное регулирование отношений в сфере внешней торговли услугами опосредуется правом платформ, электронным *lex mercatoria* и актами саморегулирования. «Право платформ» как трансграничный правовой институт представляет собой совокупность правил поведения, разработанных операторами платформ и обязательных для пользователей. В отличие от *lex mercatoria*, который основан на последовательном и длительном применении одних и тех же правил, «право платформ» состоит из конкретных случаев одностороннего определения правил пользования платформами, в основе которых не обязательно лежит опыт длительного применения таких правил. В отличие от актов *soft law*, которые носят рекомендательный характер и разрабатываются авторитетными организациями в определенной сфере, «право платформ» разрабатывается операторами платформ, которые являются одной из сторон пользовательского соглашения. При этом и

«право платформ», и акты soft law приобретают обязательный характер только в том случае, если стороны договора выражают на это свое согласие в установленной форме. Установлено, что в правовой природе всех негосударственных регуляторов присутствует властный публично-правовой элемент в виде признания со стороны государства (для обычая), в виде делегирования (для актов саморегулирования) либо в виде обеспечения силой государственного принуждения при помощи любых способов защиты права, предусмотренных гражданским законодательством (для «права платформ» и актов soft law).

Цифровые платформы определены как основной элемент цифровой технологической инфраструктуры внешней торговли услугами. В целом понятие инфраструктуры в цифровой экономике не укладывается в традиционное определение инфраструктуры как системы субъектов, обеспечивающих свободное движение товаров и услуг на рынке, поскольку наиболее важным элементом инфраструктуры в настоящее время являются технологии, включая средства автоматизации процессов и идентификации пользователей.

Правоотношения, складывающиеся на цифровых платформах, необходимо разделять на две группы: (1) правоотношения между заказчиком и исполнителем, заключающиеся в непосредственном оказании услуг, (2) иные вспомогательные правоотношения, возникновение которых обусловлено цифровой формой отношений по оказанию услуг.

Первая группа отношений опосредуется пользовательскими соглашениями, которые предлагается квалифицировать как публичные договоры с учетом масштабов и монопольного характера деятельности цифровых платформ. По правовой природе пользовательские соглашения являются договорами возмездного оказания услуг. Оператор цифровой платформы получает встречное предоставление по договору возмездного оказания услуг о предоставлении доступа к сетевой инфраструктуре через связанные с пользовательским соглашением договоры. Во-первых, оператор платформы может получать

комиссию от каждой совершенной на платформе сделки. Во-вторых, оператор платформы может монетизировать пользовательские данные через распространение рекламы с применением технологий обработки данных по договорам возмездного оказания услуг с третьими лицами и/или через предоставление третьим лицам пользовательских данных за плату.

Вторая группа отношений опосредуется договорами оказания услуг, которые могут быть как традиционными, так и цифровыми. Наиболее распространенными цифровыми услугами являются облачные и стриминговые сервисы, сущность которых состоит в том, что программы, данные и иной контент не находятся на локальном устройстве, а располагаются в «облаке», состоящем из нескольких удаленных и взаимосвязанных серверов, доступ к которым предоставляется пользователям в режиме самообслуживания по требованию (по потребности).

В цифровой экономике надлежащее исполнение обязательств по договорам возмездного оказания цифровых услуг заключается в совершении исполнителем активных действий. Во-первых, автоматизированный режим работы цифровой платформы или иной технологии, в результате использования которой заказчик получает полезный эффект, должен рассматриваться в качестве действий самого исполнителя. Во-вторых, исполнение обязательств перед заказчиком по договору оказания цифровых услуг не исчерпывается лишь пассивным предоставлением доступа к цифровой платформе, цифровому контенту либо иному объекту. Признак активных действий исполнителя услуг может быть выявлен при помощи принципов разумности и добросовестности. Действуя разумно и добросовестно, оператор платформы не только разрешает доступ пользователя на платформу, но и совершает ряд дополнительных действий по обеспечению работоспособности платформы, которые охватываются понятием надлежащего исполнения договора оказания цифровых услуг.

В целом благодаря диспозитивному методу правового регулирования договорное оформление отношений и исполнение обязательств в сфере внешней торговли услугами в цифровой экономике возможно на основе уже существующих

правовых механизмов и средств. При этом вопросы обеспечения безопасности и конфиденциальности данных, включая их трансграничную передачу, вопросы защиты прав потребителей и обеспечения свободы конкуренции на цифровых платформах требуют применения императивного метода.

Библиография

Нормативные правовые акты и документы Российской Федерации:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.
4. Федеральный закон 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.
5. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
8. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
9. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
10. Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4737.
11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст.

- 5018.
12. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.
  13. Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // СЗ РФ. 2007. № 1. Ст. 44.
  14. Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. №27 (часть I). Ст. 5064.
  15. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
  16. Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 № 5338-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного совета РФ. 1993. № 32. Ст. 1240.

Указы Президента РФ и Постановления Правительства РФ:

1. Постановление Правительства РФ от 15.09.2008 № 691 «Об утверждении Положения о лицензировании внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), в отношении которых установлен экспортный контроль» // СЗ РФ. 2008. № 38. Ст. 4324.
2. Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 7003.
3. Постановление Правительства РФ от 04.05.2021 № 703 «О федеральной государственной информационной системе «Генеральная схема развития сетей связи и инфраструктуры хранения и обработки данных Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 7003.

Международные договоры:

1. Генеральное соглашение по торговле услугами (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 2785 - 2817.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // <http://www.pravo.gov.ru>.

Судебная практика:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 № 17-П // СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4169.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Российская газета. 2018. № 142.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 154.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. 2019. № 4.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. 2016. № 275.

7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.09.2019 № Ф01-3986/2019 по делу № А82-8942/2017 // СПС «Консультант-Плюс».
9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.05.2021 № Ф02-1922/2021 по делу № А10-5005/2020// СПС «Консультант-Плюс».
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.06.2020 № Ф04-1619/2019 по делу № А03-3278/2018 // СПС «Консультант-Плюс».
11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.10.2021 № Ф04-5066/2021 по делу № А45-3973/2021 // СПС «Консультант-Плюс».
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.08.2016 № Ф05-10238/2016 по делу № А40-217249/2015 // СПС «Консультант-Плюс».
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.09.2022 № Ф05-21827/2022 по делу № А40-230845/2021 // СПС «Консультант-Плюс».
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.04.2022 № Ф05-7281/2022 по делу № А40-82802/2021 // СПС «Консультант-Плюс».
15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2022 № Ф05-14395/2022 по делу № А40-188537/2021 // СПС «Консультант-Плюс».
16. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.02.2022 № Ф06-13312/2021 по делу № А65-16431/2021 // СПС «Консультант-Плюс».
17. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10.08.2017 № 02АП-5381/17 по делу № А28-2245/2017 // СПС «Консультант-Плюс».
18. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2019

№ 09АП-53631/2019 по делу № А40-106484/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

19. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.11.2022 № 09АП-64168/2022-ГК по делу № А40-111861/2022// СПС «Консультант-Плюс».

20. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2017 № 09АП-11464/2017 по делу № А40-190547/16// СПС «Консультант-Плюс».

21. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2022 № 09АП-50687/2022 по делу № А40-228362/2020 // СПС «Консультант-Плюс».

Учебные пособия, монографии, статьи:

1. Абросимова Е.А. Конституционные принципы и наука торгового права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 3. С. 73 - 75.
2. Абросимова Е.А. Роль саморегулируемых ассоциаций в предотвращении торговли контрафактной продукцией: правовые аспекты // Гражданское право. 2020. № 2. С. 22 - 25.
3. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. М., 2002. 451 с.
4. Актуальные проблемы гражданского права: Учебник / Под ред. Р.В. Шагиевой. М.: Новая юстиция, 2019. 380 с.
5. Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. 308 с.
6. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: учебное пособие. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Свердловск, 1964. 226 с.
7. Алтухов А.В. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7(128). С. 86 - 94.
8. Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения

- искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58 - 68.
9. Андреев В.К. Договоры инвестирования, заключаемые с использованием инвестиционных платформ путем приобретения утилитарных цифровых прав // Юрист. 2020. № 1. С. 15 - 21.
10. Андреева Л.В. Правовые проблемы развития торговли в условиях цифровой трансформации // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 36 - 43.
11. Ануфриева Л.П. Право ВТО: теория и практика применения: монография / Л.П. Ануфриева и др.; под ред. Л.П. Ануфриевой. М: Норма, 2016. 528 с.
12. Асосков А.В. Венская конвенция ООН 1980 года о договорах международной купли-продажи товаров: постатейный комментарий к положениям, определяющим сферу ее применения. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 300 с.
13. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.
14. Асосков А.В. Международное частное право в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020). М.: Статут, 2020. С. 382 - 392.
15. Асосков А.В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации // Закон. 2018. № 9. С. 134 - 142.
16. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 335 с.
17. Базедов Ю. Право открытых обществ – частное и государственное регулирование международных отношений: Общий курс международного частного права / пер. с англ. Ю.М. Юмашева. М.: Норма, 2016. 384 с.
18. Белицкая А.В. Правовое обеспечение инвестирования в цифровой

- экономике // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 325 - 335.
- 19.Белов В.А. Двенадцать тезисов по вопросу о том, существуют ли основания для обособления такой научной юридической специальности, как «коммерческое (торговое) право»? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 2. С. 474 - 480.
- 20.Белов В.А. Гражданско-правовая природа сделок, представляющих собой акты злоупотребления доминирующим положением // Закон. 2015. № 9. С. 98 - 109.
- 21.Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / Ответственный редактор М.А. Рожкова. М., 2007. С. 6 - 77.
- 22.Белов В.А. Состав и система случаев-оснований возникновения права одностороннего отказа от договоров (обязательств) и их исполнения и одностороннего изменения их условий // Закон. 2019. № 8. С. 44 - 62.
- 23.Белов В.А. Так что же такое конкурентное право? // Закон. 2020. № 2. С. 44 - 64.
- 24.Белов В.А. Торговые обычаи как источники международного торгового права: содержание и применение // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 1. С. 52 - 101.
- 25.Белых В.С., Болобонова М.О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5 - 14.
- 26.Белых В.С. К вопросу о принципах предпринимательского права // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. С. 22-38.
- 27.Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в

- России: монография. М.: Проспект, 2014. 430 с.
28. Бикбулатова Ю.С., Дупан А.С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. 2022. № 2. С. 211 - 219.
29. Бирюков Д.О., Шиткина И.С. Корпоративный договор как правовой инструмент структурирования сделок в сфере предпринимательской деятельности // Хозяйство и право. 2020. № 3(518). С. 12 - 27.
30. Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. № 7. С. 108 - 118.
31. Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972. 160 с.
32. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.
33. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о передаче имущества. 4-е изд. М.: Статут, 2002. Кн. 2. 800 с.
34. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. Кн. 3. 1055 с.
35. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 367 с.
36. Вайпан В.А. Источники предпринимательского права: теория и практика // Право и экономика. 2015. № 10. С. 4 - 17.
37. Вайпан В.А. Источники предпринимательского права: учебно-методический комплекс. М.: Юстицинформ, 2017. 84 с.
38. Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5 - 18.
39. Вайпан В.А. Создание новой правовой среды для цифрового развития транспорта // Право и экономика. 2021. № 9. С. 5 - 11.
40. Васильев А.О. Налогообложение «облачных» сервисов и технологий // Информационное право. 2018. № 2. С. 28 - 32.
41. Варламова А.Н. Защита экономически слабого субъекта как принцип

- конкурентного права // Конкурентное право. 2021. № 1. С. 12 - 16.
42. Варламова А.Н. Принципы конкурентного права // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 14 - 17.
43. Варламова А.Н. Публичные службы и публичный интерес в конкурентном праве // Конкурентное право. 2017. № 4. С. 3 - 7; 2018. № 1. С. 12 - 15.
44. Василевская Л.Ю., Рожкова М.А. Оказание электронных услуг онлайн-классифайдами: проблемы правовой регламентации // Хозяйство и право. 2020. № 11(526). С. 41 - 51.
45. Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5(508). С. 3 - 14.
46. Венедиктов А.В. О субъектах социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 17 - 28.
47. Волков Ю.В. Информационная правосубъектность // Теория государства и права. 2021. № 4(25). С. 80 - 95.
48. Вольвач Я.В. О необходимости гражданско-правового регулирования вопросов качества услуг // Адвокат. 2013. № 5. С. 13 - 16.
49. Вольфсон В.Л. Категории осуществления субъективных прав в контексте их цифровизации // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 3. С. 42 - 52.
50. Ворожевич А.С. Исключительные права в цифровой сфере: объекты, границы, пределы осуществления (комментарий законодательства) // Современные информационные технологии и право: монография / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 208 - 233.
51. Ворожевич А.С., Козлова Н.В. Случаи свободного использования объектов авторских прав: сущность, общий обзор // Вестник гражданского права. 2019. № 5. С. 43 - 78.
52. Ворожевич А.С. Электронные библиотеки и авторские права. Возможно ли исчерпание прав на цифровые копии произведений? // ИС. Авторское право

- и смежные права. 2020. № 11. С. 18 - 25.
53. Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2. С. 96 - 113.
54. Габов А.В., Хаванова И.А. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 1. С. 28 - 44.
55. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. I. Часть общая. СПб., 1911. 793 с.
56. Гицу М.А., Гицу В.Д. Модернизация понятия внешнеэкономической сделки // Государство и право. 2020. № 1. С. 123 - 138.
57. Глонина В.Н. Не все то лицензия, что ею зовется: проблемные аспекты правового регулирования отношений между пользователями и цифровыми сервисами // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 43 - 53.
58. Головкин Р.Б. Цифровая форма правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 1(58). С. 129 - 134.
59. Гордон М.В. Советское авторское право. М., 1955. 232 с.
60. Городов О.А. Об утилитарных цифровых правах как новом инструменте привлечения инвестиций / Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: монография, коллектив авторов / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2020. С. 100 - 110.
61. Городов О.А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019. № 3(05). С. 5 - 10.
62. Городов О.А. Цифровое право, как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. 2021. № 1 (11). С. 36 - 43.
63. Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной торговой организации, Евразийском

- экономическом сообществе и Таможенном союзе: монография / отв. ред. И. В. Ершова. М., 2016. 288 с.
64. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М., 1996. 700 с.
65. Гражданское право: Учебник: В 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. Т. 3. М.: ВолтерсКлувер, 2008. 800 с.
66. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. 560 с.
67. Гришаев С.П. Реклама: правовое регулирование. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. 175 с.
68. Губарева А.В., Сливкин И.В. Последствия вступления России в ВТО: правовое регулирование внешнеторговой деятельности. Екатеринбург, 2013. 192 с.
69. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы М., 2017. 320 с.
70. Губин Е.П. Государство и бизнес в условиях правовых реформ // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 23 - 30.
71. Губин Е.П. Предмет предпринимательского права: современный взгляд // Предпринимательское право. 2014. № 2. С. 9 - 14.
72. Губин Е.П. Устойчивое развитие рыночной экономики и предпринимательства: вопросы права // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 36 - 46.
73. Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8(390). С. 5 - 13.
74. Губин Е.П. Экономическая деятельность, экономические права и их защита в контексте соотношения права и экономики // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 3 - 10.

75. Гуна А.Н. Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 11. С. 52 - 95.
76. Дерюгина С.Р. Каршеринг и райдшеринг: к проблеме правовой природы договоров // Гражданское право. 2019. № 4. С. 20 - 23.
77. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. 1120 с.
78. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с.
79. Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г. Актуальные проблемы правового регулирования государственной монополии на осуществление внешнеэкономической деятельности // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 136 - 153.
80. Доценко А.В., Иванов А.Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. 2016. № 2. С. 31 - 45.
81. Друева А.А. Цифровая инфраструктура и право // Право и цифровая экономика. 2019. № 1. С. 18 - 24.
82. Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241 - 274.
83. Егорова М.А. Основные подходы к формированию моделей нормативного регулирования отношений в сфере цифровых технологий // Актуальные проблемы современного права и экономики Европы и Азии: кол. монография: в 2 т. / отв. ред. М.А. Егорова, И.В. Халевинский. М.: Юстицинформ, 2018. Т. 1. 344 с.
84. Елин В.М. «Облачные» услуги и особенности их правового регулирования в

- Российской Федерации // Информационное право. 2017. № 4. С. 28 - 33.
- 85.Ем В.С., Суханов Е.А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 7 - 21.
- 86.Ершова И.В. Предпринимательское право: равнодушный взгляд // Предпринимательское право. 2012. № 2. С. 2 - 9.
- 87.Ефимова Л.Г. Виды правоотношений, возникающих на платформе blockchain // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 1(8). С. 16 - 26.
- 88.Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты правового регулирования договора об оказании услуг по предоставлению информации в Российской Федерации // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 17 - 21.
- 89.Жарова А.К., Демьянец М.В., Елин В.М. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2014. 440 с.
- 90.Заливако С.Г., Филиппова А.В. Переговоры по электронной коммерции в рамках ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 7. С. 43 - 61.
- 91.Зенин И.А. О концепции глобальной лицензии как инструменте управления правами на объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде // Право интеллектуальной собственности. 2015. № 3. С. 4 - 7.
- 92.Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма. 2018. 368 с.
- 93.Иванов А.А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5. С. 145 - 156.
- 94.Иванов А.А. Много оттенков серого: Абсолютные и относительные права (цифровая практика и немного теории) // Закон. 2019. № 5. С. 103 - 109.
- 95.Иванов А.Л., Шустова И.С. Исследование цифровых экосистем как фундаментального элемента цифровой экономики // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 5. С. 655 - 670.
- 96.Иоффе О.С. Выступление по докладу Ю.К. Толстого «О философских

- проблемах общей теории правоотношения» // Правоведение. 1958. № 2. С. 160.
97. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2003. 782 с.
98. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. 880 с.
99. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1494 с.
100. Кабалкин А.Ю. Услуги в системе отношений, регулируемых гражданским правом // Государство и право. 1994. № 8 - 9. С. 79 - 88.
101. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. М.: Международные отношения, 2019. 704 с.
102. Канашевский В.А. Юридические проблемы использования российскими банками облачных услуг зарубежных провайдеров // Lex russica. 2019. № 3. С. 108 - 115.
103. Капитализм платформ / Срничек Н. Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
104. Карелина Е.А., Смирнов Е.Н. Регулирование международной торговли в цифровой экономике: новая парадигма // Торговая политика. 2020. №4 (24). С. 27 - 37.
105. Карелина С.А. Особенности реализации конституционных принципов в процессе несостоятельности (банкротства) // Право и бизнес. 2019. № 1. С. 7 - 14.
106. Карелина С.А., Фролов И.В. Договоры о переводе долга и возможность их оспаривания по п. 1 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Право и бизнес. 2018. № 3. С. 33 - 38.
107. Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 25 - 26.
108. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы:

- российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25 - 28.
109. Кванина В.В., Спиридонова А.В. Публично-правовое и частноправовое регулирование деятельности оператора инвестиционной платформы // Право и цифровая экономика. 2020. № 4. С. 25 - 31.
110. Кечекьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе М., 1958. 186 с.
111. Кирпичев А.Е. Категория взаимосвязанных договоров в российском и европейском праве // Гражданское право. 2014. № 2. С. 40 - 43.
112. Кирпичев А.Е. Односторонний отказ от взаимосвязанного договора // Закон. 2019. № 10. С. 161 - 170.
113. Клейн Н.И. Организация договорно-хозяйственных связей. М., 1976. 190 с.
114. Козлова Н.В. Абстрактное и конкретное понимание субъекта, правоспособности и гражданского правоотношения // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сб. науч. ст. к юбилею д. ю. н., профессора Е.А. Суханова. М.: Статут, 2018. С. 306 - 323.
115. Козлова Н.В., Косовец А.А., Ворожевич А.С. Электронные библиотеки научно-образовательных организаций: правовые проблемы создания и деятельности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 6. С. 50 - 64.
116. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Обычай в гражданском праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 62 - 72.
117. Козловская С.В. Проблемы гражданско-правового регулирования сделок, заключаемых в рамках электронного взаимодействия: опыты цивилистического исследования: сб. ст. Вып. 2. М.: Статут, 2018. С. 195 - 231.
118. Комаров А.С. Внешнеэкономический договор: выбор контрагентами применимого права // Актуальные правовые аспекты современной практики

- международного коммерческого оборота: сборник статей / под общ. ред. А.С. Комарова. М.: Статут, 2016. С. 127 - 128.
119. Комаров А.С. Принципы УНИДРУА как применимое право в международных коммерческих договорах // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 57 - 60.
120. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О.Н. Садилов. М., 1998. 887 с.
121. Комментарий к проекту Директивы Европейского Союза «Об онлайн-посреднических платформах» / Отв. ред. В.А. Белов. М., М-Логос, 2022. 68 с.
122. Коммерческое право: учебник для академического бакалавриата / Б.И. Пугинский. М.: Издательство Юрайт, 2016. 471 с.
123. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: монография / под общ. ред. А.А. Волоса. М.: Проспект, 2021. 224 с.
124. Концепция частного и публичного права России / Под ред. В.И. Иванова, Ю.С. Харитоновой. М., 2013. 327 с.
125. Кулаков В.В. Проблема определения сложных обязательств // Российский судья. 2009. № 8. С. 5 - 9.
126. Курс международного частного права: в 3 т. / Л.А. Лунц. М.: Спарк, 2002. 1007 с.
127. Краснова С.А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 67 - 82; № 2. С. 76 - 86.
128. Ксенофонтов О.М. E-Commerce: аспекты правового регулирования таргетированной рекламы в России / Право цифровой экономики: Ежегодник-антология / под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2020. С. 217 - 244.

129. Кузнецова Н.Г. Правовое положение агрегатора информации о товарах (услугах, работах, цифровом контенте) и его преддоговорные обязанности // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 1 - 15.
130. Кузьменков М.Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3. С. 152 - 159.
131. Куликова А.А. Цифровые права в российской правовой системе: понятие, виды // Современный юрист. 2019. № 1. С. 178 - 185.
132. Лаптев В.В. Субъекты хозяйственного права // Советское государство и право. 1975. № 4. С. 80 - 88.
133. Ларионова В.А. Информационный брокер как новый субъект информационного права в эпоху Big Data / Право в сфере Интернета: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 62 - 103.
134. Липень С.В. Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10(119). С. 11 - 19.
135. Лоренц Д.В. Информационные посредники (провайдеры) в России и зарубежных странах: природа, сущность и типология // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 5. С. 136 - 163.
136. Мажорина М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 230 - 253.
137. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex Russica*. 2019. № 7. С. 102 - 103.
138. Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. №4. С. 140 - 160.
139. Мажорина М.В., Терентьева Л.В., Шахназаров Б.А. Международное

- частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. №5 (102). С. 169 - 182.
140. Майоров С.М. Цифровые объекты и субъекты в российском праве // Youth for science 2021: сборник статей международного учебно-исследовательского конкурса. Петрозаводск: Новая Наука, 2021. С. 162 - 165.
141. Маркевич Д.С. Экономическая природа объектов в цифровой экономике и ее отражение в праве // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 2(18). С. 136 - 146.
142. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 26. 703 с.
143. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2006. 650 с.
144. Матузов Н.И. Теория государства и права. М., 2001. 540 с.
145. Международное частное право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. М.: Проспект, 2017. 1216 с.
146. Международное частное право: Учебник / Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. М., 2015. Т. 1: Общая часть. 400 с.
147. Михеева Л.Ю. Отказ от договора: некоторые практические рекомендации сторонам обязательств // Хозяйство и право. 2017. № 2(481). С. 21 - 34.
148. Ломакин Д.В. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве // Хозяйство и право. 2019. № 1(504). С. 3 - 26.
149. Международное частное право: учебник / отв. ред. Н.И. Марышева. М.: Контракт, 2018. 848 с.
150. Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 7 - 13.
151. Михайлова Л.А. Негосударственное регулирование в сфере трансграничных агентских отношений // Актуальные проблемы российского

- права. 2021. Т. 16. № 3. С. 168 - 176.
152. Мозолин В.П. Система российского права // Труды Московской государственной юридической академии. 2002. № 9. С. 7 - 28.
153. Мордовин А.В., Полусмакова Н.С. Цифровая реклама в кросс-канальных коммуникациях // Вестник ВГУИТ. 2017. № 4. С. 297 - 306.
154. Морхат П.М. Правосу́бъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 112 с.
155. Нектов А.В. Юрисдикция государства в интернет-эпоху: трактат о теории и практике цифровизации в международном частном и публичном праве // Цифровое право. 2021. № 2(4). С. 61 - 67.
156. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2001. 560 с.
157. Новоселова Л.А. Токенизация объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29 - 44.
158. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31 - 54.
159. Нурмухаметов Р.К., Торин С.С. Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Известия Тульского государственного университета: экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 32- 39.
160. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 520 с.
161. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. 2-е изд. М.: Проспект, 2008. 565 с.
162. Перзановски А., Джейсон Ш. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике. М.: Дело, 2019. 352 с.
163. Петровский С.В. Интернет-услуги в российском праве / С.В.

- Петровский. М.: Издательский Сервис, 2003. 272 с.
164. Подузова Е.Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. 2021. №2. С. 55 - 60.
165. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
166. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29 - 36.
167. Предпринимательское право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М., 2017. 992 с.
168. Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. 402 с.
169. Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография / под общ. ред. В.А. Вайпана, М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. 276 с.
170. Рагозина В.В. Правообладатель программы для ЭВМ и облачный провайдер: особенности соглашений в сфере облачных технологий // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 6. С. 53 - 62.
171. Рахматуллин Т.Э. Цифровые технологии в рекламной деятельности: правовое регулирование // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 160 - 178.
172. Романец Ю.В. Договор возмездного оказания услуг // Закон. 1999. № 10. С. 110.
173. Ромашев Ю.С. Признание практики в качестве правовой нормы (opinio juris) при формировании международного обычая // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 124 - 148.
174. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные

- неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. 958 с.
175. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. 1208 с.
176. Российское предпринимательское право: Учебник / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. М., 2012. 560 с.
177. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права. Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32 - 60.
178. Савельев А.И. Критерии наличия действительного и предполагаемого знания как условия привлечения к ответственности информационного посредника // Закон. 2015. № 11. С. 48 - 60.
179. Савельев А.И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2016. С. 481 - 543.
180. Савельев А.И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 7 - 15.
181. Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. М., 2006. 150 с.
182. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.
183. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 92 с.
184. Саркисян А.С. Правовая природа и понятие внешнеэкономической сделки // Гражданское право. 2017. № 4. С. 35 - 37.
185. Свентицкая А.В. Создание и функционирование интернет-магазинов в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование):

- Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019. С. 142 - 160.
186. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск, 1985. 200 с.
187. Свирков С.А. К вопросу об объектах гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 102 - 116.
188. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106 - 123.
189. Сергеева О.В. Влияние цифровизации на преддоговорные отношения в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 162 - 184.
190. Сергеева О.В. Выбор права участниками трансграничных онлайн-контрактных отношений: опыт США и Европейского союза // Международное публичное и частное право. 2020. № 6. С. 34 - 38.
191. Сергеева (Муратова) О.В. Особенности заключения онлайн-контрактов в международном частном праве // Судья. 2019. № 11. С. 41 - 47.
192. Смирнов Е.Н. Вызовы глобального регулирования международной цифровой торговли // Торговая политика. 2020. № 1/21. С. 28.
193. Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 1. 544 с.
194. Спартак А.Н. Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. №5. С. 7 - 23.
195. Степанов О.А. О проблеме конкретизации права в условиях цифровизации общественной практики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 4 - 23.
196. Стригунова Д.П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров: монография. В 2 т. Т. 1. М.: Юстицинформ, 2017. 448 с.
197. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.:

Статут, 2017. 560 с.

198. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7 - 29.
199. Суханов Е.А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020). М.: Статут, 2020. С. 27 - 28.
200. Таран К.К. Правовая характеристика договора, регламентирующего отношения по использованию облачного хранилища информации в России и США // Право и экономика. 2018. № 12. С. 45 - 52.
201. Татарина С.С. Цифровая экономика и право: новые вызовы - новые перспективы // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3. С. 62 - 66.
202. Телюкина М.В. Проблемы определения места фотографии в системе объектов гражданских правоотношений // Хозяйство и право. 2018. № 8(499). С. 21 - 36.
203. Теория государства и права: Учебник / А.В. Малько, Н.И. Матузов. М.: Юрист, 2004. 245 с.
204. Терентьева Л.В. Критерий направленности деятельности профессиональной стороны на территорию страны места жительства потребителя как условие специального коллизионного регулирования потребительских отношений // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 142 - 154.
205. Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 160 - 180.
206. Терентьева Л.В. Экстратерриториальность в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5 (126). С. 183 - 194.

207. Терещенко Л.К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 101 - 108
208. Терещенко Л.К., Тиунов О.И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 46 - 51.
209. Толстой В.С. Исполнение обязательств. М., 1973. 207 с.
210. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. 88 с.
211. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта. Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30 - 74.
212. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности // Научная библиотека КиберЛенинка [Электронный ресурс]. 2019.
213. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. 340 с.
214. Харитонова Ю.С. Основные тенденции судебной практики к определению природы цифровых активов с частноправовых позиций // Гражданское право. 2019. № 3. С. 21 - 24.
215. Харитонова Ю.С. Совместное осуществление исключительных прав // Право и экономика. 2018. № 11(369). С. 65 - 72.
216. Харитонова Ю.С., Сунь Ци. Цифровизация общественных отношений и верховенство закона: опыт переосмысления в России и Китае // Гражданское право. 2022. № 2. С. 3 - 8.
217. Харитонова Ю.С. Юридическое значение транзакций в системе распределенных реестров // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 348 - 354.
218. Харитонова Ю.С., Ян Т. Рекомендательные системы: выработка правовых подходов в России и Китае // Предпринимательское право. 2022.

- № 2. С. 50 - 58.
219. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020. 640 с.
220. Черфас Р.А. Цифровая трансформация правоотношений в сегментах G2G, G2B/B2G и G2C // Право и цифровая экономика. 2020. № 1(07). С. 29 - 35.
221. Четвергов Д.С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 33 - 39.
222. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование "цифровых прав" // Проблемы современного гражданского права: Сборник статей памяти В.С. Ема (к 70-летию со дня рождения) / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2021. С. 230 - 241.
223. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула.: Автограф, 2001. 719 с.
224. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. Вып. 2 - 4. М.: Юридический колледж МГУ, 1995. 512 с.
225. Шиткина И.С. Правовой статус акционерного общества: проблемы идентификации и изменения // Журнал российского права. 2021. Т.25. № 2. С. 45 - 55.
226. Шокуров Д.В. Связанные договоры и принцип относительности в договорном праве // Хозяйство и право. 2019. № 7(510). С. 107 - 116.
227. Щербак Н.В. Digital art в условиях электронной коммерции // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43 - 61.
228. Щербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 99 - 134.
229. Юридическая техника: курс лекций / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2015. 830 с.
230. Яичков К.К. К учению о гражданском правоотношении // Вестник

МГУ. Серия экономики, философии и права. 1956. № 1. С. 129 - 140.

231. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут. 2021. 310 с.

Авторефераты и диссертации:

1. Абросимова Е.А. Организаторы торгового оборота: правовой статус и функциональное назначение: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 346 с.
2. Бодиловский А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из договоров, заключенных дистанционно: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2021. 180 с.
3. Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: дис.... доктора юрид. наук. М., 2019. 696 с.
4. Губин Е.П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 431 с.
5. Жильцов А.Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 214 с.
6. Зажигалкин А.В. Международно-правовое регулирование электронной коммерции: Дис.... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 189 с.
7. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2017. 35 с.
8. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Дис. ... доктора юрид. наук. М., 2019. 394 с.
9. Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2021. 27 с.

10. Красавчиков О.А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве: Автореферат дис. ... канд. юрид. Наук. Свердловск, 1950. 13 с.
11. Кулаков В.В. Сложные обязательства в гражданском праве: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 2011. 43 с.
12. Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2019. 28 с.
13. Мучак Р.И. Саморегулирование делового оборота участниками международных контрактов: Автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М., 2013. 26 с.
14. Постникова Е.В. Свобода предоставления услуг в Европейском Союзе: правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.
15. Рассолов И.М. Право и Интернет: теоретические проблемы: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2008. 357 с.
16. Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 45 с.

Зарубежные учебные пособия, монографии и статьи:

1. Backer L. C. Economic Globalization and the Rise of Efficient Systems of Global Private Lawmaking: Wal-Mart as Global Legislator // Connecticut Law Review. 2019. Vol. 39. No 4. P. 3 - 46.
2. Bairathi M., Zhang X., Lambrecht A., The Value of Platform Endorsement. 2022 // URL: <https://ssrn.com/abstract=4144605>.
3. Bergqvist Ch., Faustinelli E. Leveraging Conducts in the Digital Economy: A Competition and Regulatory Perspective. 2022. 31 p.
4. Burri M., Polanco R. Digital Trade Provisions in Preferential Trade Agreements: Introducing a New Dataset // Journal of International Economic Law. 2020. № 23. P. 1 - 34.
5. Burri M. Towards a New Treaty on Digital Trade // Journal of World Trade. 2021.

- № 55. P. 77 - 100.
6. Burri M. Trade in services regulation in the data-driven economy // Trade, Law and Development. 2020. № 12. P. 208 - 240.
  7. Busch Ch, Dannemann G., Schulte-Nölke H., Wiewiórowska A. Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms // Journal of European Consumer and Market Law. 2016. № 5 P. 164 - 169.
  8. Busch C. Verantwortung und Haftung von Transaktionsplattformen // Forderungen des vzbv. 2020. P. 14 - 15.
  9. Calo R., Rosenblat A. The Taking Economy: Uber, Information, and Power // University of Washington School of Law Research Paper. 2017. № 8. P. 1623 - 1690.
  10. Casalini F., Gonzalez J.L., Moise E. Approaches to market openness in the digital age // OECD Trade Policy Papers. 2019. №. 219. P. 5.
  11. Clarkson K.W., Miller R.L. Business Law: Text and Cases. The USA: Cengage Learning. 2021.
  12. Cohen E. Law for the Platform Economy // University of California, Davis, Vol. 51:133, 2017. P. 199 - 201.
  13. Cui W. The Digital Services Tax: A Conceptual Defense // Tax Law Review. 2019. P. 69 - 111.
  14. Filippi P. de. From Lex Mercatoria to Lex Cryptographica. Dispute Revolution. The Kleros Handbook of Decentralized Justice // URL: <https://blog.kleros.io/dispute-revolution-the-kleros-handbook-of-decentralized-justice/>.
  15. Grae I. Market Definition and Market Power in Data: The Case of Online Platforms // World Competition. 2015. № 4. P. 473 - 506
  16. Gutbrod M. Digital transformation in economy and law // Digital Law Journal. 2020. № 1. P. 12 - 23.
  17. Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy // Issues in Science and Technology. 2019. Vol. 32. P. 61 - 69.

18. Khan L. Amazon's Antitrust Paradox // Yale Law Journal. 2017. № 126. P. 564 - 907.
19. Kling R., Lamb R. IT and organizational change in digital economies: A sociotechnical approach // Understanding the Digital Economy. Data, Tools, and Research. Cambridge, 2000. 262 p.
20. Lobel O. The Law of the Platform // Minnesota Law Review: San Diego Legal Studies Paper. 2016. №. 16. 56 p.
21. Marston S., Li Z. Cloud Computing: The Business Perspective. 2009. 34 p.
22. McKee D., Makela F., Scassa T. Law and the “Sharing Economy”: Regulating Online Market Platforms // University of Ottawa Press. 2018. 452 p.
23. Mell P. The NIST Definition of Cloud Computing: Recommendations of the National Institute of Standards and Technology. 2011.
24. Michels J., Millard Ch., Turton F. Contracts for Clouds, Revisited: An Analysis of the Standard Contracts for 40 Cloud Computing Services // Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2020. №. 334. 80 p.
25. Mitchell A., Mishra N. Data at the Docks: Modernising International Trade Law for the Digital Economy // Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law. 2018. № 20. 62 p.
26. Palfrey J., Gasser U. The Promise and Perils of Highly Interconnected Systems. NY.: Basic Books, 2012. 304 p.
27. Polanski P.P. Towards a supranational Internet law // Journal of International Commercial Law and Technology. 2006. P. 1 - 9.
28. Ryan P. Smart Contract Relations in e-Commerce: Legal Implications of Exchanges Conducted on the Blockchain // Technology Innovation Management Review. 2017. Vol. 7. Iss. 10. P. 10 - 17.
29. Shekhar S. Definition of Trade in Services: A Critical Analysis: National Law University. 2013. 15 p.
30. Shirole S, Khanuja H. Cloud Computing – a Survey on Cloud Computing Platforms and Service Offerings. 2022. 10 p.

31. Sokol D., Comerford R. Does Antitrust Have a Role to Play in Regulating Big Data? // Cambridge University Press. 2016. 22 p.
32. Weber R.H., Burri M. Classification of Services in the Digital Economy. Springer Heidelberg New York Dordrecht London. 2012. 17 p.
33. Wu T. The World Trade Law of Internet Filtering. 2006. 434 p.
34. Wunsch-Vincent S., Hold A. Towards Coherent Rules for Digital Trade: Building on Efforts in Multilateral versus Preferential Trade Negotiations // Trade Governance in The Digital Age. Cambridge, 2012. P. 179 - 221.
35. Xu Y. The Destination Principle in International Trade in Services: The Chinese Experience. 2021. 33 p.
36. Zachariadis M., Ozcan P. The API Economy and Digital Transformation in Financial Services: The Case of Open Banking. 2017. 28 p.

Иные документы:

1. ГОСТ Р 57489-2017 "Национальный стандарт Российской Федерации. Руководство по добросовестной практике продажи товаров дистанционным способом с использованием сети Интернет" (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 07.06.2017 № 500-ст) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «Консультант-Плюс».
3. Паспорт федерального проекта "Информационная инфраструктура" (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) // <https://digital.gov.ru>.
4. Рекомендации Экспертного совета при ФАС России по развитию

- конкуренции в области информационных технологий и Экспертного совета ФАС России по развитию конкуренции в сфере розничной торговли «О практиках в сфере использования информационных технологий в торговле, в том числе связанных с использованием ценовых алгоритмов» // URL: <https://fas.gov.ru/documents/684828>.
5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 №12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>.
  6. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. // СПС «Консультант-Плюс».
  7. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях 2001 г. // СПС «Консультант-Плюс».
  8. Стандарт Банка России СТО БР ИББС-1.4-2018 «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы РФ. Управление риском нарушения информационной безопасности при аутсорсинге» (принят Приказом Банка России от 06.03.2018 № ОД-568).
  9. Решение ФАС России от 29.07.2022 по делу № 11/01/10-30/2021 // СПС «Консультант-Плюс».

Электронные ресурсы:

1. <https://ac.gov.ru>
2. <https://bruegel.org>
3. <https://curia.europa.eu>
4. <https://digital.gov.ru>
5. <https://dx.doi.org>
6. <https://fas.gov.ru>
7. <https://papers.ssrn.com>
8. <https://rg.ru>

9. <https://tass.ru>
10. www.un.org
11. <https://uncitral.org>
12. <https://undocs.org>
13. <https://wto.org>